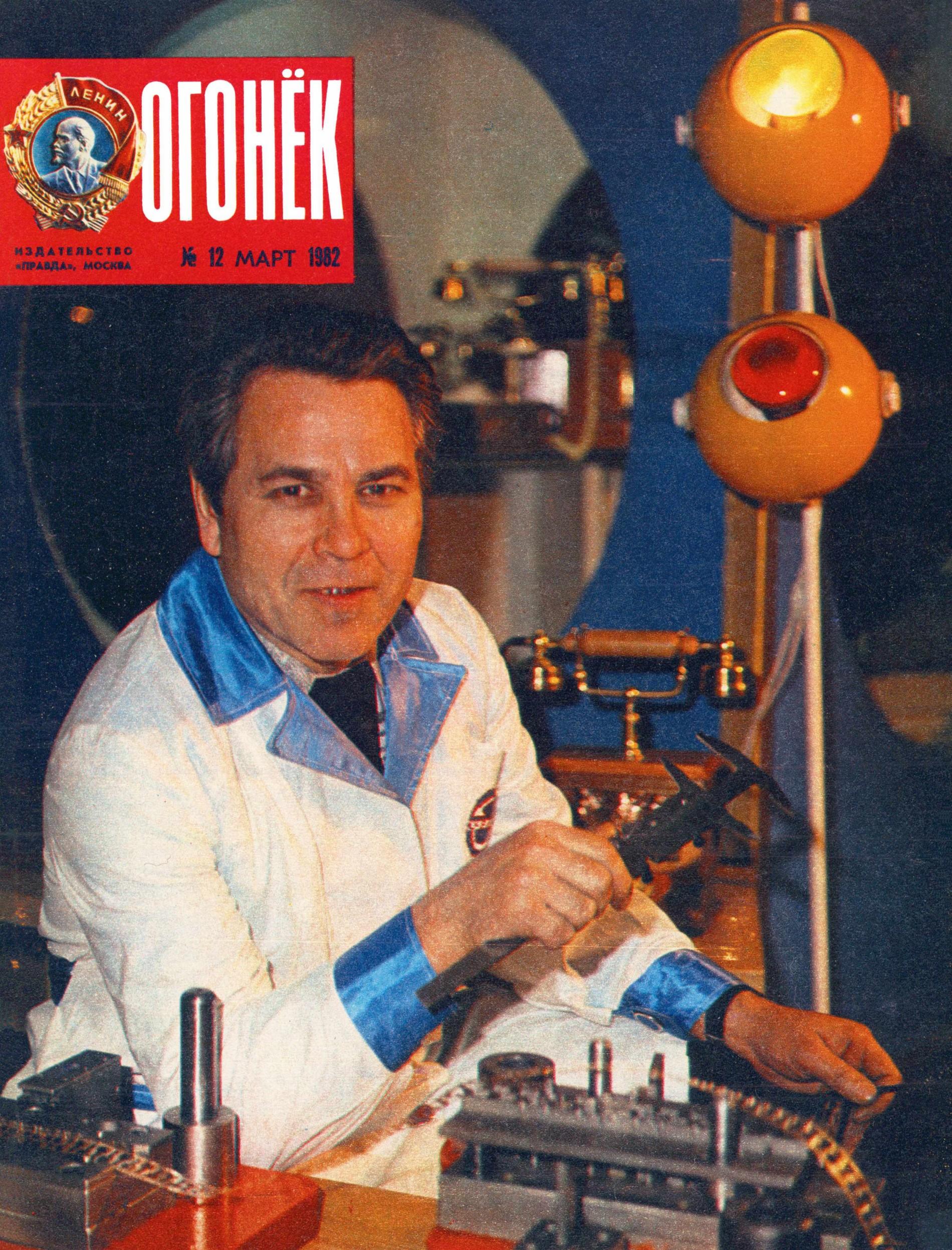

ОГОНЁК

№ 12 МАРТ 1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев выступает с речью на XVII съезде профсоюзов СССР.

XVII СЪЕЗД ПРО

Бурными аплодисментами встретили собравшиеся товарища Л. И. Брежнева.

16 марта в Кремлевском Дворце съездов открылся XVII съезд профсоюзных союзов СССР.

11 часов утра. Бурными, продолжительными аплодисментами приветствовали собравшиеся товарищи Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

XVII съезд профсоюзов СССР открыл председатель ВЦСПС С. А. Шалаев.

Единодушно, с большим подъемом избран почетный президиум съезда в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

На нашем съезде, сказал председатель ВЦСПС, присутствуют руководители Коммунистической партии и Советского государства. Все они единодушно избраны делегатами XVII съезда профсоюзов. Под бурные, долго не смолкающие аплодисменты оратор от имени делегатов и гостей съезда сердечно приветствовал членов Политбюро ЦК КПСС во главе с верным сыном партии и народа, выдающимся политическим и государственным деятелем современности Леонидом Ильичом Брежневым. Оратор также приветствовал кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарей ЦК КПСС, других руководителей.

С. А. Шалаев сообщил, что для участия в работе съезда советских профсоюзов прибыла 131 делегация из 123 стран, представляющая 160 национальных профцентров и 8 международных организаций. От имени профсоюз-

зов СССР он горячо приветствовал зарубежных друзей, посланцев рабочего класса всех континентов.

Мы вновь подтверждаем, сказал председатель ВЦСПС, что советские профсоюзы неизменно стояли и впредь будут твердо стоять на позициях пролетарского интернационализма и солидарности с рабочим классом и профсоюзами других стран во имя решения в интересах людей труда коренных вопросов нашего времени.

Делегаты избрали руководящие органы съезда.

Утверждаются повестка дня и порядок работы съезда. На рассмотрение его делегатов внесены следующие вопросы:

Отчет о работе ВЦСПС и задачи профсоюзных союзов СССР в свете решений XXVI съезда КПСС.

Отчет Центральной ревизионной комиссии. Выборы Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов.

Выборы Центральной ревизионной комиссии.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу. Делегаты и гости съезда встречают Леонида Ильича стоя, бурной, долго не смолкающей овацией.

Собравшиеся в Кремлевском Дворце съездов с огромным вниманием выслушали речь товарища Л. И. Брежнева «Заботу о людях труда, заботу о производстве — в центр внимания профсоюзов». Он, в частности, сказал:

— Товарищи! Дальнейшее расширение прав и ответственности профсоюзов, повышение их

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 12 (2853)

20 МАРТА 1982

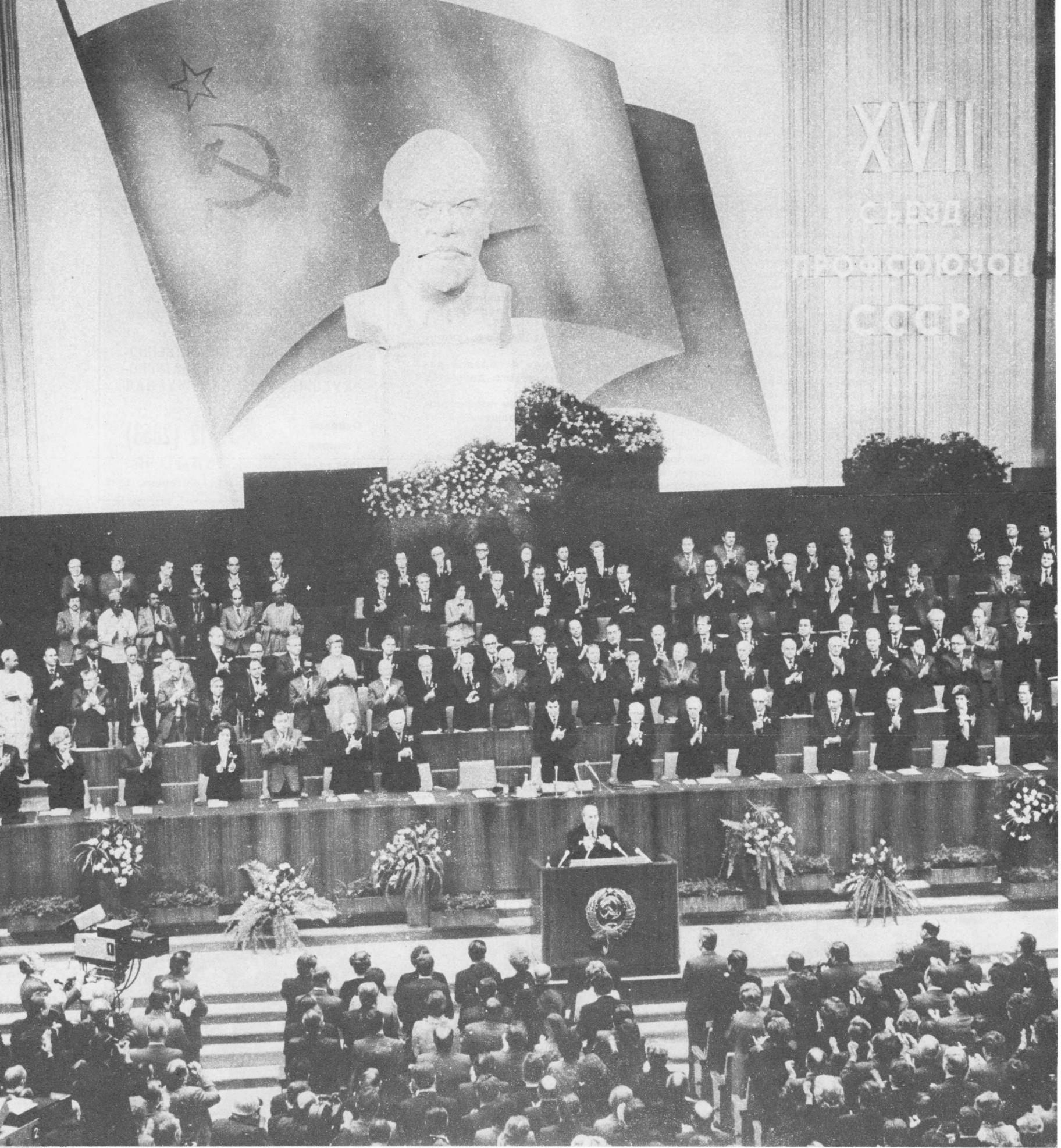
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1982

авторитета, укрепление их связей с массами — одно из важных направлений развития социалистической демократии.

Партия всегда выступала и выступает за то, чтобы каждая общественная организация, и, конечно, профсоюзы, как можно лучше выпол-

ФСОЮЗОВ СССР

Кремлевский Дворец съездов 16 марта.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

няла свои функции, как можно полнее отражала, говоря словами В. И. Ленина, то, чем масса живет, что у нее болит. Ведь тем самым партия и государство получают возможности полнее выражать в своей политике волю и интересы народа, всех слоев нашего общества.

Партия с полным доверием относится к профсоюзам, высоко ценит проводимую ими деятельность, уважает их организационную са-

мостоятельность. Своим авторитетом партия — руководящая сила советского общества — способствует росту влияния профсоюзов. Хорошее, деловое сотрудничество партийных органов и профсоюзов помогает успешно решать наиболее сложные проблемы — идет ли речь об экономике и социальных вопросах или о культурном строительстве и духовном развитии советских людей.

Речь товарища Л. И. Брежнева неоднократно прерывалась бурными, продолжительными аплодисментами.

Затем съезд приступил к рассмотрению первого пункта повестки дня. С докладом «Отчет о работе ВЦСПС и задачи профессиональных союзов СССР в свете решений XXVI съезда КПСС» выступил председатель ВЦСПС С. А. Шалаев.

Проводы на аэродроме.

Фото А. Гостева

ОТЪЕЗД НА РОДИНУ

10 марта из Москвы в Ленинград отбыл Президент Финляндской Республики Мауно Койвисто. На Внуковском аэродроме М. Койвисто провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр ино-

странных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

На аэродроме в Ленинграде М. Койвисто встречали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов, председатель исполнкома Ленсовета Л. Н. Зайков, другие официальные лица.

11 марта Президент Финляндской Республики М. Койвисто посетил Смольный.

К памятнику В. И. Ленина у Смольного Президент Финляндии возложил цветы.

На Пискаревском мемориальном кладбище М. Койвисто и сопровож-

дающие его лица почтили память ленинградцев и воинов, павших в годы Великой Отечественной войны.

Гость осмотрел художественные коллекции Эрмитажа.

В этот же день Президент Финляндии отбыл на родину.

БЕЗ ПРОИГРЫША

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ, собкор АПН

Могут ли два баварских лесоруба перепилить толстенное бревно простой двуручной пилой быстрее, чем франкфуртский пильщик электропилой? Возможно ли вместить в малолитражку «ситроен» 26 взрослых пассажиров? Можно ли в течение часа собрать пятьдесят монахинь, чтобы они не пешком, а на велосипедах прискакали на телевизионную студию? Изобретательности известного в ФРГ и Австрии артиста Франка Эльстнера нет предела. В телеграфе «Посторим, что...» он предлагает ее участникам самые невероятные пари. В свою очередь, участники должны сами назначить себе «заклад». Например, министр транспорта Фолькер Хауфф в случае проигрыша обязался один день отработать официантлом в вагоне-ресторане, популярная актриса Зента Бергер — стать гидом для туристов в Вене, телевизионный комментатор Томас Готтшальк, некогда учившийся педагогике, —

на один день вернуться к старой профессии.

Хауфф повезло: он выиграл и не должен был менять министерский кабинет на вагон-ресторан экспресса Штутгарт—Бонн. А вот Готтшальку придется собрать остатки своих познаний, чтобы провести уроки в церковном интернате. Публика, собравшаяся в телестудии во время спора, надрывала животики, когда, к ужасу Готтшалька, одна за другой на сцену стали выходить — вернее, выезжать на велосипедах — молодые и пожилые монахини в черных рясах и белых чепчиках... Спор, как говорится, дело благородное, и проигравшему надо платить по счету. Но кто оказался в выигрыше и кто проиграл в более серьезном споре, который в течение последних месяцев шел между политическими партиями боннского парламента, в том числе и между партиями правительственный коалиции?

В этом споре речь шла уже не о забавных исключениях, а об очень серьезном явлении, затрагивающем сотни тысяч, даже миллионы граждан ФРГ, — о массовой безработице.

Безработица — явление не новое для ФРГ. Однако темпы ее роста становятся все более значительными. Долгое время правительство утешало общественность ссылками на то, что, мол, в других странах Запада безработных еще больше. Однако и это утешение утеряло свое действие. В 1981 году профсоюзы потребовали активных мер по поддержанию занятости. Однако коалиция оказалась недееспособной, так как одна из ее партий — свободные демократы — категорически выступила против принятия специальных программ по обеспечению занятости. Защищая интересы предпринимателей, Свободная демократическая партия уверяла, что безработицу можно ограничить только

путем поощрения капиталовложений. Социал-демократам удалось добиться лишь согласия на возобновление дискуссии по этому вопросу, если рост числа безработных не приостановится.

Уже тогда шутили: предсказать рост безработицы — все равно что предсказать, что за ночью последует утро. Наутро 1982 года ФРГ проснулась с почти двухмиллионной безработицей. Общее число «лишних» людей увеличилось по сравнению с началом предыдущего года на 54 процента.

В этих условиях правительство не могло оставаться на прежней позиции. Началась бесконечная серия коалиционных переговоров. В результате была торжественно провозглашена совместная инициатива во имя труда, подъема и стабильности.

Что же она предусматривает? Снова взяла верх концепция поощрения предпринимателей. Объялено, что с 1 января им вы-

Леонид Осипович Утесов

Советское искусство понесло тяжелую утрату. На 87-м году жизни скончался выдающийся деятель советской эстрады, народный артист СССР Леонид Осипович Утесов.

С именем Л. О. Утесова, получившим всенародное признание, связаны становление и яркие достижения советского эстрадного искусства. Неоценим его вклад в пропаганду песни, в патриотическое воспитание советских людей.

Л. О. Утесов родился 22 марта 1895 года в Одессе. С 1911 года начал выступать на эстраде, а с 1929 года и до последних дней жизни руководил Государственным эстрадным оркестром РСФСР.

делены «субсидии на капиталовложения» — 4 миллиарда в год. Такие же поощрения предусматриваются для увеличения числа мест для учеников и подмастерьев. Для финансирования подобных мер с 1 июля 1983 года будет повышен с 13 до 14 процентов так называемый «налог на дополнительную стоимость», которым облагаются все товары и услуги. Кроме того, пенсионеры должны будут с 1984 года платить взнос за страхование по болезни (сейчас им его платить не надо). Домовладельцы получат право поднимать квартплату — якобы для финансирования нового строительства.

Впрочем, сами авторы «инициативы» немного от нее ожидают. Когда я беседовал с одним из экспертов — депутатом бундестага от социал-демократов Вольфгангом Ротом, он сказал: «Наша программа, конечно, не способна уменьшить безработицу. Мы будем рады, если удастся хотя бы задержать темпы ее роста. Однако все будет зависеть от капиталовложений, что, увы, от правительства не зависит...»

Профсоюзные деятели высказали еще резче. Как заявил председатель профсоюза печатников Леонард Малайн, «на первом плане, бесспорно, стоят интересы предпринимателей. Они получают налоговые подарки, которые пойдут на дальнейшую рационализацию и дальнейшие увольнения». Особое недовольство вызвало у рабочих повышение налога на «дополнительную стоимость», который распространяется на всех и, по общему мнению, поведет к дальнейшему повышению уровня цен. Что же касается повышения квартплаты, то возмущены даже депутаты от социал-демократической партии, проглотившие это требование под нажимом своих партнеров по коалиции.

Но, может быть, интересы трудового населения собирается защитить оппозиция? Конечно, она подняла крик по поводу повыше-

искусство замечательного артиста, искренность и задушевность его таланта в полную меру раскрылись уже в 30-е годы. Главный герой полюбившейся народу музыкальной кинокомедии «Веселые ребята» стал подлинным певцом новой жизни Советской страны.

Выступления Л. О. Утесова неизменно проходили с огромным успехом. Его мужественный, проникновенный голос звучал на фронтах Великой Отечественной войны, вселял в защитников нашей Родины веру в победу над врагом. В по-

слевоенные годы песни Л. О. Утесова прославляли советский образ жизни, вдохновляли на трудовые подвиги.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги Л. О. Утесова. Он награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

Память о Леониде Осиповиче Утесове, певце и гражданине, человеке большой душевной щедрости, яркого таланта, надолго сохранится в памяти народа.

Л. И. Брежнев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, В. Н. Макеев, Е. М. Тихельников, В. Ф. Шауро, Р. Ф. Дементьев, С. Г. Лапин, В. И. Коchemasov, Б. Н. Пастухов, В. Ф. Промыслов, Ф. Т. Ермаш, Т. Н. Хренников, А. М. Роганов, Г. В. Александров, М. И. Блантер, Е. В. Зайцев, Л. Г. Зыкина, В. Ф. Кухарский, К. Я. Листов, О. Л. Лундстрем, М. Л. Матусовский, Ю. С. Мелентьев, Л. Б. Миронов, М. В. Миронова, А. Г. Новиков, А. Н. Пахмутова, М. В. Пашков, А. П. Петров, А. И. Райкин, А. В. Романов, Ю. В. Силантьев, З. П. Туманова, М. И. Царев, И. Г. Шароев, К. И. Шульженко, Р. К. Щедрин, А. Я. Эшпай.

ния налогов и провозгласила, что внесет свою собственную программу. Ее разъяснил глава оппозиции Гельмут Коль: «ХДС/ХСС против повышения налогов, но за резкое сокращение социальных выплат. Иными словами, оппозиция лишь довела до абсурда тот же метод, которым пользуется коалиция.

Промышленники в обоих случаях остаются в выигрыше. Расплачиваться придется широким массам. Председатель ГКП Герберт Мис с полным правом сказал о предлагаемой правительством программе: «Это успокаивающая таблетка, однако и за нее должны платить рабочие и безработные. Пациент должен оплачивать лекарство, которое не облегчит и тем более не излечит болезнь. Зато крупный капитал и государство наживутся на ней...»

Кто же может защитить интересы трудящихся? В сложившихся условиях взоры устремлены на профсоюзы, в частности на их программу обеспечения занятости. Центральное место в ней справедливо занимает идея «отчисления на рынок труда», то есть дополнительные финансовые отчисления с крупных фирм с целью создания новых рабочих мест. Это требование Объединения немецких профсоюзов (ОНП) пользуется поддержкой. Но, к сожалению, сейчас доверие масс к ОНП изрядно подорвано. Что же случилось?

В течение многих лет в ФРГ действует принадлежащая профсоюзам строительная компания «Нойе хаймат». Опираясь на финансовые средства профсоюзов, она стала одной из крупнейших (оборот 6,5 миллиарда марок в год). В ее правлении сидят все руководящие деятели ОНП и отраслевых профсоюзов. И вот в одном из последних номеров журнала «Шпигель» появилась сенсационная статья разоблачения: глава фирмы Альберт Фитор и многие его коллеги под маркой «Нойе хаймат» занимались тем-

ными махинациями, обогатившись на многие миллионы. Пока идет выяснение всех обстоятельств, ОНП сняло правление во главе с Фитором. «Речь идет о репутации профсоюзов», — признал председатель ОНП Гейн-Оскар Феттер, явившийся по совместительству председателем наблюдательного совета «Нойе хаймат».

Скажем прямо: этот скандал, разразившийся в самый разгар дискуссии о безработице, неукрепил веры широких масс трудящихся в свои профессиональные организации. А если учесть, что параллельно продолжается затянувшийся скандал вокруг финансирования парламентских партий, практически находящихся на содержании крупных фирм, то на что же надеяться рядовому гражданину ФРГ? В любом случае он остается в проигрыше. В Бонне не желают идти на серьезные меры против безработицы, хотя они вполне возможны. Западногерманские коммунисты подсчитали: если ФРГ откажется от дополнительных расходов на «военную инфраструктуру» НАТО, связанных с

предстоящей дислокацией «першингов», она сэкономит 2,3 миллиарда марок. Не меньше она сэкономит, если откажется от национализированного США повышения военных расходов на три процента в год (а недавно министр обороны США Уайнбергер назвал новую цифру — четыре процента).

ГКП представила общественности свою конкретную программу борьбы с безработицей, основанную на принципе социальной справедливости, продолжении политики разрядки. Ведь именно эта политика обеспечила занятость пяти тысячам рабочих ФРГ.

В ближайшие дни и месяцы острые споры вокруг столь жизненно важной проблемы продолжатся: предстоит парламентские дебаты. Проблема занятости станет одной из основных на съезде социал-демократов в Мюнхене, который состоится в апреле. Однако уже сегодня ясно одно: промышленно-финансовый мир ФРГ проигрывать не собирается.

Бонн.

Специально для «Огонька».

«Требуем гарантии права на новые ракеты!», «Нам нужна работа, а не

АТОМНЫЙ ВЕС ЭНЕРГЕТИКИ

Юрий СИНИКОВ

Синее, безоблачное небо. Желтые пшеничные поля. Огненные всплески маков... Такой запомнилась мне дорога в Яловске-Богуницы, деревню, каких немало на юге Словакии. Под красными черепичными крышами новенькие дома с гаражами, за зеленой изгородью — грядки с парниками. По улице мчится ватага деревенских мальчишек. Навстречу им неторопливо катит на велосипеде старуха в национальной одежде. Но Яловске-Богуницы — не простая деревня. На ее главной улице монумент — модель атомного ядра и надпись: «До атомной станции два километра».

Накануне я беседовал в Праге с министром энергетики ЧССР Властимилом Эренбергером.

— Вопросы энергетики — это проблема номер один. И хотя по потреблению энергии ЧССР стоит на одном из первых мест в мире, топливно-энергетический баланс нашей республики остается напряженным, — говорил министр.

В чем тут дело? Как это ни парадоксально, в числе основных причин — прогресс индустрии, в первую очередь таких производств, как химия, металлургия, машиностроение. Энергия ведь нужна всем, даже в домашнем хозяйстве. Сегодня весь мир озабочен проблемой ее рационального потребления. Но энергетический голод не утолить без атомной энергетики. Вы, конечно, знаете, что наша ядерная программа уже осуществляется при содействии СССР. Это архиважно, потому что сотрудничество с вашей страной открывает Чехословакии доступ к передовой технологии, к наивысшим достижениям в области мирного атома.

После 1983 года основной приток энергетических мощностей в стране дадут атомные станции. А в конце восьмидесятых их доля превысит треть. Появится АЭС на юге Моравии, в Дукованах, на западе Словакии, в Моховце. Затем наступит очередь Маловице, — добавил с улыбкой министр, — это родина Швейка, Южная Чехия.

В самом конце разговор коснулся угля.

— Уголь, главным образом бурый, все еще хлеб энергетики. На нем работает большинство наших станций, — говорил Властимил Эренбергер. — На геологической карте все меньше и меньше неоткрытых месторождений. Чтобы увеличить добычу угля, Чехословакии потребуется освоить большие глубины, что, конечно, связано с дополнительными затратами.

Вот такой разговор предшествовал моей встрече с первой в Чехословакии АЭС.

В память о том октябрьском дне 1972 года, когда в Богуницах состоялся так называемый «физический» пуск, во дворе атомной станции чехословацкие и советские инженеры посадили липу и березу, а рядом закопали бутылку сливовицы, снабдив ее обращением к потомкам. В двухтысячном году, говорится в послании, сливовицу имеют право распить лишь те, кто принял участие в торжественной церемонии пуска.

Два деревца растут, набирают высоту. Но еще быстрее растет в Богуницах атомное потомство. И вот уже рядом с первой станцией «А» появилась станция «Б»: два энергетических блока — «нововоронежские близнецы». И сразу же подскочил атомный вес Богуниц в энергохозяйстве страны — увеличился в семь раз.

...В 1978 году в Богуницах приехал новый руководитель советских специалистов Артем Николаевич Григорьянц. Было это в марте, а в декабре состоялся пуск «б-один». Девять месяцев на атомной стройке — срок небольшой. Но те, кто здесь работал, говорят: благодаря Григорьянцу пуск состоялся. То же самое скажут и про следующий пуск — в мае 1980 года, когда в строй вошел второй реактор.

До приезда в Чехословакию Артем Николаевич работал в нашем министерстве энергетики, был начальником «атомного» главка. По долгу службы ему не раз выпадала часть возглавлять «пусковые комиссии». Подпись Григорьянца — гарантия надежной работы блоков на добром десятке АЭС: Белоярская и Нововоронежская, Ленинградская и Чернобыльская.

В послужном списке Артема Николаевича есть одна особенно дорогая ему строка: первая в мире АЭС, главный инженер Обнинской атомной станции, работал под руководством Курчатова.

— И в нашу работу он внес, я бы сказал, неукротимый курчатовский дух, — говорил мне директор Чехословацкой АЭС Милан Козак. — С появлением Григорьянца сразу же вокруг него образовалась необыкновенно деловая атмосфера. Это было поле высокого напряжения и творческой активности. И оно заражало всех.

Разъясняя причины высоких достижений чехословацких и советских специалистов на атомной стройке в Яловске-Богуницах, Артем Николаевич, по-моему, очень точно выразил свое кредо:

— Мы не делили ответственность, не перекладывали ее на плечи друг друга, а работали как сплоченный коллектив.

Тогда же в Богуницах родились «интернациональные бригады», не предусмотренные штатным расписанием. Я говорил с бригадирами. Обоим под сорок, инженеры. Ни-

колай Коробов, сибиряк, окончил Томский политехнический институт, в Богуницах приехал с Нововоронежской; Владимир Творожка живет в Трнаве, окончил Братиславский политехнический институт, участвовал в пуске станции «А».

— Интернациональные бригады были нужны, просто необходимы, — рассказывал Николай Коробов. — Особенно когда стройка переживала трудные минуты. А что может быть сложнее пуска? Вот мы и объединились, в то время второй блок вышел на финишную прямую. Конечно, в полном смысле коллектива стали не сразу, не в тот же день. Притирка характеров, привычек шла постепенно, но, можно сказать, ежедневно. Мы вырабатывали единный подход к проблемам, которые нас волновали.

Владимир Творожка:

— Мы понимали, работа трудная, никто не обязан делать то, что значительно выше нормы. Я имею в виду советских специалистов, условия их контракта. Но наши друзья, по-моему, превзошли себя. Они не считались с временем и усталостью. И теперь я могу сказать, что это была настоящая работа. Мы трудились вместе четырнадцать месяцев, и все это время Коробов и его товарищи были для нас примером.

По пути в реакторный зал главный инженер станции Йозеф Годул подытожил разговор о новой форме социалистического соревнования:

— На самых трудных и самых сложных участках стройки интернациональные бригады смогли наладить и темп и ритм. Их коллективный труд одобрен Центральным Комитетом КПЧ, правительством ЧССР. Опыт советско-чехословацких бригад продолжается на монтаже атомной станции «Б-два».

...Знакомая торжественная тишина зала, где установлены два реактора. Но откуда взялись телевизионные камеры? Оказывается, с их помощью операторы проверяют состояние тепловыделяющих элементов.

— Идет «перегрузка», — говорит Йозеф Годул.

— Что это такое?

— Это значит, примерно треть отработанного ядерного топлива заменят свежим.

Очень и очень сложное дело, — продолжает главный инженер. — И между прочим, у нас в Богуницах проводится впервые... А вот и наш главный специалист Юрий Коцеловский. В «перегрузках» бывал неоднократно. Между прочим, он из Нововоронежского поселка.

В тот же вечер мы встретились с Коцеловским в Трнаве — районном центре Словакии, примерно в десяти километрах от Богуниц. Здесь живет основная группа спе-

циалистов, и Юрий с семьей снимает в Трнаве квартиру.

— Жена говорит, не семья, а кочевники. Переезжаем, переезжаем, конца не видно. Права, конечно. А я, знаете ли, привык. Это уже моя четвертая станция.

А потом выяснилось, что «Бруно Лойшнер» в ГДР, «Козлодуй» в Болгарии и «Пакш» в Венгрии — тоже «его». На каждой из них работал.

— Особенно помнится «Лойшнер». Может быть, оттого, что командировка была первая. А может быть, вот почему. Знаете, мне по душе немецкая пунктуальность в организации труда. Вообще мои друзья в ГДР серьезно, основательно относились к любому делу. Запомнился мой первый день на станции, строгая и вместе с тем уважительная церемония представления советских специалистов коллективу. Нас приветствовал сам директор. И я был не просто одним из них, а чувствовал себя полпредом нашей страны.

Да, не сразу все стало легко и ясно. Советским специалистам еще предстояло показать себя в деле. Зато потом, когда в них поверили, авторитет их был незыблем.

Юрий занимается «перегрузкой» уже много лет. С тех пор, как после окончания Одесского технологического института попал на Нововоронежскую АЭС. И раньше бывал там, еще студентом на практике, потом перед защитой диплома. Тема была «нововоронежской», и руководитель темы тоже оттуда — Юрий Петрович Аккуратов, сейчас начальник пятого блока.

— В шестьдесят восьмом году я вошел в реакторный цех к Аккуратову, в группу транспортно-технологического оборудования. С нами в то время работал Дмитрий Овсянникович Сафаров. Вот это, я вам скажу, специалист, виртуоз и умница... К сожалению, вуз дает мало практических знаний. Пришлось доучиваться на станции у реактора. Учил сам Сафаров. Тогда учился не я один. Можно сказать, вся станция, потому что тогда много из того, что сейчас не представляется затруднений, делалось впервые. Но и сейчас, если взять отрасль в целом, атомную энергетику, то она еще только-только взрослеет.

Я слушал советского инженера, работающего здесь, в Богуницах, вспоминал его коллег, с кем мне доводилось встречаться на станциях в Венгрии, Болгарии, ГДР, и предо мной представляла карта атомных новостроек СЭВ. Карта, показывающая, как братские страны объединяют свои усилия, чтобы заставить атом служить людям, служить миру.

Яловске-Богуницы — Москва.

СОВЕТСКАЯ СТРАНА

ТАДЖИКИСТАН

ПРЕОБРАЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Поговорку «С волнами, как с горами, в одиночку не сладиши» я услышал от хлопкороба-колхозника на берегу пенящегося под весенным ветерком Каттакурганского водохранилища, построенного одним из первых в среднеазиатском регионе и почтительно называемого «Узбекским морем». Оказалось, что мой собеседник по национальности таджик и происхождение поговорки таджикское: в соседнем Таджикистане каменистые хребты не меньшая проблема, чем оросительная вода, более девяноста процентов территории республики занимают горы, пики которых холодно сверкают вечными снегами. Там-то, ледники заоблачье, и рождаются стремительные реки, нередко проникающие живительную влагу мимо жаждущей земли. Они, горные реки республики, способны производить 300 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год!

Многое можно было бы сделать с ее помощью. Но лишь в советское время эта поистине огромная сила начала впрятаться в полезные дела. До Великого Октября, например, никому и в голову не пришло бы что-то строить на том участке речи Вахш, где вместо берега — устремленные ввысь скалы. Теперь именно здесь возводится грандиозная Байпазинская ГЭС, которую считают своею также москвичи и запорожцы, сверд-

ловчане и ташкентцы, харьковчане и красноярцы — коллеги таджикских гидростроителей. Ввод в действие первых агрегатов Байпазинской ГЭС позволит более рационально использовать энергетические возможности могучего Вахша.

Недавно делегация таджикских гидростроителей побывала у своих партнеров по «рабочей эстафете» в Красноярске, Свердловске и Ташкенте. Член делегации, главный инженер «Нурекгэсстроя» Валерий Низамович Мухамедиев рассказывает:

— Красноярцы дают нам краины, которыми нурекчане будут монтировать свердловские гидрогенераторы. На «Уралзлентяжмаше» мы согласовали технологию монтажа, определили сроки и порядок поступления частей генератора. Ожидаемый от наших договоренностей эффект составит более полумиллиона рублей.

Действительно, дружбе строителей любые волны и горы под силу! К концу одиннадцатой пятилетки в Таджикской ССР ежегодная выработка электроэнергии будет доведена до 16 миллиардов киловатт-часов.

В. АФАНАСЬЕВ

На снимке: строительство Байпазинской ГЭС.
Фото Р. Джуманиязова

2

МОСКВА

ЮБИЛЕЙ, А ВСКОРЕ НОВОСЕЛЬЕ...

Такой уж год: сразу два юбилея. Семьдесят пять лет одному из старейших экономических вузов страны. И семидесятилетие его партийной организации. Открылась по этому торжественному поводу в Московском институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова большая выставка, но и она не смогла собрать все то, что сделано за прошедшие годы в известном вузе, ученые и студенты которого с успехом решают крупные народнохозяйственные проблемы, но не обходят стороной и заботы вроде бы и не большие, однако важные своей обходимостью. Ну, например, есть тут в ряду многих других авторское свидетельство на изобретение: создание совместно с одним из столичных предприятий чайного бальзама — напитка из разных полезных трав. Все изучили: вкусы любителей чая, народные традиции, рекомендации медиков.

Десятки договоров тесного и доброго содружества связывают кафедры института с заводами и фабриками, с предприятиями торговли и общественного питания. Помимо того, работают институтские ученые над такими проблемами, которые заметной строкой входят в планы Госкомитета СССР по науке и технике, Академии наук СССР, других столь же авторитетных организаций.

Вузовская многотяжка недавно рассказала о нескольких задачах, за которые взялись

ученые кафедр МИНХа имени Г. В. Плеханова. «В производство внедрены результаты 47 разработок с экономическим эффектом 1,7 миллиона рублей... Получено 17 авторских свидетельств... Бытовой прибор «магма» (гриль) рекомендован к выпуску... Организован выпуск консервов, изготовленных с применением контурного препарата, созданного в институте... Разработана методика определения норм расхода материалов и литьих заготовок в литьевом производстве...». Одной из интереснейших и перспективных является новая наука, создателями которой стали ученые института. Это потребностеведение — наука о наших потребностях.

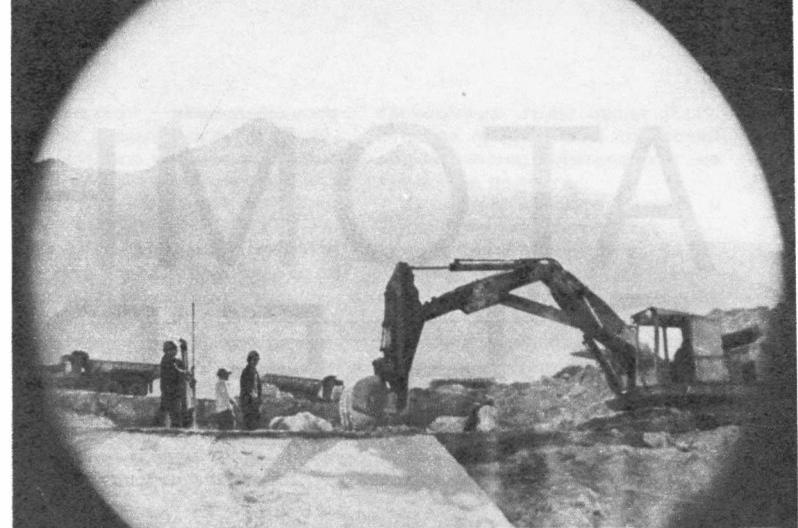
...Очередной выпуск института состоится в этом году. Учеба идет своим чередом. Социалистическое соревнование отдало первенство и звание образцового общекономического факультету. Сейчас студенческий отряд, студенты, готовятся к сессии. На этот раз экзамены будут проходить в старых стенах. Но скоро войдет в строй и новое здание института — белокаменной глыбой оно уже встало рядом с домом-ветераном.

К. КОСТИН

На снимке: новый корпус МИНХа имени Г. В. Плеханова.
Фото автора

• НОВОСТИ •
ИНТЕРВЬЮ •
РЕПОРТАЖ •

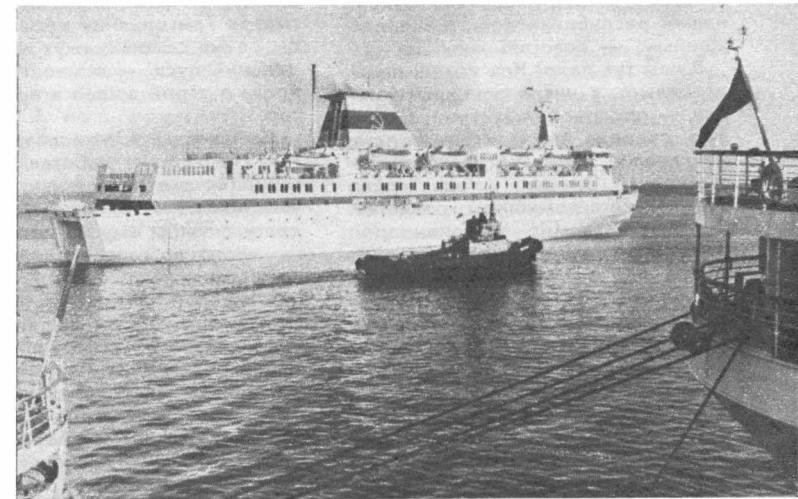
1

1

3

3

НОВЫЙ ЛАЙНЕР

Пассажирский флот страны пополнил лайнер «Лев Толстой». Он недавно пришел в порт приписки Одессы.

— Это комфортабельный автопаром, имеющий высокий класс автоматизации, — рассказывает капитан теплохода Владимир Сергеевич Ланг. — Лайнер рассчитан на перевозку более четырехсот пассажиров и ста пятидесяти легковых автомобилей. Проектная скорость превышает двадцать миль в час.

Лайнер построен на судоверфи имени А. Варского в Щецине (ПНР). Черноморцы прибыли на верфь, когда начинались электромонтажные и трубопроводные работы. И все последующие восемь месяцев члены экипажа участвовали в достройке, монтаже оборудования, оформлении интерьеров.

К услугам пассажиров — двухместные каюты, ресторан,

широкоэкранный кинотеатр, амбулатория, бары, спортзал, музыкальный салон, сауны, бассейн... Корабль оснащен современными средствами навигации, в том числе системой спутниковой ориентации. На судне применена принципиально новая система стабилизаторов качки, в ходе совершило не ощущается вибрация корпуса. Немало новейшего оборудования, главная цель которого — защитить море от загрязнения.

Новый лайнер ушел в плавание вдоль берегов Средиземного и Красного морей с заходами в порты Италии, Испании, Португалии, Северной Африки.

Я. ЛЕВИТ

На снимке: пассажирский лайнер «Лев Толстой».
Фото автора

МИР В СТА ИЗМЕРЕНИЯХ

4

5

6

6

ТАИНСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ

Четверть века назад в № 4 «Огонька» за 1956 год была опубликована заметка «Загадочные знаки», где рассказывалось о каменных валунах с выбитыми на них незапамятные времена загадочными изображениями. Поисками камней-следовиков занялся краевед из города Шуй Сергей Николаевич Ильин. Он разыскал не один десяток камней с таинственными знаками. Здесь выбиты и кошты и другие следы животных, подковы, изображения рыб, различных крестов, кистей рук, стопы человека, неизвестные нам предметы.

Особый интерес у шуйского краеведа вызывают пророчеч-

ные или высеченные на валунах следы животных и человека, которые, как он предполагает, означали в древности знак собственности на занятую территорию. Такого же мнения придерживался и краевед из Каунаса, ныне покойный Пятрас Тарасенка, занимавшийся поисками следовиков преимущественно в Литве и написавший любопытную книгу «Следы на камнях».

За минувшие годы значительно выросла армия людей, занимающихся поисками и изучением камней-следовиков. Найдены неизвестные ранее изображения на валунах. Следовиками всерьез заинтересовались учёные. Стал, пожалуй, бесспорным тот факт, что следы на камнях в основном имели культовое значение.

Изображения кистей рук и человеческих стоп мы можем видеть и на сналах Онежского

4 Множится и дробится на экране структура кристалла... В изогнутые сочленения промышленных трубопроводов, наподобие мухи, ползущей по потолку, уходит экспериментальный робот-чистильщик... Сложнейшая эволюция вида раскрывается на примере увлекательной одиссеи пустынной ящерицы...

Творческая конференция студии «Центрнаучфильм» по итогам работы минувшего года, состоявшаяся в Союзе кинематографистов СССР, включила в свою орбиту просмотр последних картин, их оживленное обсуждение и дискуссию о дальнейших путях развития советского научно-популярного кино.

— Авторское начало — главное, что отличает новые ленты от работ прежних лет, — сказал народный артист СССР, режиссер А. М. Згуриди. — Научно-художественное направление завоевывает на нашей студии все более прочные позиции. Отрадно, что молодёжь и старшее поколение мастеров ищут оригинальные, доходчивые формы рассказа о передовых рубежах советской науки и техники, о вечных проблемах познания окружающей действительности. Широта тематического диапазона, эмоциональное напряжение и жанровое многообразие характерны для фильмов С. Райтбурга, А. Косачева, Е. Осташенко и ряда других режиссеров. Сегодня мы с гордостью можем говорить о сложившейся «московской школе учебного ки-

но», о плодотворных традициях наших ведущих киножурналов и альманахов. На повестке дня вопрос создания сериалов, укрепления творческих связей с телевидением, задача повышения профессионального уровня массовой продукции студии.

Яркие образцы этого дал ежегодный студийный конкурс.

Благодаря удивительной камере Е. Потиевского, одновременно вывешившей нас ранее светлой гармонией Моцарта и трагической возвышенностью Блока, проникнемся мы исповедальными, толстовскими мотивами Ясной Поляны, запечатленной как бы глазами великого художника. Фильм «Один из вечных миров» (сценарий В. Архангельского, режиссер Е. Осташенко) удостоен первой премии.

Второе место заняла лента режиссера Б. Гольденбланка по сценарию Л. Белоурова и Н. Кемарского «Бороться и искать», посвященная отважному русскому первопроходцу Георгию Седову, в тяжелейших условиях предпринявшему героический штурм Северного полюса.

Третью премию жюри конкурса присудило полнометражному фильму А. Саканяна «Кто разбудит аксолотля», где элементы игрового кино удачно дополняют захватывающее путешествие в тайны живой материи.

О. ЮРЬЕВ

На снимке: кадр из фильма «Кто разбудит аксолотля».

ЛИТВА

И КРАСОТА И СОВЕРШЕНСТВО

5 Каунасский экспериментальный завод художественной керамики «Еся». Каждый год здесь выпускается на четыре миллиона рублей изделий. С начала этого года ассортимент пополнился новинками. Покупатели с удовольствием приобретают изящный литовский фарфор — сервисы для кофе, вазы для цветов...

Мастера литовского фарфора трудились в тесном сотрудничестве с мастерами Ленинградского фарфорового завода имени М. В. Ломоносова, со специалистами из Риги, из Веймарса.

За два года на заводе вырос хорошо оборудованный цех.

Получили и смонтировали современное оборудование. Подготовили свою рецептуру фарфора. Компоненты для него тоже поступают из разных мест Советского Союза. Кварцевый песок — местный, из Аникщяй, каолин — из Украины, а полевой шпат — из Мурманской области. Когда цех станет работать на полную мощность, он ежегодно будет выпускать продукции на два миллиона рублей.

Э. БАЛАЙШИС

На снимке: автор этого сервиса — художница завода Ирена Пятравичене.

Фото В. Капочюса

озера и Белого моря, и на каменных стелах-идолах конца III тысячелетия до н. э., и на стенах многочисленных средневековых сооружений в Азии и на Кавказе. Известно также, что подобные изображения встречаются не только на территории СССР, но и во многих других странах — например, в Африке, Азии, Америке. Воображения стоп и кистей рук известны с очень давних времен. Уже в каменном веке первобытный человек на стенах пещер оставлял контуры своих рук, обведенные краской. Не являлись ли они первыми знаками самоутверждения? Нелишне в этой связи отметить, что и в наше время неграмотные люди на деловых бумагах вместо подписи ставят отпечаток пальца руки.

Изучая сказания, мифы и предания разных времен, стран и народов, приходишь к выво-

ду, что следы человеческих ног на валунах в своем большинстве являются у первобытных людей своеобразными памятниками героям, легендарным предкам, чаще всего — основателям рода или поселения. Высекая на камне кисть руки, ступни ноги, человек подразумевал человека.

Розыски камней-следовиков продолжаются, такие камни открывают исследователям многие тайны глубокой старины... Может, и читатели «Огонька» присоединятся к этому увлекательному поиску?

И. МАЛАНИН

На снимке: камень-следовик в деревне Новосел Новгородской области.

Фото автора

Рамиль ХАКИМОВ

В первый раз я увидел Фандита Ишакова так. Стояли перед подъездом длинного пятиэтажного дома три мужика, покуривали да посмеивались. А четвертый — им и оказался Фандит Ишаков — тоже в общем веселье принимал участие. Но он еще и скалывал лопаточкой спрессованный снег перед дверью.

Вот так и началось мое знакомство с Фандитом, еще на пороге дома. Переступив его, я уже не мог не присматриваться к укладу жизни этого человека. Квартира самая обычная, три комнаты на первом этаже. Но на всем печать истинного хозяина. Человека основательного, надежного, мастерового. Остроумнейшим образом в тесной прихожей выкроено место для стенного шкафа. Все двери безукоризненно обклеены обоями под дерево.

Следующими станками еще тогда, «Да, очень даже может быть», — соглашается Фандит. Через три года четырнадцатилетним ремесленником он придет к этим станкам, водворенным к тому времени в коридоры бывшей духовной семинарии. Первая встреча с профессией, с заводом... Здесь обреталось ремесло, здесь определялась судьба. И еще — одновременно — здесь состоялось знакомство с пролетариатом, да с каким — с питерцами! Вон сколько лет прошло, а Ишаков помнит первого учителя своего — Александра Кривошеева.

И еще с одним ленинградцем свела судьба Ишакова — с инженером Константином Кузьмичом Полевым. Он сейчас на Уфимском заводе имени Кирова единственный из былой питерской когорты, он словно оставлен временем для передачи эстафеты питерского отношения к труду сего дняшнему поколению рабочих.

В те военные годы перебазированный из Ленинграда завод очень быстро наладил производство военно-полевых аппаратов. Читатель наверняка видел их в кинохрониках военных лет, когда связисты, пригибаясь под пулями, бегут с небольшими деревянными ящиками или охрипшими голосами кричат в телефонную трубку. А нынешняя продукция Уфимского завода имени Кирова не раз и не два помогала вам в вашей повседневной жизни: значительная часть АТС (автоматическая телефонная станция) производится в Уфе. На Олимпийских играх в Москве отлично проявила себя уфимская аппаратура оперативной диспетчерской связи. Большином спросом пользуются электробигуди «Айгуль», сувенирные

уровень производства. Ведь закон производства — ритмичность. А у нас каждому устанавливается персональное задание, исходя из его опыта и способностей. Мое дело — выполнить это напряженное и сопряженное с трудом других задание. С моим же мастером руководитель цеха обеспечит мне необходимые для работы условия. Вот выполняю я установленное мне задание на сто два — сто четыре процента — это всем хорошо. Я удовлетворен, что свою, скажу прямо, непростую работу делаю в срок, надежно.

Фандит Гильмутдинович, секретарь парторганизации инструментального цеха, крепкий середняк. Надежный, основательный. На стабильной работе Фандита и его товарищей, собственно, и держится завод. Лет десять назад часто приходилось «вечерять», и кое-кому это нравилось: лишний, мол, заработка. Но такая практика и завод и людей лихорадила. Была развернута борьба за слаженные условия, без срывов, без надрыва производства. И успехи сегодня налицо.

Стабильность — это жизненное кредо не только таких, как Фандит Ишаков. Она — главная забота всего завода. Система стабилизации коллектива «Внимание», внедренная на заводе в 1980 году, призвана организовать для рабочего максимум комфорта — душевного, технического, экономического. Каждый член коллектива ощущает себя нужным, ему хорошо работает и живется.

Двадцать лет Ишаков в партии. Член Кировского райкома КПСС, член заводского парткома. Восьмой раз подряд коммунисты цеха избирают его своим вожаком, а это одна из самых крупных цехо-

БЕРЕЖЛИВОСТЬ:
РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

СЭКОНОМИЛИ... БОР

На Алма-Атинском деревообрабатывающем комбинате пахло сосной смолой и лесом. Рабочий день еще не начался, и в цехах стояла непуганая тишина. В техническом отделе комбината мне сказали, что есть у них на предприятии два кудесника-рационализатора, благодаря которым комбинат только в этом году оснастил шесть жилых домов столярными изделиями, изготавленными из сэкономленного материала.

— То есть вы хотите сказать, что они нашли способ, как из одного бревна, условно говоря, сделать полтора? — уточнил я.

— Не полтора, конечно, но существенно удлинить бревно мы научились...

Яшел по цеху вместе с главным технологом комбината А. С. Боковой. Она говорила:

— Двадцать лет я работаю в этой отрасли, и, сколько помню, всегда концевые обрезки брусьев, досок отправлялись отходы, чаще всего на дрова. При обработке круглого леса почти половина древесины пропадала. Обидно, конечно, но что тут можно поделать? Стала советоваться с рационализаторами, и тогда Иван Яковлевич Авдеев и Иван Кондратьевич Шель предложили сращивать короткие отрезки, склеивать их. Это было настолько просто, что некоторым показалось несерьезным. Но когда Авдеев, прекрасный механик — золотые руки, переоборудовал два стареньких станка для сращивания брусьев, а Шель, непрервозданный знаток свойств древесины, предложил технологию, дело пошло. Да еще как! Были сначала, конечно, и сомнения. Во-первых, оборудование не заводское, а самодельное. Во-вторых, опасались за прочность — будет ли она соответствовать ГОСТУ. Однако испытания показали, что прочность в местесты даже выше расчетной...

— Как восприняли ваше новшество строители?

— Сначала с недоверием. Тогда мы пригласили их на испытания. Склейенные детали дверных коробок погружали перед этим под воду на сутки и даже на дое (чего в практике, разумеется, никогда не бывает). Детали экзамен выдержали, стыки не расклинивались. Когда же мы объяснили строителям, что при высыхании такие детали коробятся меньше, чем обычные — из цельного бруса, они просто пришли в восторг. Так несерьезное на первый взгляд дело принесло вполне серьезную экономию в десятки тысяч рублей, сберегает ежегодно целые рощи прекрасного строевого леса...

Мы подошли к штабели гладко выструганных брусьев, и Бокова спросила, взяв в руки один из них:

— Замечаете что-то необычное?

— Нет, не замечаю.

— Прекрасно, — улыбнулась она, — а ведь это склееный брус. При испытании на механическую прочность он никогда не сломается в месте склейки...

Потом из другого штабеля Бокова взяла, казалось бы, хлипкую на вид решетку, состоящую из расположенных вертикально пластинок прессованного картона, и бросила ее на пол.

— Встаньте, пожалуйста, на нее, — попросила она.

— Не сломаю? — сказал я.

— А вы попробуйте, не сомневайтесь, — засмеялась она, — можете даже попрыгать.

Я встал, потом попрыгал — решетка хоть бы что.

— Такие решетки применяются в качестве заполнителя дверных блоков, а сделаны они также из отходов производства, из остатков раскрыя. Все это входит в наш комплексный план экономии, который ежегодно разрабатывается и внедряется в производство. В дело идет все, даже стружка, из которой наши рационализаторы предложили делать прессованные плизы для межкомнатных перегородок и встроенных шкафов. Сейчас на комбинате началась реконструкция всех цехов. Ее завершение в следующем году позволит полностью перейти на безотходную технологию производства.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

ЧЕТКИЙ РИТМ

Кресла, сделанные руками Фандита, были под стать магазинной мебели.

Так штришок за штришком открывался для меня характер человека. Флюра Абдулганеевна призналась:

— До сих пор у меня слабость: люблю смотреть, как муж работает. Загляденье!

Стали перебирать эпизоды семейной жизни, былые времена. Вспомнили старый дощатый домик, доставшийся от родителей, и новый сруб в Нижегородке, который Фандит отстроил своими руками для молодой жены. Флюре тогда показалось, что ее избранник слишком уж щедр и широк — на свадьбе гуляла вся Нижегородка.

Вместе с Ишаковыми мы прошли этапы их жизни, и такое осталось впечатление, что жизнь, несмотря на трудные годы, была у них сплошным праздником. Умели радоваться каждой удаче.

...Сорок лет назад на одну из железнодорожных веток рабочей слободы Нижегородки из осажденного Ленинграда прибыло сорок вагонов. И вышли из них 333 питерца, привезших оборудование завода «Красная Заря».

Очень может быть, что мальчишки из Нижегородки встретился с

телефонные аппараты в стиле «ретро», «Башкирия» и «Уфа», устройства световых эффектов под музыку «Ритм»...

Есть чем похвалиться заводу, ставшему лучшим в республике и в отрасли. За сорок лет объем продукции вырос более чем в сто раз. За десятую пятилетку объем производства увеличился почти вдвое, что на четыре пятых обеспечено ростом производительности труда. И начало новой пятилетки идет в том же ритме: за успехи в социалистическом соревновании завод награждался званиями Башкирии и своей отрасли.

А Фандит? Прия на завод, он очень скоро стал слесарем-револьверщиком высшего разряда. Почти никаких секретов в его ювелирном деле нет. Все ясно, понятно. Репутация думающего, квалифицированного специалиста своего дела идет рядом с Фандитом все эти годы. Кажется, ему все по силам...

— А смог бы ты, скажем, перекрыть свою норму вдвое-втрое? — спрашивала я.

— У нас это невозможно, — отвечает Фандит, — в условиях нашего производства за таким «крепордом» будет стоять лишь плохая организация труда, низкий

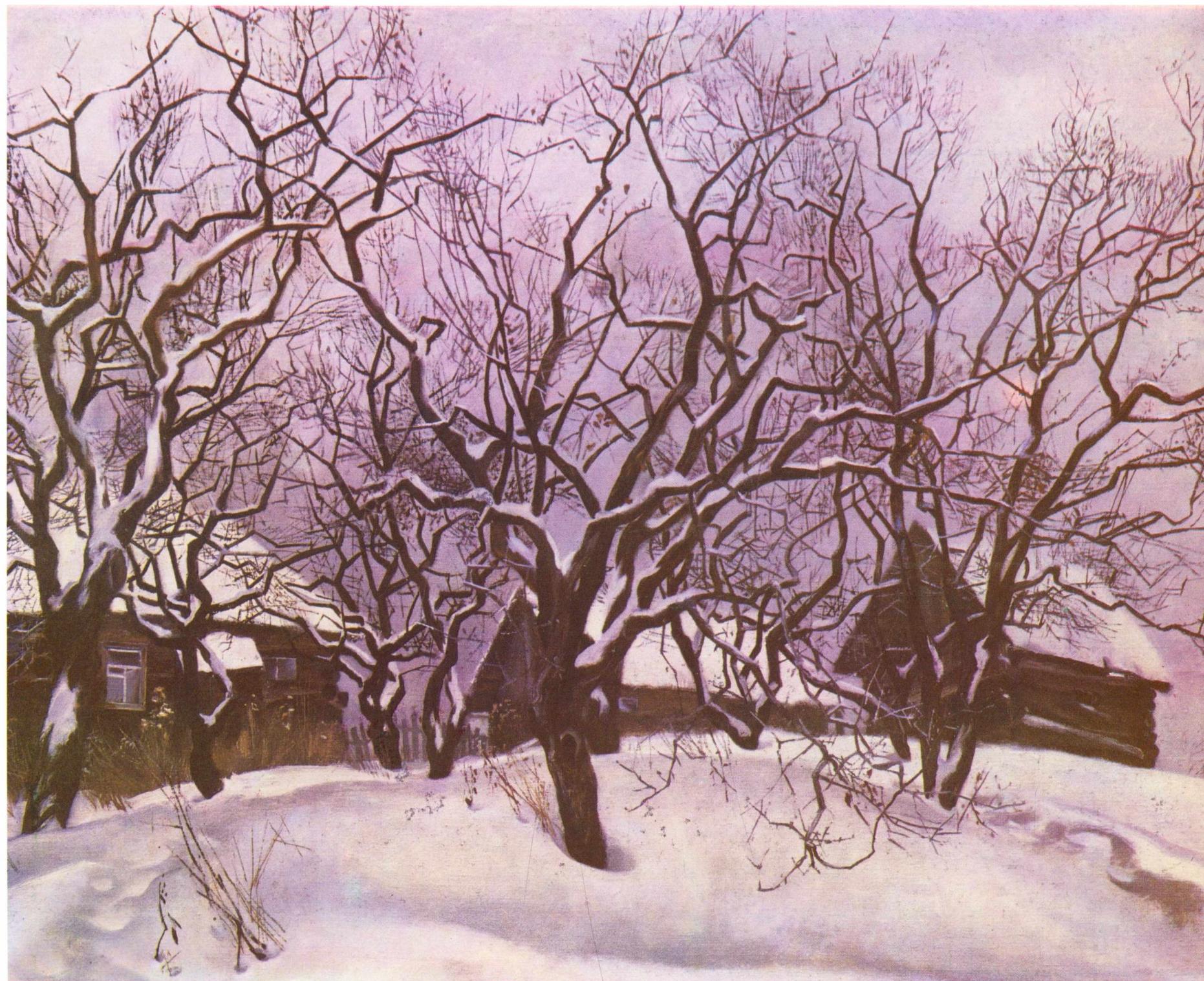
уровень партийных организаций, где на каждом из восьми участков работает боеспособная партийная группа. Не обделен Фандит вниманием: у него десятки почетных грамот, два ордена, множество званий, говорящих о его достижениях и достоинствах.

До сих пор носит он в сердце благодарность своим учителям, и не было года, чтобы кто-то не ходил в учениках у него самого. Сегодня за соседним станком трудится Саша Самойленко — последний (покуда!) из целого взвода его учеников.

— Я люблю свое дело, — сказал Фандит. — Я считаю, что наш цех — это сердце завода. Вы же видели: в каждом цехе наши инструменты. Иногда сотни килограммов весят. А мы «ловим» сотки и микрограммы. От нас требуются особенные качества — устойчивость, ритмичность, старение.

Всегда сложнейшие штампы Ишакова принимаются с первого представления. Не было случая, чтобы он подвел кого-нибудь. Живет по известной формуле счастья: с радостью идет на работу, с радостью возвращается домой...

Уфа.

В. Липец. Род. 1958. САД ЗИМОЙ. 1981

П. Рейхет. Род. 1953. НА ЗИМОВКУ. 1980

Ночи луны на Дону

Александр ГОЛУБЕВ

ТРИ ПЕСНИ

Я их позабыть никогда не смогу —
три песни давнишних
на том берегу.
Лицо дорогое — в морщинках оно.
Кто смотрит, печалась, под вечер
в окно?
На сердце тревога? Покой
забыть...
Глядит на дорогу маманя моя.
Не скоро ли к дому из темных
равнин
придет ее смуглый, единственный
сын?
Он тоже устал от невзгод
и потеря.
«Их меньше не будет, сыночек,
поверь».
Вот песня вторая: как небушка
лик,
а был-то всего откровения миг.
Луна, будто чайка, присев
на волну,
качалась беспечно в июньском
Дону.
Потом на заре, у паромных огней,
мы в путь проводили своих
голубей.
И вот уже двадцать томительных
лет
они не приносят на крыльях ответ.
Под крученой песчаной над вешней
водой
играет страданья казак молодой.
Гармошка пылает в объятиях рук,
тачет припевки мой преданный
друг.
Он весел и счастлив, я рад
за него...
Нам в дружбе не надо
еще никого.
Я друга не встречу теперь
никогда,
горит над Уссури, как память,
звезда.
Мне тоже когда-то итог
подводить.
Одно я хотел бы у жизни
просить:
чтоб тихой порою в мой срок
по весне
заветных три песни явились
ко мне.
При солнышке ясном, в сиянии дня
они бы взглянули светло на меня.
Кто гордо, кто нежно, но только
без слез.
Придут ли? Вот это вопрос.

УТРЕННЯЯ ФРЕСКА

Ковыли седые на кургане,
полынок да усики осва.
Никогда вовеки не уяннет
родины негромкая краса.
На песках в оранжевых разливах,
посреди пущистых тальников,
хутору казачьему на диво,
скачут трое ловких седоков.
Вот они, взлетев на гребень
солнца,
оглядели из-под рук простор.
Головы, легко склонив в поклонце,
снова понеслись во весь опор.
Следом пыль подпрыгнула
густая,
взвихрилась фонтаном, как зола.
Широко и вольно Русь степная
до морей студеных пролегла.
Скачут кони трепетно, как птицы,
топчут чернобыль и лопухи...
Говорят, что ищут кобылицу
наши хуторские пастухи.

Я себе построил дом —
голубые ставенки.
Я-то лично ни при чем,
дед с отцом заставили.

Стройл днем и в новолунье,
мысль одна впопыхах жгла —
чтобы горлица-певунья
поселиться в нем смогла.

Дед на лбу густил морщинки
и давал с земли совет:
«От верхов и до обчинки
соблюдай мой втиритет.

Чтобы люди говорили:
хватку деда перенял,
чтоб курень твой до могилы
белым кочетом сиял.

А жениться коль приспичит,—
деда скорчило внутри,—
не гневи белой обычай,
девку с хутора бери.

С ней ребят рожайте ловких,
чтоб на скачках по весне
и в езде и в джигитовке
вечно были на коне.

Чтоб огнем кипели в деле
и чтоб каждый был учен.
В случае чего сумели
власть свою прикрыть плечом».

Чем старей я, тем дороже
мне родная сторона.
На земле, с песчинкой схожей,
не у всех ведь есть она.

РАССВЕТ НА ДОНЕ

Коростели скрипят в левадах,
веет медом ночных полян.
Духовитой речной прохладой
от Задонья ползет туман.

Я стою у черты обрыва,
на душе огорчений нет.
Интарем августовской нивы
за дубравой горит рассвет.

Вот и солнце бесшумно вышло.
Значит, скоро между плетней
поведет мой ровесник Гришка
к водолою гнезды коней.

От базов сквозь туманец синий
к перекату степной реки
с коромыслом придет Аксинья,
и качнется под ней мостики.

Гришка, парень на зорьке хмурый.
Я его повидать бы рад,
но боюсь — окаянный турок
мне навешает за подгляд.

Дон, играя луцистым блеском,
тихо в дальний уходит путь.
Чтоб на камушках звонким
всплеском
счастье Гришкино не вспугнуть.

За окном деревенская осень.
Лес молчит, будто в чем виноват,
и над ним по небесному плесну
тихо плавает рыжий закат.

Вдалеке по ковыльной равнине,
где над степью гудят провода,
белый конь, выгнув звонкую спину,
скакет в ночь неизвестно куда.

ВИШНЯ НОЧЬЮ

Не солгу я вам, не раскаюсь —
я у них навсегда в плена:
золотые, как песни мая,
ночи лунные на Дону.
За плетнями среди затишья,
принярженная весной,
синеглазой невестой вишня
о любви говорит со мной.
Прикоснусь я к ветвям веселым
и скажу, была — не была:
«Возле этой осевшей школы
что ж ты раньше не подошла?»
Криком сердце тогда кричало
и не в силах теперь молчать.
Хорошо бы начать с начала,
хоть придется с конца начать.
Кто повинен, что давним летом,
ошелело, то вкривь, то вкось

песней, кем-то не в лад запетой,
счастье глупое началось?
Что поделать? Уж так случилось.
На душе затаяв вину,
вспоминаю, как божью милость,
ночи лунные на Дону.
Я давно помирислся с чувством,
не кляну свой жестокий век...
На тропинку ночную грустно
вишня белый роняет снег.

ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В. Цыбину

Весна шумит, весна в разгаре.
С хозяйствским криком у пруда
летают чибисы на пару
и ищут место для гнезда.

А я устал сегодня страшно,—
подумать только, день-деньской
хожу за плугом в теплой пашне,
и мне не скоро на покой.

Скрипит тягуче в балке чибис,
любясь голосом своим.
И поле, бороздами дыбясь,
исходит паром голубым.

Над степью сон и жаворонки,
над степью шальная весна.
Но в хутор носят похоронки
и на земле идет война.

Душа довольна: я крестьянин,
и мыслям верится сполна:
пронзив шершавой почвы грани,
вздохнут победы семена.

Спеши, мой конь, весна в разгаре.
Ты слышишь — рядом, у пруда,
летают чибисы на пару
и ищут место для гнезда.

Им строить дом и поздним летом
в колосьях слушать звон зерна.
Как странно, что на белом свете
еще не кончилась война.

Воронеж

Жанна ДАВИТЬЯНЦ

Мы расстанемся к весне — снег.
В разрисованном окне — снег.
Засыпаю, и во сне — снег.
Просыпаюсь, и во мне — снег.
Каждый вечер чудеса — сад.
Льются птичьи голоса — сад.
Словно сотни лет назад — сад.
Сквозь закрытые глаза — сад.
От названий имен — в сон.
Прогоню все мысли вон — сон.

Он, как дымка, невесом — сон.
Как короткий тихий стон — сон.
Мы расстанемся к весне — снег.
В разрисованном окне — снег.
Засыпаю, и во сне — снег.
Просыпаюсь, и во мне — снег.

Слышно пение скребка,
разбивающего лед.

Все растает, а пока
Снег метет, метет, метет.
Над домами облака
Голубую скрыли даль.
Будет лучше, а пока,
Что поделаешь, февраль!
Захмелевшие слегка,
Мы решим среди друзей:
Жизнь не вечна, а пока
Будем радоваться ей.

СВЕТЛ

К. ЮРЬЕВ,
фото
В. СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

...До сих пор перед глазами деревянная скульптура «Амударья» из Государственного музея изобразительных искусств Каракалпакской АССР. Женское лицо в обрамлении спутанных, как бы стремящихся куда-то, подобно течению реки, волос. В лице женщины-реки уживаются покой и динамика. Скульптура как бы одновременно смотрит в прошлое и в настоящее — в современную жизнь, изменившую облик Каракалпакии, подобно тому как сама река заставила цветы и плодоносить мертвую некогда землю. На множество ленточек разрывается река, впадая в Аральское море. Множество дорог бежит нынче по Каракалпакии сквозь пустыни и степи. И каждая из них — рассказ о республике. Ка��ую выбрать?

Так получилось, что в первый же день в Нукусе судьба свела меня с Тулепбергеном Каипбергеновым, народным писателем Каракалпакии, автором романов о прошлом своего народа. Он посоветовал отправиться в университет, чтобы начать со Слова, литературы республики, ибо лишь в письменном слове народ обретает память о себе, живую душу. К революции каракалпакский народ пришел сплошь неграмотным. Даже зчинатели и классики каракалпакской письменной литературы — Ажинияз и самый знаменитый Бердах — в Нукусе на площади перед театром ему установлен прекрасный памятник — нередко творили как импровизаторы. Письменность же каракалпаки получили лишь в годы Советской власти.

Однако, побывав в Нукусском государственном университете, на филологическом факультете, где занимается около четырехсот студентов, в это поверить было трудно. Как раз шли занятия, и будущие учителя вели разговор с преподавателями о современной каракалпакской литературе. Бахтияр Генжемуратов, Мирхан Атрасулиева — самые обыкновенные студенты, каких легко встретить в любом другом городе Советского Союза. И стремления у них в общем-то обычные: Мирхан хочет учить детей, а Бахтияр сам не чужд творчества, думает после университета работать в газете. Но вот словно что-то вспыхивает у них в глазах: это они увидели Каипбергенова, книги которого значатся в их экзаменационных билетах. Тулепберген для них одновременно классик и современник. И тогда только понимаешь: да, каракалпакская письменность, каракалпакская литература действительно очень молоды.

Тулепберген Каипбергенов еще сказал, что сам человеческий век в Каракалпакии как бы убыстрился. Буквально на глазах меняется облик столицы автономной республики — Нукуса. Такое интенсивное, а главное, красивое строительство делает городу честь. И что ценно, строят «на вырост». Уже сейчас из Нукуса можно уехать по рельсам в Москву, но в будущем движение станет куда более оживленным. А в Нукусе к этому готовы уже сегодня...

Но нас дорога ведет на север, в Чимбайский район, на животноводческий промышленный комплекс совхоза «Гигант». Строительство начали только прошлом году, а уже построили двадцать два помещения! Здесь пока содержится семь тысяч быков. Строительство таких комплексов вызвано решением задач продовольственной программы. Сельское хозяйство республики твердо взяло курс на специализацию. Так, например, предусмотрено, что когда животноводческий комплекс наберет силу, кормами его будет обеспечивать соседний совхоз «Чимбай». Это станет главной задачей хозяйства, распыления сил не допустят.

Работа на комплексе кипит. Каждая строительная организация республики присыпает сюда своих рабочих. Поэтому и темпы высоки. Директор комплекса Владимир Игоревич Марков — человек опытнейший. В животноводстве уже почти четверть века. Побывал и на целине. Дело спорится во многом благодаря его усилиям.

И таких людей в Каракалпакии много.

Совсем недавно, например, в числе передовиков сельского хозяйства Узбекской ССР звание Героя Социалистического Труда было присвоено и Абдулле Алимову — председателю колхоза «Кырккызыбад» Элликкалинского района. Хозяйство, возглавляемое им, известно сейчас на всю республику.

Теперь дорога ведет на юг, в сторону города Бируни. Сразу за Нукусом — пустыня, вдали, в сиреневом мареве, тают силуэты верблюдов. А потом пустыня незаметно переходит в степь, и вот уже появились невысокие саксаулы с ветками, похожими на наруженные, узловатые пальцы. Здесь, вдоль течения Амударьи, расположился пока единственный в республике государственный заповедник «Бадай-Тугай». Он существует десять лет. ТERRITORIA почти шесть тысяч гектаров. Основная цель — защита животных и растений. Заповедник известен тем, что здесь живут двадцать четыре благородных бухарских оленя, давным-давно занесенные в Красную книгу. В Каракалпакии делают все возможное, чтобы сохранить этот исчезающий вид, дать ему новую жизнь.

На пути к Бируни миновали мессторождения мрамора, талька, известия... Каракалпакский мрамор идет, например, в Ташкент — на облицовку станций метро.

Наконец показался Бируни, город, известный своими промышленными предприятиями. Здесь и хлопкоочистительный завод, и маслозавод, и кирпичный... Сегодня Каракалпакия — весьма развитая в промышленном отношении автономная республика. Быстрыми темпами развивается машиностроение, металлообработка — ежегодный прирост здесь приближается к девяти процентам. Намечается — и уже идет — строительство новых предприятий легкой, пищевой и местной промышленности. Дальнейшее развитие получает автомобильный, авиационный, железнодорожный транспорт. Все это, конечно, лишь незначительная часть той грандиозной работы, которая будет проведена в Каракалпакии в ближайшие годы.

Хлопок, рис, каракульча — наиболее традиционные продукты сельского хозяйства республики. Каракалпакия — самая северная зона мирового хлопководства, однако урожайность полей повышается год от года, неуклонно растет и доля, собираемая машинами. Это результат огромной помощи, получаемой Каракалпакией от братских республик. Ежегодные капитальные вложения на развитие сельского хозяйства приближаются в республике к тремстам миллионам рублей.

Мы ехали в хозяйство, занимающееся производством каракульчи, «черной розы» пустыни.

Директор хозяйства Тохта Балтаков — человек не по годам живой, общительный. Руководит здесь уже десять лет, а всего в сельском хозяйстве — сорок пять. Он кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Тохта может говорить о своей работе часами. Водит по территории хозяйства, указывает палкой на строящиеся помещения, и чувствуется: сам он уже видит их законченными, полностью автоматизированными, какими когда-то видел их в мечтах.

— Я счастливый человек, — сказал Тохта Балтаков, — я дожил до правнука, то есть увидел жизнь четырех поколений своего народа. Увидел, как изменился за эти годы мой край. Сравнить это не с чем. Слова бедны. Один мой сын — председатель колхоза, другой — главный агроном, остальные учатся и работают. Я счастлив, что именно на моих глазах народ прошел путь длиной в века. И поэтому чувствую себя молодым! Разве можно быть стариком, когда сама жизнь молодая?

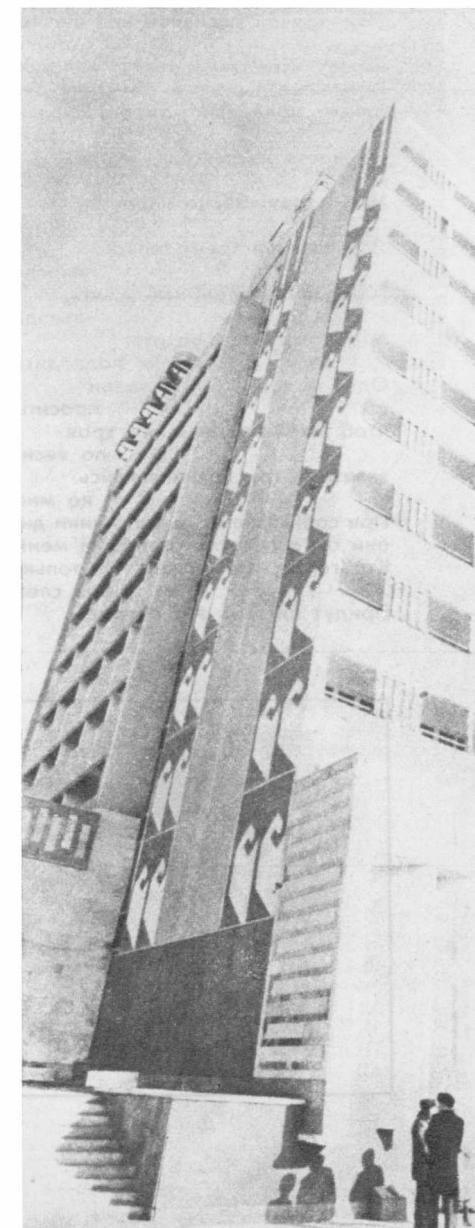
...Уже в Нукусе, прощаясь с народным писателем Каракалпакии Тулепбергеном Каипбергеновым, я узнал, что последний свой роман он написал не на историческую, а на современную тему.

— Нельзя не писать о современности, если она богаче любой истории, — сказал он, — если история рождается на твоих глазах и делается руками твоего народа, руками страны, где твой народ обрел счастье.

Москва — Нукус.

Новая гостиница «Ташкент»
в столице Каракалпакии.

ЫЙ ДЕНЬ

Писатель Тулеберген Кампбергенов беседует со студентами Нуссского университета.

Гульджахон Юлдашева — аппаратчица на откормочном животноводческом комплексе «Гигант». Она пришла сюда, окончив десятилетку.

В биохимической лаборатории Комплексного института естественных наук Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР.

В Нукусе поставлен памятник великому поэту-мыслителю Бердаху.

Николай МАШОВЕЦ

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Климов, когда узнал про Гришку Глухова, не сдержался, выругался прилюдно, в приемной правления, и пригрозил кулаком в раскрытое дневному зною окно: «Ну гад! Ну подлость!» Тут же наказал бухгалтерше Анфисе, как закончит передавать сводку в район, дозваниваться до Картузова, чтобы оформляя к чертовой матери Глухова на принудиловку. Сегодня же.

— Женат? — неожиданно спросила молоденькая преподавательница пединститута, возглавлявшая группу студенток, которые приехали собирать (Климов не очень-то и понял) какие-то диалекты. Это она прибежала с известием про Глухова.

— Кто, я? — опешил Климов и тут же начал краснеть, поскольку женат не был и тему эту с того времени, как разменил четвертый десяток, считал большой для себя.

— Не вы, естественно. Глухов ваш.

— Глухов женат.

— Дети есть?

— У него? — И, поняв, что сморозил еще одну глупость, быстро ответил: — Есть. Двое. Парни. Сережка третий класс кончил. Вроде неплохо. Витька в первый должен идти. А что?

Преподавательница молчала. Сняла большие, с темными стеклами очки, стала их протирать. По ее близорукому прищиру Климов понял, что очки не просто солнцезащитные, и ему стало совестно за то, что он при ней крепко выругался. «Надо, наверное, извиниться», — подумал Климов. — Но не сейчас, позже.

— Я могу переговорить с вами без посторонних? — наконец спросила она, водрузив очки-плошки на свой симпатичный носик (на фыркнувшую Анфису — ноль внимания).

Климову она начинала нравиться все больше: короткая, мальчишеская стрижка светло-пепельных волос (странный, правда, цвет: красит, должно быть, решил Климов), по-цыгански длинная пестротканая юбка. Весело удивило его еще при первой их встрече, что преподавательница принялась разгуливать по деревне босой, в связи с чем, как ни странно, вызывала неодобрение старух, основных носительниц диалектных особенностей. Единственное, что сам Климов пока еще не мог в ней принять, так это одну деликатность, вызывающую бросающуюся в глаза местному, особенно мужскому населению: под скжатым кулаком, нарисованным в обрамлении какого-то нерусского призыва, в тонкой майке-безрукавке нестесненно волновалась девичья грудь. Чтобы смотреть на это спокойно, надо было, конечно, иметь определенное мужество. Именно в силу последнего обстоятельства Климов подрастерялся и потому лишь жестом, без слов показал на дверь своего кабинета.

Он почти не видел ее глаз, но чувствовал, что она смотрит на него весьма зло и пристально.

— Слушаю вас, — сказал он, закрыв дверь кабинета и усаживаясь не в кресло, за полированный, отвратно скрипящий стол, а напротив нее, на стул.

— Действительно, послушайте меня — я то вашей ругани уже наслушалась.

— Кхм, извините, не сдержался. Так-то, можно сказать, я не ругаюсь. Вам и народ скажет. Только пьяна эта всю кровь высосет! Верите, я меньше в хозяйстве нерв треплю, чем с этим уродством бьюсь!

— Так уж и бьетесь? — хмыкнула она.

Климов захлебнулся обидой:

— Между прочим, уважаемая... извините, забыл, как вас звать-величать...

— Ксения Петровна. Можно просто Ксения.

«Ксения!» У Климова вдруг опала вся гневность. «Ксюша!» Имя-то какое, господи. И ему так захотелось произнести его вслух, но... увы. «Может, в кино на завтра пригласить? — решительно подумал Климов. — Не откажется... Вдруг да не откажется, чем черт не шутит?»

— Во-первых, — резко сменил тон Климов, — разрешите официально принести вам извинения за работника нашего хозяйства, который, находясь в нетрезвом состоянии...

— В рабочее время.

— Да, к сожалению, в рабочее. Так вот за то, что он вас... он к вам... Он ведь вас оскорбил, я так понял?

— Если уж говорить про «во-первых», то не с меня надо начинать, а с того, что идет уборка хлеба. В это время среди бела дня по деревне на огромном тракторе, который так ревет, что все кругом стонет...

— На К-700-м.

— Возможно, вам лучше знать. Так вот, среди бела дня на этой зверь-машине сидит пьяный хам! Начать с того, что пьяный. А потом уже, что хам. Он мало того, что не на поле...

— К нам лес пришел. Он должен был утром на станцию гнать. Туда мы еще неделю назад прицеп послали под погрузку. Я договорился, чтоб наших людей не мотать, там сами погружают, а мы только заберем. Черт!

— Возможно, вам лучше знать. Короче, мало того, что он не там, где должен быть, он еще дорогое топливо жжет. Но и этого мало. Он разрушил прясло у нашей хозяйки Полины Семеновны, пенсионерки.

— Забор починит. Тут нет вопросов.

— Затем. Он создает угрозу для жизни людей. Я каким-то чудом избегла участия быть изувеченной этой адской машиной. Но где гарантия, что сейчас это не грозит кому-нибудь другому?.. Он, между прочим, почему прыгнул снес? Хвастал, что так впритык остановит — в спичку зазор будет. Кстати, заставлял меня на верхнюю жердину сесть. Это ему почему-то очень хотелось.

— Выражался, наверно?

— Не без этого. Но вообще-то он мне предлагал руку и сердце, а Зинку, я так думаю, бедную женщину, мыкающую с ним горе, обещал выгнать. В однажды, он сказал. И голиком за ней заметет, тоже говорил.

— Жену это, — буркнул Климов.

— А хотела я вам знать что сказать? Вернее, спросить...

И Климов расстроился, поняв, что не ответит на ее вопрос, хотя даже не предполагал, о чем он будет, этот вопрос. Но чувствовал: о том, что он и сам знает, да боится спросить у себя.

— Вам не страшно? — почти шепотом произнесла она.

— Страшно? — искренне удивился Климов. — Отчего?

— Не знаю, как точнее все это объяснить... Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли... — В волнении она закинула ногу на ногу, и Климов мельком удостоверился в ее босоногом упрямстве, хотя сам упреждал ее, что она в два счета может напороться на какую-нибудь железяку или стекло — этой гадости здесь на-

валом. — Мы тут с девочками две недели живем. Почти каждый день видим пьяные безобразия. Это какой-то унылый кошмар! Вы верите, что этому когда-нибудь наступит конец?

— Верю, — ответил он.

— И видите его?

— Конец, что ли? — Климов задумался. — Нет, пока не вижу. Пока, наверно, до него далеко... Н-да, далековато...

— Это-то и страшно! Еще Глухов не устал сам куролесить, а ему уже смена растет. Какое, извините, сопляче пьяной похабщиной отравлено! Неужели вы это не можете остановить?

— Как? — проронил Климов с горькой усмешкой.

— Вы же руководитель! У вас власть! Надо объяснить людям! Надо вызывать тех, кто пьет, сказать им, обсудить на собрании, выговор в конце концов объявить!

— Говорил, обсуждали, объявлял. Кое-кому даже сроки давали. Это уже за хулиганство. Условно, правда. Занимаемся профилактикой. Комсомол вот надо активнее подключить — они, конечно, могли бы тут что-то сдвинуть. Что еще?.. В стенгазете продергиваем. В общем, беседуем больше, на сознательность установку держим. Результаты есть, но закрепить успех пока не удается: попиваются. — И добавил, согласно кивнув: — Я вас понимаю, неприятно все это, факт.

Ксения, сникнув, грустно, с зарождающимся сочувствием смотрела на худого, загорелого Климова. Он опустил усы, но двухнедельная щетина остро топорщилась и не сдавалась активному приглаживанию.

— Присоветовали вот отпустить. Солидности, говорят, надо прибавить, — без смущения улыбнулся он, предположив, что Ксения, видимо, заметила его настойчивые усилия придать усам требуемое направление. — Идет, вы считаете?

Она только сейчас поняла, что Климову, пожалуй, где-то около тридцати и он посматривает на нее как-то не так, то есть ясно, что жалобщицу видеть в ней ему не хочется.

— Усы ваши, думаю, еще вырастут, и, возможно, они вам будут идти. По крайней мере сейчас мне трудно сказать что-то более определенное. Лично мне, например, нравится, когда у мужчины усы или даже борода. Только приличные чтоб. Единственное, что противно, когда этот мужчина пьет и макает свою растительность в потребляемую им жидкость, — выговорила она ему, стараясь в последнее вложить обидный для него намек. — А вы не думаете, что, пока мы тут с вами обсуждаем вещи важные, конечно, но достойные, на мой взгляд, другого места и времени, Глухов — а ему ведь и море по колено — где-нибудь наставил бед? На «Ка»-то вашем, на семисотом!

«Всё, приглашу. Не откажет». Климов утвердился в намерении испытать шанс.

— Да, есть опасность. Хотя классность водительская у него — от бога, но алкоголь есть алкоголь. — Климов быстро встал. — Он много выпил?

— Это вы меня спрашиваете?

— Да нет, я... То есть вас, конечно. Но я в смысле того, что здорово ли он пьян был?

— Мне трудно ответить, поскольку не знаю вашей шкалы измерений. По мне — так здорово. — Ксения тоже встала. — Едем?

Климов замялся, решая, брать или не брать ее с собой. «Опять это пьяное мычание, ругань, не дай бог, кулаками размашется».

— Не совсем это удобно, — сказал он. — У нас там, видимо, мужской разговор предстоит, не знаю, как он сложится...

— Я ведь не семилетняя, кое-чего на-смотрелась и наслушалась. Думаю, вы меня не удивите. Но боюсь, как бы он к моим девчатам не пристал — они сейчас по всей деревне разбрелись.

— Ну, хорошо, — сказал Климов, радуясь та-куму желанию Ксении. — Раз так — едем.

ВАСЮТА, ВСТА

Только включив зажигание, Климов понял Анфисину подковырку: «Парой?» — от которой она не удержалась, услыхав, что председатель едет искать Глухова. «Плевать». И он решительно взял с места.

«Ниву» получили весной, по дождю ее не трогали, а гоняли на старом «газике», так что парадная лакировка была лишь тронута утренней пылью, все же остальное радовало глаз и слух: ни царапины, ни скрипа, ни тарахтения. Климов водить любил, ездил, понятное дело, сам, иногда, если позволяло время, вместе со слесарями ковырялся в машинных внутренностях. Правда, по весне несколько раз просил, чтобы готовили двухколку. Понравилось, да полетела рессора — ржа попортила. Новую все никак не доведут до ума, хотя, честно, он не больно-то и поторапливал — и без того зашивались с ремонтом.

— Значит, у Семеновны вы?

— Да. Это надо сначала направо, потом у магазина...

— Не заблудимся авось, — перебил Климов. И неожиданно даже для самого себя подмигнул босоногой пассажирке. Та фыркнула.

Перед старым, но еще крепким пятистенком Семеновны деревнина была сорвана, стояк с привязанными еловыми жердинами порушен. («Ну и разогнался, гад!») След от лихого разворота вытянулся к грейдеру, по которому машины шли на элеватор. «Куда он ходу дал? Что у него на уме, у паразита? Догуливать мог рануть. Это тоже вариант. Хотя бы к Хлебову на водокачку. Дружки вроде». Климову стало

тоскливо оттого, что это вполне реально. Да же очень.

— Советовал бы остаться, — сказал Климов, обдумывая, как бы срезать дорогу. — Растрясу.

— Не хрустальная. — Она взялась за дверцу машины. — Время теряем.

Хотя Климов выруливал, где погляже, «Нива» взбрывала почти что на ровном месте. Ксения даже ойкнула, но со смехом, и Климову вдруг показалось, что она тоже подмигнула ему. «Эт-та интересно!» — Он обрадовался: свет, кажется, забрезжил. Кольца обручально-го, он усмотрел, на ее руке не было.

Вылетев на грейдер, легковушка шаркнула задним мостом по гравию, и Климов поморщился своему лихачеству. Если Глухов на водокачке, то ехать тут всего ничего — километра два. А если нет.. Ну что ж, все равно надо сначала к Хлебову.

На водокачке тот сидел в наказание — как снятый с самосвала. Будто бы он и не запил, но дважды чуть ли не день в день попался Климову разве что не на бровях и в конце концов фарой ткнулся в комбайн. Климов сказал, что снял его с машины до конца уборочной, но — по всему — надо будет возвращать, так как вместо него сажать за руль было некого, кроме его меньшего брата Ивана, который только по весне, перед аттестатом за школу, и получил-то права. Хоть он сам просился и крепкий вроде парнишка, не хилее старшего братца, но тут Климов крепко нарушал. Непорядок это.

Когда одиноко на взгорке завиделась водокачка, Ксения спросила:

— Думаете, он там?

— Не исключено. Здесь дружок его Хлебов. Вместе обычно с рельс сходят.

Догнав груженную зерном машину, Климов нырнул в густую пыльную завесу и, поравнявшись с кабиной грузовика, начал сигнить и махать рукой, чтоб тормозил.

— Глухова не видал? — крикнул Климов, приоткрыв правую дверцу.

— Никак опять гулять подался? — весело щурясь от полдневного солнца и едкой дорожной пыли, пеленой заволакивающей машины, ответил молодой, стриженный под нулевку шофер. — Ну вот, а мне грозите, что армия меня перевоспитывает. Или Глухов из особых, из трудновоспитуемых?

— Как увидишь его — ссади с трактора. Я велел, скажешь. И всем, кого встретишь, передай. Понял? — Не дожидаясь ответа, Климов потянулся закрыть дверцу, и, хотя Ксения откинулась на спинку сиденья, ожегся о скатый иностранный кулак на майке. — Кхм, извините.

Шофер-парнишка понимающе осклабился:

— Давай, председатель, газуй! Все мы люди, все мы люди!

— Откуда это он такой? — спросила Ксения, как только они поехали дальше.

— Стриженый-то почему? В армию осенью, вот и пижонит. — Климов съехал с грейдера на грунтковку. Горячее прикосновение не забывалось. — Тоже, между прочим, большой любитель острых ощущений. Дискотекой в клубе заправляет. Мать с отцом в военкомат ездили, просили, чтоб весной призвали, да что-то

НЬ! ВАСЮТА...

не вышло. Пока ничего — работает. Может, и за ум взымется. И добром я и руганю с ним — все испробовал. Вы бы, кстати, присоветовали что-нибудь из новых методов. Небось, в институте вас учили, как народ на путь истинный наставлять. Это же ваша профессия — воспитывать. Или не так?

Ксения не поняла, шутит он или говорит всерьез, поэтому пыталась найти в ответ нечто умное и годное на тот и другой случай.

— Ладно, я понимаю, — выручил Климов, — можно втолковать человеку, что такое хорошо и что такое плохо, но это при том, если говоришь с ним на одном языке, пусть даже и на разных диалектах. Но выпьет он — ведь и речь отцову разуметь перестает, хуже немыря — на пальцах и то не объяснишься. Тут как быть?

— Вы сами, что же, и не пьете?

— Почему?.. Мне не нюхать это зелье нельзя — народ не поймет. Скажут: брезгает, заразился.

— А вы плоньте! Вот еще, каждую глупость выслушивать!

Климов хмыкнул:

— Хорошо, попробую.

У водокачки — уже точно — никакого трактора не было, зато приткнулся голубой ГАЗ-53 с наращенными под зерно бортами. Судя по номеру, это должна была быть машина Хлебова-старшего.

Подъезжая, Климов, сколько ни всматривался в пыльные следы протекторов, примет К-700 обнаружить не мог. Попросив Ксению подождать, пошел заглянуть в дежурку.

Дверь туда была настежь. На пороге, свернувшись, лежали две худые серополосатые кошки. Услышав шаги, они одновременно подняли головы, с видимым удовольствием потянулись и медленно разошлись в противоположные стороны — как стражи, ритуально расступившиеся перед Климовым.

Вначале, со свету, было трудно что-либо разглядеть, лишь слышалась какая-то возня в углу. Постепенно, присмотревшись, Климов узил Ивана, младшего Хлебова. Он кого-то усиленно тормошил, пытаясь поднять с пола и втянуть на лежак. Климов догадался, что это он братана, больше некого.

— Ты что здесь? Почему не в рейсе? — спросил Климов.

Иван выпрямился, почти крикнул:

— Дурак я, зачем на его машину сел? Он-то теперь горюет! — И опять взялся за брата. Тот бормотал несвято и вырывался.

— Оставь, — сказал Климов, — пусть на полу полежит — не зима. Зато не упадет. Тебе кто сказал про него?

— Мать наказывала заглянуть. Как чуяла. От господи! — по-взрослому захахал Иван. — Эй, Васюта! Ну что же ты? Встань! Васюта...

— Это что ж, он один так набрался? Будто бы Глухов сюда не заглядывал... — подумал вслух Климов.

Он еще минуту-другую смотрел на бесмыслицу возню, потом остановил парня, положив ему на плечо руку.

— Ты вот что, Ванюш, давай сейчас на траску — хлеб-то, сам знаешь, не ждет. Не привык он нас ждать. Так что поспешай. А с братцем не елозь — пустое. Через часок я кого-нибудь пришлю сюда. Постараюсь найти человека.

Отчаяние младшего Хлебова: «Васюта, встань! Васюта...» — еще долго слышалось Климову, пока он гонял вместе с догадливо молчавшей почти всю дорогу Ксенией на ток, зерносклад, на птицеферму у пруда, где на конец и обнаружились увязнувший в прибрежном иле, залапанным утиными перьями и пометом, трактор и возле него протрезвевший, до потешного вывозившийся в грязи Глухов, который, еще только завидев председательскую «Ниву», стал бить себя в грудь, что, мол, гадом будет, если еще раз хоть раз грамм. Но Ксению узнать отказался наотрез, хотя по настоянию Климова извинился-таки перед ней. «Хорошо, авансом могу», — оправдывался он.

В кино Климов Ксению все ж таки пригласил. Она согласилась, но с ней пришли почти все ее студентки. Климов расстроился, решив, что это они специально. Видно, так оно и было, потому что вечером, пока Климов их провожал, Ксения смеялась-заливалась бог весть чему.

ЖИЗНЬ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Познакомьтесь, читатель, с Должиковыми — большим, разветвленным рабочим семейством сегодняшних потомственных металлургов. Уверена, не разочаруетесь! Более того, думаю, полюбите героя так же, как нескрываемо любят их писатель Вадим Кожевников, поведавший о замечательных людях, наших современниках, в своем новом романе «Корни и крона» («Знамя» №№ 9, 10 за 1981 год; №№ 1, 2 за 1982 год).

Их много, Должиковых. Но их не спутаешь между собой. Ни один из них ничуть не похож на другого, разве что единим для всех законом рабочей чести, твердостью решений.

Молодые и совсем уже старые — «патриархи», пользующиеся всеобщим уважением на огромном предприятии, — они, каждый по-своему, объединены и увлечены таинством превращения разного «холодного хлама» в огнепад металла, изготовленного их руками.

«Наше дело поспешать не спеша. Металл требует серьезного обхождения, уважительного, — размышляет глава семьи, старейший Должиков, Семен Фомич. — Даже если плавка не ладится, ты ее обласкай, тогда она тебе подчинится».

Заметим эту духовность взаимоотношений рабочего человека со своим делом. В ней действительно есть нечто патриархальное. Но ведь и второе и третье поколения Должиковых живут на огромном производстве, так же истово отдавая ему себя и столь же взыскательно, неуступчиво повсевремя себя делом.

«Социализм нам не вывеска, а дальняя дорога в гору, чем выше поднимаемся, тем легче дышится и лучше видится... Нельзя ходить мимо человека, если он плох... Такой теперь по нашим возможностям закон жизни», — наставляет Егор Семенович Должиков племянника Кости, вернувшегося на завод из армии.

Кости — парень хоть куда, серьезный и умный, комсомолец-общественник. Многие его трудности связаны не только с производством, но еще и с личными поисками. Вроде бы нравится ему красавица Нелли — прилежный и способный конструктор, да и небесталанная, как

о ней говорит ее начальник, девица неуравновешенная, знающая сама о своей красоте, но непреклонительно к ней относящаяся:

— Так мне не повезло, что я родилась девочкой...

В этом — вся Нелли с ее выходками. Она пойдет и сама не знает, как поступит в следующую минуту — пошутит и засмеется или заплачет, будто маленькая, уткнувшись головой в колени отцу, а потом опрометью побежит готовить ужин, в кухню...

«Ты, пап, на меня не сердись, от слез плачен не останется, — крикнула она оттуда. — Не сердишься? Ну, иди, я тебя так сегодня накормлю, как только Егор Должиков кормит Кости, когда он к нему приходит. А тебе Кости Должиков нравится?»

— Токарь он с перспективой, — сказал отец.

— Может, мне с него замуж выйти? — осведомилась Нелли.

— Подожди, пока на шестой разряд выйдет,

с четвертым ему жениться непрестижно.

— Папа, ты у меня самый-самый лучший!

— Это чем?

— Ну, вот простил, шутиши.

— А что мне остается?

— Побить.

— Не та эпоха.

И впрямь эпоха не та. Только удивляются старики, одобрительно и взискательно глядя на молодых: «Они своего достигли. Лучом метал режут». Так и поступают — по-своему, круто, как вздумают, всегда принципиально.

Нелли выходит замуж, вернее, решительно «отбывает» ослепшего во время аварии Игоря у своей подружки Октябрьны Должиковой. «Он не видит, что я красива, значит, будет любить не за то, за что все, кто за мной ухаживал... Он меня не разлюбит... Он мужественный, отважный человек».

А Кости Должиков наконец-то понял, что любит Свету. Вот так, сразу, вдруг внезапно понял, что полюбил свою подругу детства, как никого и никого не любил.

...Переплетенный прочнейше этими жизненными нитями живых, непридуманных человеческих связей, порою сложных, но всегда правдивых и доказательных отношений героев, новый роман В. Кожевникова читается легко, с интересом, вместе с тем он принципиален, глубоко познавателен... Роман непринужденно являет собою некую своеобразную, движущуюся и меняющуюся, красочную парнаруму жизни нынешнего рабочего класса.

Книга объемная, детально выписанная во всех подробностях человеческого состояния, неравнодушная, утверждающая образ Героя, его величества рабочего человека, воюющей за него, утверждающей его разум, его сегодняшнюю силу и новаторскую мощь. А вместе с тем — нерастреченную силу традиций...

«Корни и крона», пожалуй, и трогают прежде всего этим нескрываемым уважением авто-

ПОРА
ВЕЛИКОГО
ОБНОВЛЕНИЯ

«Аркадий Оглоблин с ранних лет угадал затворное свое стремя — самому собрать крепкое хозяйство, чтобы стать вольным хлебопашцем, — пишет Иван Акулов, повествуя о непростой судьбе одного из главных действующих лиц своего романа «Касьян Остудный». — Советская власть нарезала ему земли, облегчила от налогов, и он жадно вгрызался в кусок своей пашни, тугу натянув молодые жилы на пахоте, поносах и лесоповалах».

Но та же Советская власть все десять послереволюционных лет исподволь, экономически и психологически, подготавливала Оглоблина, все русское крестьянство к принятию новой формы землепользования — коллективной. Собственно, идея колхоза была не такой уж новой. «Крестьянин по природе своей коллектivist: ведь он шагу не сделает в одиночку, все норовит скопом, артелью», — говорит писатель уставши одного из персонажей, вместе с тем не забывая подчеркнуть и противоречивость крестьянской натуры: «Всякое новое дело вызывает у мужика подозрение и опасение, если он не видит в нем скорой и верной выгоды».

Потому-то Оглоблин и подобные ему крестьяне-середняки настороже, вроде бы и не против колхоза, но и не торопятся вступать, выжидают: «Я чтобы привел в колхоз табун коней и коров, а Егор Бедулов придет, это, с дюжиной ложек. Помешкаю».

Ситуация обостряется и тем, что говорит это крестьянин не простой, а сибирский, потомок подвижников, которые по следам Ермака сотоварищи «отнесли пределы Российского государства».

И. И. Акулов. «Касьян Остудный». Роман. «Современник». 1981 г. 688 стр.

РЕАЛЬНАЯ

ра к героям, глубинным пониманием величества и величины их труда. Да и всей в целом широтой проблемы — постановкой многих, чисто производственных, казалось бы, вопросов, как настущейших нравственных, более того, революционных вопросов народного бытия.

Для искусства социалистического реализма и на сегодня, и на завтра, да, наверное, и на все будущие времена главным остается защита человека. Красоты его личности, его дела на земле. Именно защита, а не притворное соблазнение и не насмешка, не ехидные вздохи.

Дорогой ценой достается иному писателю выстраданная им правда жизни. А порой даже и самая цена вдруг подвергается некоему пересмотру. Так, в одном из недавно увиденных телевизионных фильмов безжалостно осмеивался пожилой человек — писатель, закончивший было новый роман о строительстве большого завода, но затем вдруг усомнившийся в правомерности самой темы, ее решения...

Мы видим, как беспощадно сжигает он объемную рукопись — целый мешок бумаги. Сжигает чуть ли не на ступенях своего жилья (это высотный дом на площади Восстания в Москве). И зритель, конечно, понимает, что автор рукописи — хоть отнюдь и не новичок в литературе — смертельно оскорблен додгадкой, что тема его сегодня, увы, «отстала от моды», а значит, вышла из употребления.

Тенденцию эту — точнее говоря, уход от кардинальных проблем и реалий нашей нынешней жизни в самые различные «остренки», но поверхность сюжеты — не замечать нельзя. Она существует, эта тенденция, словно сама по себе. Существует вроде бы уверенно, игнорируя проблемы самые главные, самые наущенные; отбрасывая задачи, требующие серьезного художественного и философского осмысливания. Тем более, что человек нынче совсем не таков, каким он был еще вчера. В том числе, разумеется, рабочий человек. Он-то прежде всего!

Именно советский трудовой человек изменился во всем своем реальном существовании, в своем облике гораздо качественнее и явственней, чем кто-либо другой. На этом и настаивает со всей категоричностью писательского, коммунистического убеждения В. Кожевникова. И подтверждает свою творческую позицию огромным жизненным материалом, вошедшем органически целью и свободно в рамки нового произведения.

Автор позволяет нам — что очень важно — увидеть, почувствовать, понять существеннейшую связь всех сторон, всех требований сегодняшнего трудового бытия с давними, коренными, революционными традициями советского рабочего класса. Меняя, совершенствуя

процесс производства, процесс работы, герои Кожевникова вторгаются и в процесс внутренней жизни людей вокруг себя. Это — и старым и молодым Должиковым — не всегда бывает легко. Но и самые большие их трудности обрисованы автором без малейшей натуры; герои не нуждаются в лишних красках, в преувеличении заслуг, в том, что некогда именовалось «лакировкой». Они правдивы и непосредственны, поэтому-то и заставляют нас удивиться им, полюбить их.

Меняясь и совершенствуясь, вырастая духовно и интеллектуально, герои В. Кожевникова — и прежде всего потомственная рабочая династия Должиковых — нерушимо сохраняют свою главную человеческую сущность: все они свято хранят заповедную верность бойцовскому наступательному облику отцов и дедов. Высокая идея замысла, как и творческая, очень непосредственная, ясная манера ее реализации, равно позволяет В. Кожевникову избежать и «бытовщины» в подробностях и сухой технологичности, какою довольно часто грешит «производственная тема».

Наиболее же важным в романе представляется то, что Кожевников вовлекает нас, читателей, в серые нынешние, наущенные пласти жизни, именуемые коротко: НТР. Проблема, не сходящая нынче со страниц газет и журналов, получает здесь внимательное — а главное, доступное и интересное читателю — рассмотрение.

Должиковы — коммунисты, революционеры по своей внутренней человеческой сути, а не «технари», не обладатели чисто формальных научных степеней и званий, люди думающие и совестливые прежде всего — вот кто воплощает у Кожевникова высокую идею НТР в ее истинном понимании.

Как уже сказано, Должиковы в романе В. Кожевникова — главная, стержневая его опора. Но тут много и других героев, к которым тоже не остаешься равнодушным. Запоминаются, как фигуры центральные — и это опять-таки закономерно, — Афанасий Зубцов и Анатолий Иванов: руководители огромного предприятия, парторг и директор. Привлекают их непростая, своеобразная дружба. Их тесные взаимоотношения представлены автором опять-таки как сложнейший процесс непрерывного поиска, взаимного постижения. Главное в нем, вновь и вновь, сама жизнь: многоликая, разносторонняя, нестабильная. Часто оборачивающаяся такими неожиданными поворотами, которые требуют от них обоих понимания, точной реакции, полноты отдачи...

И, значит, опять возникает процесс постоянного сотворчества. Процесс особенный, опирающийся, быть может, сначала на человеческое ведение, а потом уже на жесткие требования современной технологии. Во всяком случае, именно об этом думаешь, вникая в беседы Зубцова и Иванова, их обьюдоострые споры, неуступчивый обмен мнениями.

В. Кожевников — мастер диалога, афористического, меткого слова. В этом смысле весьма привлекательна и своеобразна языковая манера, вся стилистика романа, где автор щедро использует не только особенный говор своих замечательных стариков-ветеранов, прошедших, как говорится, сквозь огонь, воду и медные трубы, но еще и нынешние, часто хлесткие обороты молодежной речи, ее особый словарь.

«Корни и крона» до последней страницы читается с интересом, что далеко не всегда бывает доступно расхожим, поверхностным решениям «производственной темы», с которыми, кажется, скрыто полемизирует автор, обобщая огромный жизненный материал.

Впрочем, так ли это?.. Я обратилась к Кожевникову.

— Скажите, Вадим Михайлович, откуда появились ваши Должиковы, да и многие другие герои? Как вообще складывался роман в его реалиях? Что этому предшествовало?

— Мне пришлось собрать воедино множество своих наблюдений, частых поездок и встреч. Жизнь в романе изображена действительно реальная, невыдуманная. Ну, а факты... Тут преломляется в образах практика работы таких, например, предприятий, как калужский и пермский заводы: как раз отсюда у меня в романе появилась «Книга рабочей совести». Это — явление,казалось бы, исключительное, необыкновенное. Но оно рождено наявлением практикой жизни, работы, советским отношением людей к своему делу... Бригадный подряд нынче имеет широкое внедрение, я знакомился с ним на ленинградском Невском заводе, в Туле на машиностроительном. Да, все прототипы «моего» завода живые — их не перечислишь, как и прототипы самих героев. За ними — живая почва нынешнего народного существования.

— Отсюда название романа? И его скрыто-полемический запал?

— Именно так, — ответил писатель.

дарства к берегам Восточного океана». Он, кондовый сибиряк-землепашец, не без гоноров, исконен веку не знал ни барина над собой, ни безземелья, — вон ее сколько вокруг, знай трудись и будешь жить соответственно... Как, например, Кадушкин Федот. Понуда не кулак, но и не середняк сермяжный. Начинал, стыдно сказать, с торговли банными вехотками, а ныне, полюбуйся, имеет и справное хозяйство с животиной и машинами и виды на будущее, недаром подумывает женить сына на дочери кулака Ржанова...

Образ Федота Кадушкина, которого, тайно и явно завидуя, пытается подражать Аркадий Оглоблин, несомненно, центральный в романе, это большая удача не только писателя И. Акулова, но и, не побоюсь сказать, литературы последних лет. Выписан он объемно и живо, в традициях беспощадной правды, обнажающей глубинную суть человека во всей ее диалектической противоречивости. Многое в Кадушкине привлекает, делает его типичным представителем крестьянства той поры, но многое и отталкивает. Природный ум и сметка, сильный характер и оборотистость, завидное трудолюбие, да и красноречием, как говорится, бог не обидел. Федот Федотыч одинаково свободно чувствует себя и на хлебном току, и на сельском ходе, и в философских рассуждениях о судьбах деревни наедине с высоконумерным заезжим начальством... Он знает себе цену, свое место в жизни. «Мы, Харитоша, сальные необходимые люди для Советской власти. Пахари мы. Опора, — наставляет он сына. — Я от роду хлебороб. И землю нашу, нормилицу, матери матерей, люблю, наверно, больше детей своих...»

В последних словах Кадушкина вся суть его крестьянской философии — и горделивость собой и невольное признание собственной классовой ограниченности, сословной слепоты.

Понимает Федот Федотыч своим трезвым, практическим умом необходимость, неизбежность социальных перемен на селе. «Оно, может, и к лучшему, соревнование пойдет, за добрым работником нерадивый потянется, — говорит он в минуту откровенности. — Ежели колхоз даст хороший пример, я, может, и плюну на свои загоны». Но сделать этот решавший шаг Кадушкин так и не смог: разумом признал, да сердце не принял. Старик трагически погибает, унося с собой в прошлое целую историческую полосу крестьянской действительности.

Человеком, сыгравшим роковую роль в жизни Федота Кадушкина и, собственно, в судьбе всего сибирского села Устойное, драматическим событиям в котором и посвящен роман, стал Борис Юрьевич Мошкин. Трагикомична фигура уполномоченного района, недалекого догматика. Мошкин из тех, кто «намастачились говорить пролетарскими лозунгами, опошлия их святую сущность». Аскет, обозленный на жизнь, он не знает, не понимает и оттого не видит крестьянина, вида в нем собственника, которого необходимо «под самый корень взять», чтобы он, живоглот проклятый, с песнями повез свой хлебушко на ссылку». К чему это привело, с горечью скажет в конце романа бывший председатель сельсовета Яков Умнов: «Именно мы, вот такие «обобществители», довели дело до того, что и обобществлять то стало нечего»...

Нет, не просто далаась устоинцам колхозная правда. Писатель, не сгущая красок, живопис-

сует перипетии острой, драматичной борьбы за новую, лучшую жизнь. Не обходит он и негативных явлений тех лет, известных в истории коллективизации как перегибы партийной линии, «головокружение от успехов»... В новом, дополненном издании романа находят завершение судьбы его героев, крестьян одного села. Акулов создает целую галерею живых, запоминающихся портретов. Тут и нищий философствующий «богов трезвеник» Титушкин и Влас Зимогор, который «пришел держать личным примером в труде показать путь и сытой жизни»... Удались Акулову и женские образы. Не скучится он на доброе слово и духовную теплоту для таких своих героинь, как мать Аркадия Оглоблина Катерина, вечная труженица, скоревшая от непосильной работы с именем сына на устах. Представительницы нового поколения женщины-крестьянки в романе выступает Мария Пригорелова. В начале повествования мы видим ее забитой, за ради куска хлеба работающей на своего благодетеля Кадушкина. Но постепенно, под влиянием перемен, происходящих в селе, она преображается, вовлекается в активную жизнь, становится ударницей... Реалистично, с долей таланта показаны и непростые взаимоотношения герони с Аркадием, обретение ими личного счастья.

Полвека минуло с поры описываемых событий. Иные задачи стоят перед современным селом. Но если потянутся за ниточку, то клубок пока не решенных проблем уведет и туда — в молодость наших отцов и дедов, в прошлое, когда засыпались первые узелки. Этим-то и интересен роман Ивана Акулова.

Иван ИСАЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ЗИМНИК

«Огонек» на БАМе

Юрий КОЗЛОВ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

...До сих пор жалею, что не удалось встретиться с Иваном Михайловичем Лыловым — старшим прорабом управления строительства «Бамстройпут». Это под его руководством пробивались два последних на БАМе зимника: в сторону Якутии — от Чары до Хани и в сторону Бурятии — от Чары до Витима. Я услышал о нем ночью в гостинице поселка Хани. Была первая по-настоящему морозная ночь на Читинском участке трассы. До середины декабря мороз здесь не опускался ниже двадцати градусов, что вызывало всеобщее недоумение и даже некоторое беспокойство, словно природа определенно замыслила против людей что-то коварное, а пока пыталась усыпить их бдительность. В первую морозную ночь столбы белого дыма над котельными вертикально поднимались в черное стеклянное небо и на концах увенчивались яркими звездами. Казалось, то теплится огромные свечи. А еще слышался ровный гул, урчала шеренга машин, выстроившаяся у теплотрассы напротив столовой. Застигнутые в дороге шофера ночевали прямо в кабинах, не глуши двигателей, чтобы утром не пришлось «кострить», то есть отогревать моторы огнем.

В гостинице не хватало тепла от батарей, и красные спирали рефлекторов произвольно изымали из темноты то углы кроватей, то чьи-то тупоносые унты со склоненными набок голенищами. Разговор неведомых собеседников поначалу раздосадовал, как и всякое ночное беспокойство, а потом заинтересовал. Сперва речь зашла о бульдозеристе, которому удивительно не везло на тяжелом импортном бульдозере «Камацу». То он проваливался в наледь, то валился под откос, то вдруг завис над пропастью. Даже в самых безобидных ситуациях — например, съезжая с платформы тягача «Ураган» — он ухитрялся подаваться куда-то вбок, так что бульдозер балансировал на одной гусенице, заставляя «на честном слове», а сам бульдозерист сидел в кабине ни жив ни мертв. Такие вот злые отношения сложились у него с «Камацем». Устав испытывать судьбу, он уже хотел уехать с БАМа, но тут кто-то посоветовал ему пересесть на легкий бульдозер. И действительно, сменил человек машину — как-то наладилось дело. Асом, конечно, не стал, но работает себе, а ведь еще недавно легенды о нем ходили... Потом вспомнили другого парня — бульдозериста, как говорится,

милостью божьей. Чудеса творил на работе, мог, если надо, трое суток не спать да и машину берег как зеницу ока. Всегда на ходу, всегда в идеальном состоянии. Уходил в отпуск — единственная была просьба: машину пожалеть, не доверять кому попало. Ну а тут, как водится, где-то прорыв, всю технику туда, кто там вспомнил о его бульдозере? Отношение к чужим машинам известно какое.. Вернулся парень — не узнал свою машину, будто черт на ней по преисподней катался. В общем, обиделся, уехал. Потеряли человека, и какого! Тот, первый, несколько машин сгубил, и ничего, работает. Этот, наоборот, свою единственную хотел сберечь, но...

И только под конец они вспомнили о Лылове, о том, как пробивались последние на БАМе зимники.

...Сквозь снег и наледи, сквозь дикую тайгу, сопки прорывается целый караван. Два тяжелых бульдозера, один впереди, другой чуть сзади на подчистке, потом машина с будкой, где можно обогреться, и топливозаправщик. Обычно идут человек десять — пятнадцать, то бывает и меньше. Смотря какой зимник. Они говорили об этом, как о работе обыкновенной, ну, быть может, чуть более хлопотливой и никакого героизма в пробивании зимника, конечно же, не видели. У каждого на память свои зимники. Какая-то даже затаянная грусть чувствовалась в их разговорах, хотя, казалось, им бы только радоваться, такие трудности позади! Но неожиданно и догадался, что это за грусть. Ведь зимники-то действительно последние! И Читинский участок БАМа — от Витима до Хани — последний, где нет пока еще рельсов. И станция Сильтян на этом участке последняя «белая точка» на магистрали, куда «сели» строители. Отныне на всех станциях БАМа, в разных, естественно, стадиях, ведутся работы, «белых точек» больше нет!

Именно здесь, на Читинском участке, в 1984 году сомкнется вся Байкало-Амурская магистраль. Эти триста тридцать километров, следовательно, тяжелы не только из-за рельефа местности, обилия рек, предстоящей пробивки уникального Кодарского туннеля. Они тяжелы еще и потому, что последствие. С одной стороны, остающиеся до стыковки два с лишним года потребуют немыслимого рывка, напряжения всех сил, а с другой — все в последний раз. А это неизбежно будет означать, что какой-то этап в жизни строителей останется позади, трудный, героический, но позади. Об этом, наверное, думали невидимые в ночи собеседники.

...Как заметит позже начальник 576-го СМП (строительно-монтажного поезда), обустраивающего поселок Хани, Альбин Алексеевич Нагибин, БАМ строит сборную команду страны. С ним трудно не согласиться. И дело здесь не только в кадрах. У каждого бамовского начальника за плечами по несколько крупных строек. География привлечения на БАМ рабочих тоже, как известно, широчайшая. Взять хотя бы Читинский участок. В Икабье работает строительно-монтажный поезд, укомплектованный бойцами украинского отряда

имени XXVI съезда КПСС. Здесь же находится и десант «Грузбамстроя», они построили знаменитую на всю трассу станцию Ния, теперь вот будут строить Икабью. Совсем недавно в Новую Чару прибыл большой отряд строителей из Казахстана — им строить город Удокан. Ожидают в этом году и строителей из Узбекистана... Но, думается, бамовская «сборная страны» — это еще и обобщенный за время строительства опыт. Прежде всего технический — бремя первое, что вспоминается: новые методы проходки на Северомурском туннеле, новшества в мостостроении — мост через Витим, даже в домостроении — жилье многоэтажные дома Шимановского комбината для районов с повышенной сейсмичностью, они уже стоят в Северобайкальске, Золотинке и в других городах магистрали. И опыт организационный — умение быстро перебросить силы с одного участка на другой, сокращение сроков строительства «времянки», то есть временных сооружений, способность наладить бесперебойное снабжение, готовность побыстрее перейти к капитальному строительству. Наконец, внимание к людям — стремление избежать бытовой неустроенности, сделать так, чтобы хватало детских садов, магазинов, библиотек... Все это фундамент, с которого, собственно, и растет здание магистрали. Временный поселок — первый этаж. Рельсы и капитальные сооружения — главное, ради чего затевается строительство. Но без временного поселка не будет рельсов и станции.

На Читинском участке как раз закладывался фундамент, а кое-где возводился первый этаж. Особенно отчетливо это было видно сверху, с вертолета. Трасса была лишь намечена редкими стежками на живую нитку. Среди заснеженных сопок, редколесья, дымящихся, словно облака, наледей пролегала чистая белая линия. Это и была будущая железная дорога. Кое-где шла отсыпка. «Магирусы», «КРАЗы» опорожняли кузова, бульдозеры разравнивали грунт. Зато когда подлетали к поселкам, жизнь заметно убыстрялась, сразу ощущалось: здесь скрещиваются все нити строительства. Чувство испытывалось при этом двойственное. С одной стороны, недавно виденную, едва прочерченную

сквозь белый снег линию хотелись элегически назвать последним бамовским зимником. Уже в этом году, восемнадцатого мая, в день открытия XIX съезда комсомола, рельсы должны прийти в Хани. С другой — пристальное взглядеться, как же идет обустройство, как вообще живется людям, оказывается ли выстраданный за годы строительства опыт, или же по-прежнему нет сил разрешить старые проблемы?

КАК СТРОИТЬ?

Если сравнить три виденных поселка — Новую Чару, Икабью, Хани, — то больше других радует глаз Хани. Расположенная в уютной выемке между горами на берегу озера, Хани красиво смотрится. И, что приятно, архитектурный облик поселка не нарушает гармонию природы. Однако можно ли полагать, что внешняя красота поселка — продуманная планировка, симпатичные двухэтажные коттеджи с острыми крышами, чтобы не задерживался снег, стремление «краснуть» и типовые, барабанного вида здания, придать им лица необщее выражение, — что все это отражает внутреннюю культуру строительства, то есть его темп, качество, четкость, степень нужности того или иного помещения? Оказывается, можно.

...Но вспоминаю, как вместе с Геннадием Кузьменко, парторгом СМП-578, базирующимся в Новой Чаре, мы стояли на вершине самой высокой окрестной сопки. Внизу сквозь лес и снег виднелись домики поселка. Вдали сверкали на солнце острые заснеженные вершины. Отсюда можно было наблюдать одну странную достопримечательность здешней природы — песчаную полосу, желтой змеей вытянувшуюся далеко внизу. Говорят, до сих пор нет объяснения этому клочку самой настоящей пустыни в Забайкалье. Сверху, безусловно, Новая Чара впечатляла больше, потому что внизу это был самый обычновенный притрассовый поселок, где можно встретить и приличные улицы и неприметные на вид скопления отслуживших свой срок вагончиков, обшарпанных, латанных-перелатанных, в которых тем не менее продолжают жить. Это вагончики серии АП, на БАМе их не без юмора называют «пушкинскими».

СМП-578 перебазировался сюда из Золотинки; на сегодняшний день его главные задачи: обеспечить жильем всех подрядчиков, построить объекты соцкультбыта, уложить под полотно водопропускные трубы. Сейчас в Новой Чаре живут примерно четыре с половиной

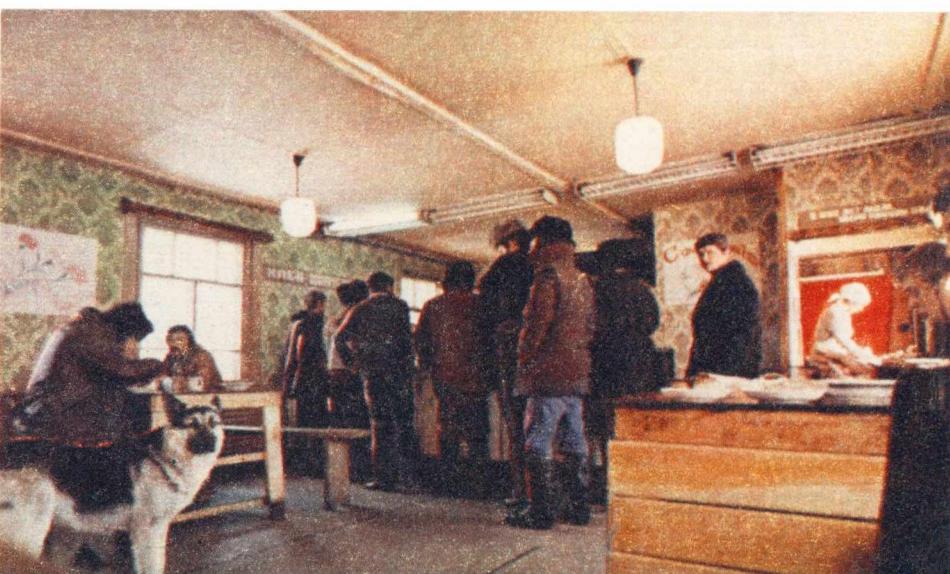
Утро в поселке Куанда.

НА РАЗВОРОТЕ В КЛАДКИ: Читинская область. Здесь, в районе Южно-Муйского хребта, пройдет трасса БАМа * Бросок через Витим. Мост строит отряд № 97 треста «Мостострой» № 9 * Мастер-мостостроитель Олег Ивашкин.

ной тысячи человек, однако же до сих пор СМП-578 не построил ни кинотеатра, ни клуба, ни спортивного зала. Не было в декабре и своего детского сада... Кузьменко объяснял это тем, что часть поезда осталась в Золотинке, что с июня по декабрь фактически не получали грузов. «Объективными» причинами объяснять можно что угодно, но, думается, большее уважение вызывают люди, которые вопреки этим «объективным» причинам делают дело, решают проблемы мерой собственной ответственности, если угодно, мерой боли за порученное задание, за других людей. В Новой Чаре в строительстве поселка как-то не чувствовалось хозяйствской руки, стремления придать поселку завершенный облик, а это не могло не вызывать в жителях соответственного настроения. Окружающий беспорядок исподволь накапливает раздражение, растерянность, что неизбежно приводит к апатии, равнодушию в работе.

Нечто схожее читалось в глазах ребят и девушек, стоявших в очереди в магазине в Икабье. Магазин помещался в вагончике, сквозь зарешеченное окно виднелось черное небо, завывал ветер, и мне подумалось, что культура строительства, красивые, удобные поселки — великое дело, потому что красота всегда рождает хорошие, добрые мысли. Здесь же, в этом низеньком магазинчике, или в Новой Чаре среди скопища «пушкинских» вагончиков особенно отчетливо ощущаешь, что ты слишком уж далеко от дома, слишком уж оторвался от привычной жизни...

До Хани добирались на машине по зимнику. Каждые несколько километров задерживались из-за наледей. Наледь — вырвавшаяся из-под льда, широко разлившаяся река. Замерзая, напоминает зеленое стекло. Свежая наледь дымится, деревья вокруг одеваются в иней, ветки словно фарфоровые.

СМП-576, которым руководит Альбин Алексеевич Нагибин, перебазировался сюда со станции Могот. С февраля прошлого года в Хани построили столовую, пекарню, детский сад, клуб, баню, универмаг, спортивный зал... Всего и не перечислишь. Кинозал, например, на триста мест. Амбулатория, какую не во всяком райцентре встретишь. И с жильем дело обстоит куда лучше, чем в Новой Чаре или Икабье. Все строения друг, на друга непохожи, добавили в стандартный дом партуройку нестандартных деталей, расположили их по-умному, и здание заиграло, стало необычным.

Альбин Нагибин — человек не простой судьбы, на БАМе давно. У него свое, выстраданное представление о том, как надо строить, и он готов отстаивать его перед любыми начальниками. Человек он временами резкий, я бы даже сказал, противоречивый, но все это от интереса к делу, стремления доказать, что его линия правильная.

— Задача поезда построить капитальную станцию, — сразу же заявил Нагибин, — а строительство временного поселка — неизбежное зло, которое необходимо преодолеть как можно скорее! Беда многих поездов — к «капиталке» они приступают с незаконченной «времянкой». В результате

кавардак, распыление сил, неразбериха. Я нашу главную задачу понимаю так: на момент прихода пути, на момент капитального строительства не иметь никаких проблем с «времянкой», то есть полностью закончить соцкультбыт и полностью обеспечить людей жильем! Чтобы ни один не думал, где ему жить, как!

Здесь я задумался вот о чем. Сделать так, чтобы люди во временно рабочее время жили красивой, полнокровной жизнью, — это долг руководителя. Ведь тогда с людьми и работать легче. В Икабье, например, ребята из украинского отряда жаловались на бытовую неудобность, на то, что вечером нечего заняться. И как-то само собой разговоры там частенько сводились к обидам на администрацию, к претензиям, к заработку. Заработка, желание обязательно привезти с БАМа последнюю модель «Жигулей» — ничего зазорного, естественно, в том нет, но это как-то заслоняло у ребят высоконую романтику, их созидающую мысль. Не у всех, конечно, у некоторых. В Хани же по-другому. И братья Валерий, Виктор, Владимир Ульяновы — плотники, приехавшие на БАМ из Витебска, и библиотекарь Валя Киреева, и многие другие — все испытывали гордость за свой поселок, ценили в своем труде именно элементы сооружения.

Не могла у нас с Нагибиным не зайти речь и о так называемом самострое, то есть когда те, кто нуждается в жилье, сами себе его строят или в свободное время, или по договоренности со своими бригадами. Нагибин начисто отрицал идею «самостроя».

— Во-первых, этот процесс не управляем, — сказал он, — во-вторых, он означает хаотичность застройки, бездарное использование площадей, ну, а в-третьих... воровство! Если не хватает тебе чего-то для собственного дома, то как удержаться, чтобы не пойти и не взять со стройки, где к тому же и охраны-то нет...

«Самостроя» в Хани противопоставили четкость самого процесса строительства. И если говорили: к такому-то числу будет построен детский сад, а сразу после него жилой дом, то так и выходило. Люди поверили, что все обещанное выполняется, и только поэтому удалось обойтись без «самостроя».

Еще одна интересная особенность. Хани — поселок, где пока нет своей милиции. И нарушенный правопорядок здесь не был!

Самый мучительный для строительно-монтажного поезда процесс — переход с «времянки» на «капиталку». В Хани к нему готовятся загодя. В феврале закончили передислокацию, а третьего июля заложили в фундамент одного из капитальных сооружений первый куб бетона. Можно сказать, самим еще негде жить, а уже думают о «капиталке»!

— Строительство «времянки» — это в какой-то степени дисвалификация, потеря навыков, — говорил Нагибин. — Ребята как бы забывают, что существует арматура, бетон... Обычно, когда пора переходить на «капиталку», бригады приходится переформировывать. Надо все время напоминать

людям: скоро начнется настоящее строительство, главное! Поэтому быть в состоянии боевой готовности, перейти на капиталку плавно, без авралов, нервотрепки и срывов, полностью завершив временный поселок, — я так понимаю задачу поезда.

КАК РУКОВОДИТЬ?

В Икабье сейчас находится десант «Грузбамстроя», двенадцать человек. Они строят жилье для своего СМП, который начал передислокацию в этом году. За несколько месяцев двенадцать человек почти построили целый поселок. В Нии было объявлено соревнование за право попасть в десант, в Икабью, — таким образом, приехали лучшие. Гурам Чакветадзе, Гоча Цуриашвили, Автандил Ломидзе и остальные «десантники» прекрасно знают свое дело. И не нуждаются в особенной опеке. Их мысли направлены на то, как сделать лучше, — следовательно, ими легко руководить.

Но так бывает не всегда. И подчинить весь коллектив одной идеи, чтобы как можно лучше и самостоятельно делал свое дело, — это требует немалого труда. Вспоминаю оперативку, которую вел Нагибин, его нудный, один и тот же вопрос к бригадам, начальникам служб: «К какому числу вы сделаете то-то и то-то? Что вам для этого необходимо?» Нагибин не успокаивался, пока сквозь частокол лишних слов, упреков, ссылок на всевозможные мешающие обстоятельства не слышал четкого, конкретного ответа. Ответ заносился в книжечку, и теперь невыполнение строго каралось.

— Мне самому противен этот изнуряющий контроль, — признался как-то Нагибин, — но куда от него денешься? Раз не проверишь, в другой раз не станет человек выполнять.

Я давно обратил внимание на то, что характеры у людей как бы разного уровня. Вот Нагибин — во все стремится вникнуть сам, только и живет заботами поезда, ему на несколько дней уехать на совещание и то в тягость, нет желания расставаться с любимой работой. Одним словом, сильный человек. И сила эта как бы передается другим, и они как бы подтягиваются к Нагибину, незаметно воспитывая в себе аналогичное отношение к делу. Но сказать, что сильного руководителя обязательно окружают сильные помощники, и наоборот, — значит упростить. Сильный руководитель должен воспитать сильных помощников. А Нагибин, как мне показалось, иногда подавляет. Правда, лишь в тех случаях, когда уверен в своей правоте, в том, что лучше знает, как надо. По-видимому, настоящее воспитание предполагает не только давление и контроль, но что-то еще, может быть, человеческую заинтересованность? На этой же оперативке Нагибин сетовал на двух своих бывших работников: они перешли в другую, смежную организацию и сразу же что-то и скому не выполнили, подвели поезд.

— Что такое? — сокрушался Нагибин. — У нас работали — очень были исполнительными товарищами, ушли — сразу изменились.

Что ж, значит, не сумел воспитать, значит, они такими и были, просто боялись Нагибина, а теперь-то на новом месте чего им бояться?

Нагибин стоит за жесткую дисциплину. Я вспоминаю, как в Икабье, когда мы беседовали с Владимиром Тищенко, секретарем комитета комсомола СМП-696, сформированного из украинского

отряда, к нам ворвался бородатый паренек и устроил скандал. Комнату ему дали вместе с двумя товарищами, на троих. Теперь те выпали к себе жен и детей, и все живут в одной комнате! Получается на семерых! Как ему быть? Он, между прочим, тоже женатый... И Тищенко и другие бывшие отрядные руководители — ныне бригадиры СМП — молчали, потому что некоторые из них тоже вызвали семьи.

— Когда принимаю человека, — сказал по этому поводу Нагибин, — знакомлю с условиями труда, в том числе и с пунктом, где говорится, что он воздержится вызывать семью, пока не получит отдельное жилье. Получит — ради бога, пусть приезжают. Жестоко? Неправильно? Да, но зато никаких склок — к тебе, мол, приехала жена, а моей нельзя, да? И потом, где селить? Выгонять, что ли, кого-то?

Думается, здесь нет готовых рецептов. Есть лишь противоречие. С одной стороны, БАМ должен стать промышленной зоной, и люди понадобятся здесь очень скоро. С другой — ни один СМП не имеет возможности принять семьи своих рабочих. Люди, таким образом, не могут надолго закрепиться на БАМе. А пока придется констатировать, что каждый руководитель решает «женский вопрос» по-своему.

И все-таки дело у Нагибина поставлено лучше, чем в других поездах. Так получилось, что мы попали на БАМ во время небольшого «энергетического кризиса». Топливо — бензин и солярка — имелось, но не повсеместно. Поэтому приходилось маневрировать, перераспределять. Ведь организаций-то много, и у каждой своя заправка. Я и хочу сравнить две заправки: в Хани и в Новой Чаре.

В Хани старшей на заправке была миниатюрная черноволосая Валя. Она сказала, что одежду покупает себе в «Детском мире», вот только теплых рукавиц никак не может купить, а которые выдают — те велики. В будке у Вали было тепло, заправка осуществлялась автоматически, Валя только нажимала кнопки. Топливо кончилось, и Валя вполне могла отправиться домой, однако она несколько часов потратила, чтобы где-то «перезанять» два заправщика, перегнать их на свою станцию, лишь бы только заправка не остановилась. Она так искренне переживала, что нет топлива, словно это произошло по ее вине. Валя подогнала два заправщика, но на ее беду, мимо проезжал заместитель управляющего «Бамстройпутем» Георгий Михайлович Ильяш, который взял да и отправил один из заправщиков куда-то очень далеко, за сотню километров. Ему бы самому позаботиться, чтобы не простоявшая заправка, но он распорядился иначе...

В Новой Чаре на заправке командовала тоже молодая женщина, но в отличие от Вали раздражительная и неприветливая. Это отчасти объяснялось тем, что помещение, где она сидела, не отапливалось, никакой автоматики, естественно, не было, даже много ли топлива в бочках, она не знала, потому что бочки высоченные, а лестницу, чтобы подняться, заглянуть, не было... Не было на заправке и света, и как только темнело, работу прекращали. Ночью заправка не охранялась, и шо-

В поселке Новая Чара встречают монтажников поезда «КазБАМстрой» * Магазин поселка Витим * Строители из Грузии Гоча Цуриашвили и Павел Киртадзе будут возводить станцию Икабье * Геолог Удоканская партии Л. Столярова, начальник партии Ф. Еникеев, начальник отряда А. Беляков анализируют результаты бурения скважин * Столовая в поселке Витим.

феры, которым днем говорили, что бензина нет, ночью сами привозили искать его в бочках. То есть воровать. Такова была обстановка, и молодая женщина почти плакала: «Ну как работать? Холод, света нет! И смотреть на шофера не хочется! Нет, говоришь, бензина, а потом вспомнишь, вроде есть, ну и черт с ним, думаешь, мне плохо, и он пустяк помучается, поишет бензин!»

...В Хани я пересказал Нагибину услышанную историю про бульдозера. Как бы он поступил?

— Конечно бы, не доверил бульдозеру неумехе! — сразу ответил Нагибин. — Прорыв — это такая дыра, такая неразбериха, что один бульдозер ничего не решает. А талантливый бульдозерист мне потом в сто раз больше пользы принесет! А неумеху бы уволил, не дожидаясь, пока он машину угрохит.

КАК ОХРАНЯТЬ ПРИРОДУ?

Бамовцы — люди несентиментальные. Чтобы построить поселок, уложить рельсы, необходимо буквально драться с природой. Природа здесь — трудность, которую надо преодолеть. Ежедневно, ежечасно люди совершают неизбежное насилие над природой. От кого-то я услышал, что отношение к природе меняется по мере удаления от нее, особенно, мол, хорошо любить ее и сожалеть о ней в теплой квартире, в городе. Вот и Георгий Михайлович Ильяш рассказал, как летом бульдозер перевезал какой-то ручей, никто и не заметил, а ручей, как выяснилось, питал водой чуть ли не сто озер.

— Надо же! — воскликнул он. — Сто озер! — И было не понять, просто он удивлялся или все-таки гневается. Точно с такой же интонацией говорил он и о том, что если в ближайшее время не начнут разработку угольного месторождения, а оно под боком, то знаменитую чарскую реликтовую зону сожгут на дрова...

Действительно, природа здесь не всегда приветлива к людям. Взять шестидесятиградусные морозы, или наледи, или знаменитый Чертов перевал, на вершине которого установлен щит: «Проехал без бусира» — за прошлый год только пять шофёров на нем расписались... Но душа человеческая все равно не должна очерстветь, живую жизнь необходимо беречь в любых обстоятельствах. Поэтому меня очень обрадовало, когда на одном из совещаний в «Бамстройпуте» было сказано, что в редакцию газеты «БАМ» пришло письмо, подписанное десятью рабочими, где говорилось, что в чистое озеро сбрасываются отходы и сливаются сточные воды поселка. Они писали, что надо сохранить это озеро, потому что не мы его создали и не нам, следовательно, его уничтожать. Это был иной, не равнодушно-констатирующий подход, и чем шире он распространится на БАМе, тем больше шансов сберечь там неповторимую природу.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В КОНЦЕ

Читинский участок БАМа сейчас ответственный. Чтобы здесь пошли поезда, необходимо отсыпать пятьдесят миллионов кубометров грунта, проложить триста пятьдесят километров автодорог, соорудить двести восемьдесят четыре железнодорожных моста и двести водопропускных труб, пробить Кодарский туннель длиной в 2,3 километра, возвести шесть станций, двенадцать разъездов. Таков последний бамовский зимник. Недра Читинского севера — богатейшая кладовая полезных ископаемых. Здесь открыты: Удоканское месторождение меди, Апсатское угольное, Сулуматское железное, большое количество комплексных месторождений. «Взять» их можно будет только после того, как сюда придут рельсы. Уложить рельсы — ближайшая задача бамовцев. Думая о грандиозности предстоящих свершений, веришь, что и каждый отдельный человек на БАМе будет различим с высоты великих целей. Ведь чем масштабнее задача, тем пристальнее должно быть внимание к тем, кто ее выполняет. Заметки эти — лишь небольшие зарисовки с огромного, многосложного полотна, именуемого БАМом.

Гете. Рисунок первом Г. Рейнгерна. 1830 г

В СТРЕЧА

ляются книги Гете и книги о Гете. Их более тысячи. Вот одна из них — прижизненное издание 1790 года.

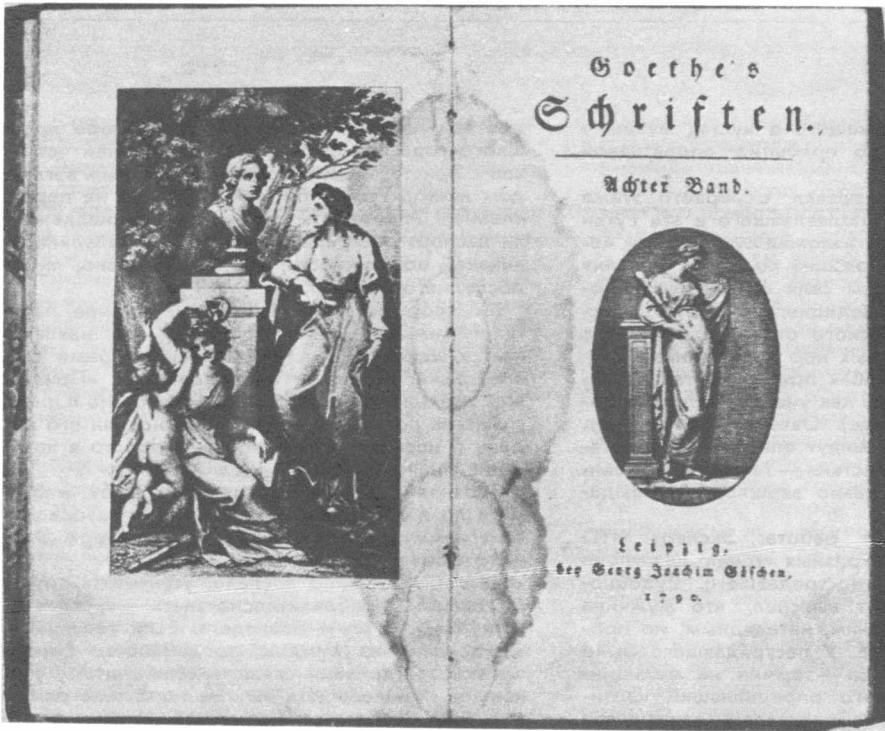
— Перелистывая каталог Веймарского национального музея, я обратил внимание на воспроизведенный здесь титульный лист этой книги, — говорит собиратель. — Разница в том, что обозначенная на моем экземпляре дата выпуска на год разнится с датой на книге, хранящейся в Веймаре. Мне думается, что когда очередные тома стали быстро продаваться, издатели решили повторить типаж.

Книги на полках, в шкафах, на столе — повсюду. Вот уникальное по охвату гетеевского наследия 44-томное лейпцигское издание, а вот первое русское собрание сочинений Гете 1878 года. Здесь и прекрасное издание «Разговоров с Гете» Эккермана, вышедшее в

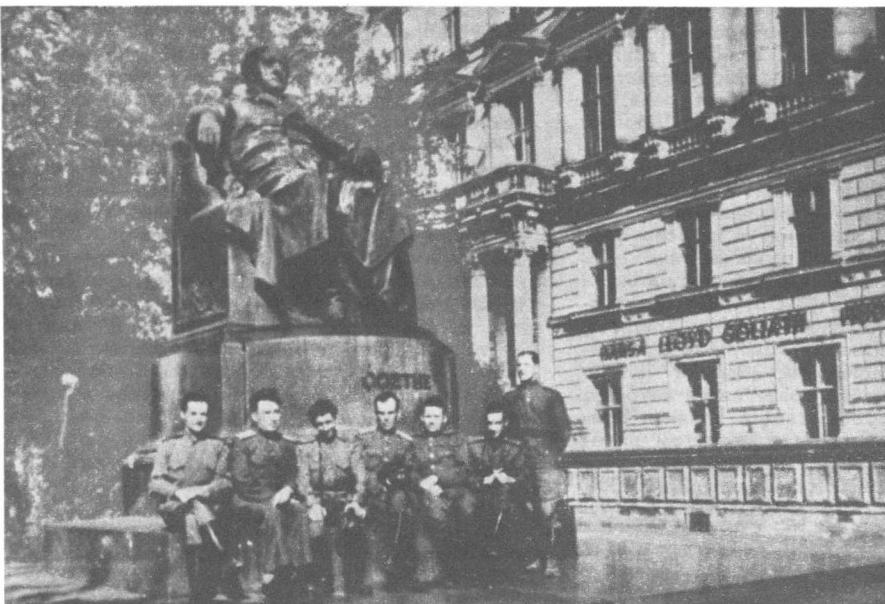
Леонида Ильича Брежнева в ФРГ, фильм о «гетениане» московского физика показывали по западно-немецкому телевидению. Возможно, что в скором времени этот фильм увидят и советские телезрители. Ведь и зрителей и читателей в этом году, объявленном ЮНЕСКО годом Гете, ждут новые встречи с великим немецким поэтом.

Много редких вещей в музее Марочкина. Но один экспонат очень символичен. Это фотография группы советских офицеров, запечатленных на фоне памятника великому немцу 9 мая 1945 года. К Вильяму Николаевичу фотография попала от одного из этих офицеров. В день победы над фашистской Германией советские солдаты-победители пришли сюда на встречу с Гете.

Феликс МЕДВЕДЕВ
Фото А. КОЗЬМИНА

Восьмой том прижизненного издания собрания сочинений поэта.

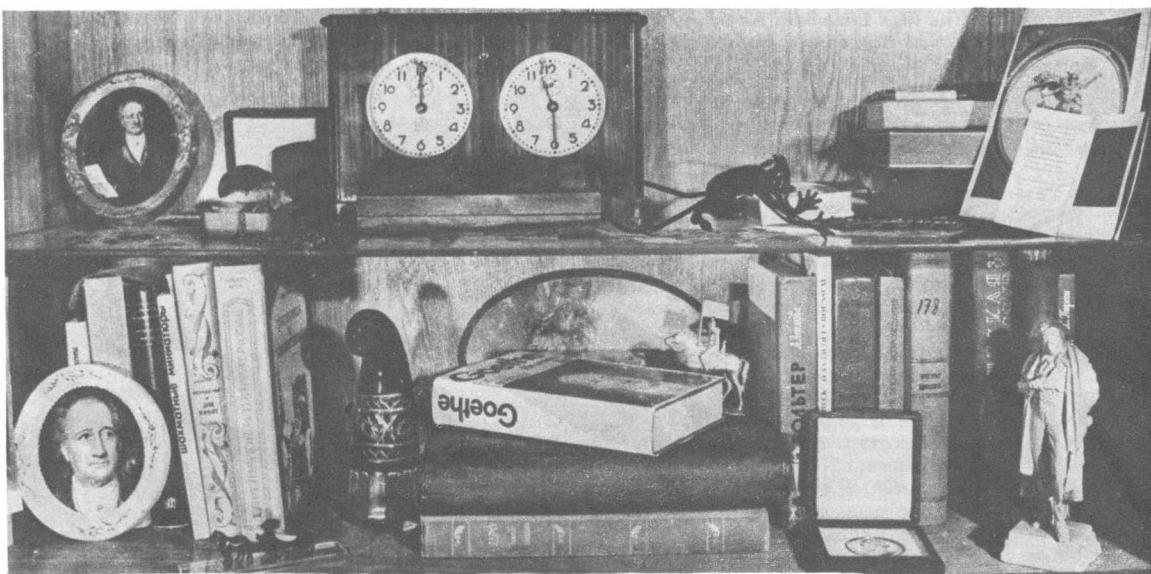

Советские офицеры у памятника Гете в Вене.

Часть гетевского собрания В. Марочкина.

И С Г Е Т Е

В этой витрине все имеет отношение к Гете. Даже часы, на одном циферблате которых стрелки показывают час рождения писателя, на другом — час смерти. Здесь и портреты Гете, его книги и книги авторов, которыми он зачитывался, шахматы — игра, любимая им с юности, другие реликвии.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ.

ГЛАВА I

ИМЯ ПОСТРАДАВШЕГО НЕИЗВЕСТНО

На рассвете 21 июля 197... года служба 02 Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома работала без напряжения, хотя была суббота, а по субботам, как известно, количество происшествий возрастает сравнимо с будними днями.

Первое серьезное сообщение поступило в четыре часа двадцать восемь минут. Звонил, судя по голосу, молодой человек. Скороговоркой, немного волнуясь, он рассказал, что в кустах на бульваре генерала Карбышева лежит мужчина с разбитой головой; кажется, не дышит. Рядом валяется чемодан. Звонивший не назвал своей фамилии, сказал о себе — «ранняя пташка» и повесил трубку.

Дальше все шло быстро и четко, в соответствии с порядком, неоднократно описанным в книгах и показанным в кино.

Дежурный, немолодой уже полковник, связался по радио с ПМГ — подвижной милиционской группой, патрулировавшей на автомобиле квадрат, куда входил бульвар Карбышева, при-

казал разыскать лежащего в кустах мужчину и оставаться там до прибытия оперативной группы.

Затем полковник вызвал с первого этажа инспектора МУРа, возглавлявшего эти сутки оперативную группу, изложил суть дела, и через три минуты в стоявший во дворе «рафик» вместе с инспектором сели следователь прокуратуры, судебно-медицинский эксперт, эксперт научно-технического отдела и кинолог с овчаркой (с некоторых пор проводникам служебно-розыскных собак присвоили такое звание, звучавшее прямо как ученое, на что, впрочем, они не в обиде). Овчарку звали Кинг.

Через пятнадцать минут опергруппа приехала на место происшествия — там уже был экипаж ПМГ. Солнце давно взошло, утро выдалось ясное.

Началась обычная работа. Эксперт НТО сфотографировал с разных точек лежавшее среди кустов тело пострадавшего. Судебно-медицинский эксперт выяснил, что мужчина жив: пульс был слабым, нитевидным, но прощупывался явственно. У пострадавшего было всмятку разбито лицо — термин не медицинский, но лучше всего определявший картину: на месте лица образовалась запекшаяся кровавая лепешка, так что ни о каких чертах, по которым можно было бы узнать человека, не приходилось и говорить; нос был просто раскрошен и вдавлен — подробность натуралистическая, но что поделаешь, если при составлении протокола врач обязан придерживаться суగубой натуралистичности? Другая рана, на затылке, была еще серьезнее: череп пробит, вероятно, с кровоизлиянием в мозг. Хотя дыхание пострадавшего еле ощущалось, врач сумел определить, что в момент происшествия он находился в состоянии опьянения. Что касается времени происшествия, то по всем признакам оно произошло не менее как пять часов назад, то есть между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи. Орудием преступления послужил тяжелый плоский предмет.

Пока по рации вызывали «Скорую» с реанимационным оборудованием, кинолог пустил в работу Кинга. Ищейка сразу взяла какой-то след и повела за собою своего хозяина прямолинейно и скоро, на туго натянутом длинном поводке — к проспекту Жукова.

Осмотр места происшествия дал инспектору МУРа и дежурному следователю прокуратуры не очень-то много.

Пострадавшего ударили не там, где он лежал — об этом говорили две отчетливые полосы, видные в траве и начинавшиеся у пешеходной дорожки, пересекавшей бульвар — след волочения. Никаких камней и других тяжелых предметов, которые могли бы послужить орудием преступления, вокруг не обнаружили, признаков борьбы — тоже.

Пострадавший одет в новый костюм неопределенного (булыжно-болотного, как подметил эксперт НТО) цвета, производства московской фабрики. Во внутреннем кармане пиджака лежал паспорт на имя Балакина Александра Ивановича, 1922 года рождения, уроженца города Воронежа. Прописан в городе П. Паспорт вы-

дан там же совсем недавно, в декабре прошлого года. На фотографии изображен человек с пристальным и довольно мрачным взглядом из-под густых бровей. Карточка не переклеена. Определить на месте, принадлежит ли паспорт пострадавшему, не представлялось никакой возможности, ибо, как сказано, лицо последнего разбито.

В паспорт вложена телеграмма, вернее, пол-телеграммы. Верхняя половина, где наклеивается адрес получателя, адрес и время отправления, оторвана. Текст короткий: «Приезжай дважды надо срочно поговорить Юра».

Листок потертый, — видно, что носили его не день и носили не в паспорте, а просто в кармане, иначе бы он не засалился.

Верхняя половина оторвана по сгибу, и бумага по линии разрыва лохматится. Разорвали телеграмму пополам не далее как вчера. Это ясно и без экспертизы.

Кем и куда было послано, установить трудно. Если бы приблизительно знать — «когда» и «коткуда»... А так — безнадега. Если телеграмма послана из Москвы, то в Москве более шестисот отделений связи, а если считать, что каждое посыпает хотя бы пятьдесят телеграмм в сутки — получается тридцать тысяч. А за сколько суток проверять?.. Нет, конечно, тут ничего невозможного нет, но кто же у гражданина телеграммы принимать будет, если все станут ворошить старые послания?

Инспектор МУРа и следователь, разглядев обрывок телеграммы, понимающе переглянулись. Свежая линия разрыва наводила на кое-какие мысли... Да и содержание тоже.

Из другого кармана у пострадавшего извлекли носовой платок не первой свежести, белый в синюю клетку, из третьего — несколько двухкопеечных монет и бумажный рубль. И больше ничего в карманах не было.

В стареньком сером фибрковом чемоданчике лежало чистое неглаженое нижнее белье — трусы и майки-безрукавки, две верхние гладкие белые рубахи, такие же, как и надетая на пострадавшем, мохнатое полотенце, несколько чистых носовых платков и целлофановый мешочек с безопасной бритвой и бритвенными принадлежностями.

Похоже, человек или собрался куда-то из Москвы, или приехал в Москву ненадолго.

— Виктор, будь другом: пальчики, — сказал эксперту НТО инспектор.

Тот присел на траву, открыл чемоданчик, взял у пострадавшего отпечатки пальцев.

Прибыла «Скорая». Ее врач и судебно-медицинский эксперт коротко посовещались, раненого осторожно подняли, уложили в машину, и «Скорая» умчалась в сторону Ленинградского проспекта.

Меж тем вернулся кинолог со своим Кингом.

— Ну что? — спросил инспектор МУРа.

— Привел к ресторану «Серебряный бор», Александр Александрович, уверенно привел.

— Думаешь, это его след? — Инспектор кивнул на примятую траву, где минуту назад лежал пострадавший.

— Скорей всего.

— Ладно, поработай еще.

Мы и Червей

Кинг взял другой след и опять повел на проспект маршала Жукова.

Дежурный следователь начал составлять протокол осмотра места происшествия.

В половине седьмого опергруппа вернулась на Петровку, вернее, в 3-й Колобовский переулок, где находится дежурная часть ГУВД Мосторгисполкома. Кингу ничего больше распутать не удалось: слишком было натоптано на бульваре генерала Карбышева. Но он и без того дал примечательную нитку: если окажется, что след с бульвара, приведший к ресторану «Серебряный бор», принадлежит пострадавшему,— это уже кое-что.

Старший инспектор Московского угроизиска майор Алексей Николаевич Басков поступил в МУР семь лет назад, и путь его был в некотором смысле типичным. После службы в армии, в ракетных войсках—спецшкола милиции. Потом работал инспектором угроизиска в районном отделении, учился на юридическом факультете МГУ. Окончил—взяли в МУР.

За прошедшие годы ему пришлось расследовать разные преступления, и, надо полагать, спрятался он неплохо, если через пять лет ему стали поручать самые сложные дела.

Не будем лукавить и рисовать идеальный портрет сыщика, который в свободное время ездит на этюды и создает прекрасные пейзажи маслом, играет на фортепиано, саксофоне и арфе, имеет абонемент в Большой зал консерватории, первый разряд по шахматам, свободно изъясняется по-английски, по-французски и на языке сухими, любит собак, кошек, всех четвероногих вообще и каждую весну собственноручно вешает на старой березе возле дома скворечник, не пьет, не курит, не... Однако остановимся и скажем: все это великолепно, но не попахивает ли прямо-таки апостольской святыней? И не заявляет ли букет живых цветов на столе, когда в комнату войдет такая устрашающе добродетельная личность? И как, простите, при таких изящных затратах да еще работать в уголовном розыске?

У Алексея Баскова есть увлечения: он любит читать—классику и современные детективы—and смотреть хоккей, но, если бывает возможность, не по телевизору, а с трибуны Дворца спорта в Лужниках, куда берет с собою сына Сашку, первоклассника. Басков курит, предпочитая сигареты «Ява» московской фабрики «Ява»; он и выпить может по достойному поводу, предпочтита водку, но в меру, конечно, в меру. Короче: как принято выражаться в подобных случаях, ничто человеческое ему не чуждо. А более всего он любит своего сына, жену Марию, которая работает инженером-экономистом, и свою работу.

Баскову тридцать восемь лет. Он среднего роста, крепко сложен, вполне здоров и обладает одним из иконописных данных идеально-го сыщика образа—у него первый разряд по борьбе дзюдо. В жизни он придерживается правила, сформулированного кем-то из великих писателей (Басков не помнит, кем именно): предполагай, что хочешь, но верь только опыту.

Профессия выработала в Баскове умение не спешить с выводами и не полагаться на субъективное впечатление. Соприкосновение с носителями людских пороков несколько поубавило его природный оптимизм, но не испортило добродушного характера.

Таков в самых общих чертах человек, которому поручили дознание по происшествию, случившемуся на бульваре Карбышева. И еще надо сказать, что он научился с иронией смотреть на многие стороны бытия и обрел способность почти ничему не удивляться. Но это не имело ничего общего с той притворной, показной манерой лениво, как бы между прочим щеголять невозмутимостью и всезнанием перед неразвитыми, но убийственно опытными и рано состарившимися девочками, той манерой, которой помечены нагловатые молокососы из некоторых—нетипичных, конечно!—семей, где отприскам еще при их появлении на свет обеспечены дача с финской баней, автомобиль «Жигули», фирменные штаны «ливайс» и шапка из рыси (если отприск капризно откажется от норковой шапки и даже от шапки Мономаха), не говоря уж о твердых гарантиях насчет поступления в любой из гуманитарных вузов...

К двенадцати часам дня Басков располагал ценных сведениями.

Во-первых, по представлению УВД из города П. еще 28 мая Балакин объявлен во всесоюзный розыск—он подозревается в крупном ограблении (вкупе с неким Петровым Михаилом Степановичем).

Во-вторых, Александр Иванович Балакин, чей паспорт обнаружили в кармане у потерпевшего, не кто иной, как вор-рецидивист редкой по нынешним временам специальности: он вскрывал сейфы, точнее, небольшие несгораемые ящики, и всегда выбирал мелкие объекты, вроде колхозных или совхозных бухгалтерий, райпотребсоюзов и т. п. Первая судимость—в 1940 году, последняя, шестая, в 1969-м. Отбывал наказание в колонии строгого режима на Северном Урале. Освобожден в ноябре прошлого года (как узнает Басков позже из полученной из города П. справки, вел себя Балакин хорошо, сам выходил на работу и заставлял выходить всех, кто жил в бараке, который Балакин «держал»). Несколько раз менял фамилии. Кличка—Брысь. Между прочим, последнюю кражу, за которую его судили, совершил он в Московской области и задержали его сотрудники областного угроизиска,—значит, на улице Белинского должно быть дело на Балакина.

Басков позвонил в Управление внутренних дел Мособлисполкома, договорился, предупредил секретаршу отдела, что часа через два придет с улицы Белинского пакет. А потом послал по телетайпу запрос в город П., чтобы сообщили подробности, связанные с ограблением совхозной кассы и с пребыванием Балакина в городе.

В-третьих, точно установлено, что потерпевший—не Балакин. В картотеке имелись отпечатки пальцев Балакина. Дактилоскопическая экспертиза, сравнившая отпечатки, взятые у потерпевшего, с балакинскими,—не гаданье по руке, а неопровергимый научный факт.

Получив эти данные, Басков понял, что ему предстоит распутывать сложное дело, можно сказать, из ряда вон. Почему?

Он рассуждал так. Исходная посылка: у неизвестного гражданина находят паспорт рецидивиста. Характер ран показывает, что: а) нападавший покушался на убийство и б) при этом хотел обезобразить лицо своей жертвы настолько, чтобы его невозможно было распознать. Если выдвинуть предположение, что это сделал Балакин, оно тут же разбивается о вряд ли подлежащий сомнению довод: у матерого вора по кличке Брысь, которого несчетно раз фотографировали анфас и в профиль на белом фоне и у которого столько же раз брали отпечатки пальцев и ладоней, хватит ума сообразить, что попытка выдать за себя кого бы то ни было путем подмены паспорта обречена на провал. Басков отлично знал, что вор, подобный Брысю, скорее позволил бы какому-нибудь фраеру плюнуть себе в физиономию,

чем пойти на такой убогий фраерский прием.

Нет, Басков не мог поверить, что нападал Балакин. И что кто-нибудь другой, но по его наущению—тоже маловероятно, и по той же причине.

Но тогда—кто? Безусловно одно: только тот, кто каким-то образом заполучил паспорт Балакина.

В таком случае преступник, если он намеревался с помощью чужого паспорта направить следствие по ложному пути,—малоопытный индивидуум, не знакомый с возможностями уголовного розыска.

Это обязывающий вывод. Но не обязательно верный. Нельзя исключать, что тут все-таки петляет сам Балакин...

Майор Басков не был педантом, но в некоторых определенных ситуациях строго придерживался предписанной формы. Положив перед собой блокнот, он принялся составлять план следственных действий.

За этим занятием и застал майора Марат Шилов, стажер, проходивший у него практику. Шилов вернулся из больницы, где в нейрохирургическом отделении пострадавшему сделали операцию на черепе. «Склели, как разбитую чашку»,—сказал излишне взволнованный Марат. Он привез окончательное заключение медицинской экспертизы, самый печальный пункт которого констатировал, что ранение затылочной части вызвало кровоизлияние в мозг с поражением жизненно важных центров и полным паралича. Прогноз неутешительный.

В заключении говорилось, что неизвестному примерно пятьдесят пять—пятьдесят восемь лет от роду. Из особых примет: осколочное ранение правого бедра с повреждением кости и зажившим остеомиелитом, вероятно, полученное во время войны; на левом запястье, с внешней стороны—бледно-синяя татуировка в виде черепахи.

— Пусть сфотографируют черепаху,—не поднимая глаз от бумаги, сказал Басков.

Марат кинулся к двери.

— Подожди,—остановил его майор.—Сядь.

Марат сел к низкому столику.

Дочитав заключение медиков, Басков сказал ворчливо:

— Не бегай. Ты не на палубе военного корабля. Слушай.—Басков закурил.—Скажешь в лаборатории о черепахе, а потом вот что...—Басков протянул ему паспорт Балакина.—Попроси быстренько сделать с этого карточки покрупнее, девять на двенадцать, пусть дадут штучки три посторонних портретов, ну, сам понимаешь, для опознания... Поедешь в ресторан «Серебряный бор», возьмешь адреса официанток вчерашней смены... И буфетчицы тоже... Разыщи всех, предъяви карточки... Может, признают этого.

Шилов вскочил.

— Не суетись,—осадил его Басков, выкладывая на стол из серого фиброго чехола белье.—Захвати чемодан, покажи... Не вспомнят ли вчерашнего посетителя с таким сереньким... Если там гардероб летом не работает, сдавать ручную кладь некуда, в зал несут...

Марат Шилов, взяв чехолчик и паспорт, покинул кабинет—все-таки почти бегом,—а Басков позвонил дежурному по райотделу милиции Ворошиловского района и попросил его передать настоятельную просьбу начальнику угроизиска, чтобы срочно связался с ним, Басковым. И правила и простой здравый смысл требовали, чтобы районные его товарищи подключились к расследованию и проверили, не замешаны ли тут местные, обитающие на территории района лица, сомнительные по части уголовной. Начальник районного угроизиска позвонил через несколько минут. Басков подробно изложил ему все, что было известно о происшествии на бульваре Карбышева, и они условились о контактах.

Теперь оставалось составить телеграмму. К сожалению, о неизвестном пострадавшем можно было сказать только, что это мужчина 55—58 лет, особые приметы—татуировка в виде черепахи (просьба сообщить, не было ли заявлений об исчезновении мужчин этого возра-

ста). О рецидивисте Балакине Александре Ивановиче все известно, кроме его нынешнего места пребывания. Надо объявить розыск в связи с новым делом.

Телеграмма эта еще до часу дня будет получена в отделах и управлениях внутренних дел, где стоят телетайпы, то есть в сотнях городов Советского Союза. Оттуда ее передадут по иным каналам в малые города, городки, поселки, и уже сегодня к вечеру в дело включится милиция всей страны. Когда Басков представлял себе, как срабатывает этот механизм, у него появлялось такое чувство, словно он обладает сверхъестественной способностью, не покидая собственного кабинета, окунуть руку в студеную воду Берингова пролива.

Отослав перепечатанную и подписанную телеграмму в телеграфный зал, Басков собирался спуститься в буфет, пожевать чего-нибудь, потому что утром, уезжая из дома, ничего не поел, не хотелось. Но тут явился курьер с улицы Белинского, из областного УВД. Басков расписался в получении дела Балакина, поблагодарил курьера, раскрыл папку, начал читать подшивные бумаги и скоро забыл о том, что проголодался.

Из протокольных записей даже при небольшом воображении можно было выстроить всю судьбу вора Балакина, такую злую и крученую, что хватило бы и на роман и на сотню кошмарных снов, от которых заходит сердце. Но Баскова особенно поразила одна ничтожная деталь — ничтожная при любой иной комбинации, но не при той, что выпала ему сейчас.

В деле среди особых примет имелось скрупулезное описание татуировок. Балакин-Брысь носил на своей коже портативную картинную галерею и целый свод прописных воровских истин, ни одну из которых составители катехизиса ни за что на свете не рискнули бы занести в свое сочинение. Басков буквально застыл, наткнувшись в этом пространном каталоге на черепаху. За всю свою практику он впервые встретился с такой наколкой сегодня, час назад, когда читал принесенное Маратом Шиловым медицинское заключение о неизвестном пострадавшем. И вот — вторая черепаха. Каждый бы подумал, что это неспроста, что не случайно сползлись эти два симпатичных пресмыкающихся на бульваре Карбышева.

Басков, разумеется, не верил ни в бога, ни в черта, хотя его любимой клятвой, когда приходилось в чем-нибудь поклясться, была божба, перенятая им еще в юности у отца друга, старого матроса, звучавшая странно для убежденного материалиста, если не считать двух ее последних слов: в горб, в гроб, в гардероб, в Христа-спасителя, в его веру и в метрополитические меры. Но теперь он задумался.

Подобно тому как человеку, долго бредущему в густом тумане, начинают мерещиться в клубящихся белых космах очертания знакомого дома или дерева, так Баскова начинало охватывать ощущение, что над этими двумя черепахами клубится некая давняя тайна, скрытая от его глаз, но будто бы чем-то ему знакомая. Он попробовал себя охладить: мол, начитался ты Эдгара По, подсознательно возник золотой жук — вот и никакого тумана, простейшая логическая цепочка. Но опять задумался, и голубые черепахи, вытатуированные на руках у двух разных людей, представились ему путеводным знаком, в который он должен верить...

— Мистика какая-то, — сказал он вслух самому себе, что случалось с ним не часто, положил папку в сейф и вышел из кабинета. Черепахи черепахами, а поесть все же надо...

Вернувшись, он снова взял дело Балакина. Но не успел еще выкурить и полсигареты, как телетайпы принесли телеграмму из города П.

Она была длинная, и каждое слово оказалось для Баскова немаловажным — это были свежие сведения, которые отсутствовали, как понятно, в старом деле Балакина, привезенном с улицы Белинского. Вот что в ней сообщалось.

Балакин Александр Иванович, 1922 года рождения, освобожденный в ноябре прошлого года, имевший положительную характеристику из колонии, где отбывал наказание, получил паспорт и был прописан в П. временно, на площади владельца частного дома, в декабре

того же года. Тогда же поступил работать в пригородный совхоз плотником.

27 мая этого года, вернее, в ночь с 27-го на 28-е, с воскресенья на понедельник, была ограблена совхозная касса. Охранника оглушили ударом в затылок и связали; нападавших он не видел. Взято 23 тысячи рублей. У охранника отобран пистолет системы ТТ с девятью патронами.

Балакин в понедельник на работу не явился. Произведенным дознанием выяснено, что он ушел из дома вечером 25-го и с тех пор исчез. Учитывая квалификацию Балакина и сообразуясь с обстоятельствами происшедшего, областное управление внутренних дел предприняло меры по его задержанию, но безуспешно, ввиду чего был объявлен всесоюзный розыск.

В ограблении подозревается также Петров Михаил Степанович, по кличке Чистый, 1946 года рождения, судимый за ограбление квартир и организацию преступной группы, отбывавший наказание одновременно с Балакиным, освобожденный из той же колонии двумя неделями позже, живший после освобождения вместе с ним в П. и работавший грузчиком речного порта.

Дальше шло подробное описание того, каким способом был вскрыт несгораемый ящик. Басков уже знал почерк Балакина по делу, присланному из областного УВД, которое он только что прочел. Совпадение оказалось полное...

Итак, перед Басковым появился еще один объект — Петров по кличке Чистый. Какое отношение имеет он к происшедшему на бульваре Карбышева? Может, самое прямое, а может, никакого.

Хорошо бы, конечно, узнать, кто такой этот Юра, пославший неизвестному пострадавшему телеграмму с просьбой приехать. Но это, увы, из области сослагательного наклонения. Если бы во рту росли грибы... Этого «если бы» Басков терпеть не мог.

Он так и этак поворачивал и сопоставлял известные ему факты, но всякий раз получались разноцветные неубедительные сочетания, как в калейдоскопе — хоть и симметричные, но все-таки случайные. Чуть повернешь трубочку — узор совсем другой.

По правде сказать, он был довольно нетерпелив. И иногда слишком много от себя хотел, не имея на то оснований. Бывало, что чему-нибудь по всем правилам надлежало совериться завтра. А он подгонял события, хотел, чтобы совершилось сегодня. Басков отлично понимал, что насиливать естественный ход событий — легкомысленное занятие, но не всегда умел сдерживать себя...

Зазвонил телефон. Басков ждал звонка Марата, но это оказалось начальник МУРа.

— Ну, что у тебя? — был вопрос.

— Есть новенько, Олег Александрович... — И Басков рассказал о сообщении из города П.

— А пострадавший жить будет? — спросил начальник.

— Состояние тяжелое, но, кажется, не умерет.

— Будем надеяться... Тебе помочь не нужна?

— Да пока обойдусь.

— Ну, желаю... До понедельника.

— Всего хорошего, Олег Александрович.

Положив трубку на аппарат, Басков решил было пойти погулять на улицу, в сад напротив, но стояла жара, а в кабинете у него не жарко, и Басков раздумал. Часы показывали четверть пятого... Поболтать бы с Сашкой, но сын и жена уехали к его старикам на дачу, в Востряково. Марату возвращаться еще рановато...

Басков сел в мягкое кресло, стоявшее спинкой к окну, и, таская и перетасовывая в уме похождения Балакина, незаметно для себя уснул.

Разбудил его звук громко захлопнутой двери — в дверях кабинета стоял возбужденный Марат.

— Есть, Алексей Николаевич!

Басков нарочно неспешно растер пальцами затекшую шею, пересел за стол, закурил сигарету и только тогда спросил:

— Что есть?

Марат поставил серый фиброзный чемоданчик

на подоконник, вынул из него пачку фотографий, из пачки выдернул портрет Балакина и сказал почти радостно:

— Его никто не узнал.

— Так чого же ты ликуешь?

— Чемодан узнали.

— Погоди, давай-ка по порядку. Сядь и рассказывай.

Марат неохотно, но все же сел.

— Значит, так... Достал адреса... Начал с офицантки, которая поближе живет... Не позвезд — уехала с подругой на Москву-реку купаться... Зато со второй сразу повезло... Показал снимки — таких, говорит, вчера не было... Говорю про чемодан, она на него посмотрела и говорит: точно, сидел у нее вчера за столиком гражданин с таким вот чемоданчиком. Пил водку, закусывал ветчиной. Она его запомнила, потому что он несколько раз спускался вниз, объяснил, что ему по автомату звонить надо. Наверно, неудачно...

— Почему?

— Она говорит, расстроенный был, мрачный.

— Много пил?

— Она говорит, граммов четыреста.

— Как выглядел?

— Вот, я записал. — Марат достал из кармана блокнот, полистал его и раскрытым протянул Баскову.

Запись была краткая: «Шатен, глаза серые, нос прямой, лоб морщинистый, лицо бледное. Лет — приблизительно пятьдесят пять. Голос низкий. Производит впечатление интеллигентного человека».

— Долго он сидел? — спросил Басков.

— Часа два или три.

— Про жизнь разговора не было?

— Она же сказала, Алексей Николаевич: он не в духе был. Даже с соседями по столику — ни слова. Она очень наблюдательная оказалась.

— Офицантки вообще народ наблюдательный. Что дальше?

— Он когда звонить выходил, чемоданчик с собой брал. А офицантке сразу задаток дал — двадцать пять рублей.

— Сколько же раз выходил?

— Пять или шесть?

— А когда совсем ушел?

— Вот тут-то и интересно, Алексей Николаевич. Она говорит, расплатился он примерно в половине одиннадцатого, она сдачу отсчитала, он оставил рубль на чай и ушел. И не очень пьяный был. А уже перед самым закрытием она его увидела у окошка буфетной, где спиртное выдают. Значит, где-то с часик побродил, а потом решил добавить.

— Буфетчицу ты навестил?

— А как же! От офицантки — прямо к ней. Пожилая такая женщина, но память тоже хорошая.

— Ну-ну... И что она запомнила?

— Чемоданчик четко узнала. Портрет описала точно так, как и офицантка. Он попросил налить две коньяка, объяснил, что торопится, и за столик уже поздно было садиться. Ну, она велела ему из мойки фужер принести, налила, он выпил, минералкой запил.

— Между прочим, откуда он деньги доставал, когда расплачивался? Бумажник у него был? Или как?

Марат улыбнулся, довольный собой.

— Это я тоже догадался спросить. И офицантка и буфетчица точно запомнили: просто из кармана вынимал, из правого брючного кармана.

Басков взял карандаш, вырвал из настольного календаря — откуда-то из апреля — неисписаный листок.

— Давай теперь посчитаем, — сказал он.

Марат поднялся со стула, встал у него за правым плечом.

— Предположим, в буфете пил он пятизвездочный коньяк. Сколько это будет?

— Там же с наценкой. Сто граммов — трешник.

— Так. Пишем: шесть рублей. Плюс четыреста граммов водки по рупье двадцать. Пишем: пять рублей. Кладем на закуску два рубля, плюс — на чай. Итого — четырнадцать. Что же получается?

— А что, Алексей Николаевич? — не понял Марат.

— Протокол осмотра места происшествия читал?

— Читал.

— Сколько там у него в карманах денег нашли?

— Рубль, кажется.

— Вот именно — всего лишь рубль, один целковый. А должно быть по крайней мере десять. Ведь он с офицанткой четвертным расплачивался. Так?

— Так, Алексей Николаевич.

— Тебе это ни о чем не говорит?

— Обчистили до копейки. Значит, нападение с целью ограбления?

— Ну, сам понимаешь, игра с паспортом ту, наверно, не последний момент, но деньги нападавшему тоже нужны были.

Марат заговорил тихим, словно извиняющимся голосом, как делал всегда, когда осмеливался выдвигать собственные соображения.

— Алексей Николаевич, а если предположить, что никакой игры с паспортом не было? Может, он сам его присвоил...

Басков взглянул на Марата с любопытством.

— Предположить, конечно, можно, да нам с тобой лучше от этого не будет... Все равно личность установить надо, личность... И Балакина разыскать... И этого Чистого...

Марат задумчиво покивал головой.

— Да-а, тяжелый случай.

— Бывает хуже, но редко. А главное, дорогой мой Марат, тут есть какая-то особая тайна, и просто так ее не ухватишь.

Басков достал из сейфа дело Балакина, дал его Марату.

— Вот почитай-ка одно место. Про татуировки. Еще одну черепаху найдешь... Это, брат, загадочка первый сорт...

Марат читал, а Басков ходил из угла в угол.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул Марат, дойдя до черепахи. — Это же целый... целяя... — Марат никак не мог подобрать нужного слова. Наконец нашел: — Это же целая головоломка.

— И опять же нам не легче, — сказал Басков, убирая дело. — Ладно, Марат, иди гуляй. До понедельника...

Было без двадцати девять, когда Басков вышел на улицу и пешком отправился домой. Начинало смеркаться, но жара еще не спала, дышалось на асфальте тяжело, и шел он неторопливо, так что к себе на Новослободскую попал к девяти.

Раздеваясь, постоял под душем. Потом вскипятил чайник, заварил свежего чая, открыл банку домашнего, еще прошлогодней варки,

черносмородинового варенья и только собирался предаться желанному чаепитию, как зазвонил телефон.

Говорила старшая смены из телеграфного зала Нина Александровна.

— Извините, что беспокою, Алексей Николаевич. Только что получили телеграмму. Помоему, вам интересно будет.

— Сейчас приеду.

Он все-таки выпил большую кружку чаю, прежде чем отправиться на Петровку.

Телеграмма пришла из одного большого зауральского города, от начальника областного управления внутренних дел:

«Имею основания полагать, что могу быть полезен установлению личности пострадавшего имеющего татуировку виде черепахи. Близко знал Балакина Александра Ивановича. Полковник Серегин».

В ответ была отправлена телеграмма за подпись заместителя начальника ГУВД Мосгорисполкома генерала Виктора Антоновича Пашковского. Она гласила:

«Ждем понедельник. Просим позвонить майору Баскову...» — и дальше номер домашнего телефона Баскова.

Продолжение следует.

ВЕЧНОСТЬ МИХАЙЛОВСКОГО

Юрий ОСИПОВ
Фото А. ГОСТЕВА

1

Места, причастные к жизни гения, несут на себе особую печать. Названия их со временем обретают значение символа, впитывают огромный исторический и культурный смысл, делаются нарицательными. Судьба этих мест, подчас никому прежде неведомых, сплетается с судьбой народа, отражает его путь, характер, устремления. И мы все пристальной всматриваемся в живое зеркало Михайловского, Веймара, Ясной Поляны.

Михайловское — книга, требующая внимательного, вдумчивого чтения. Книга, написанная природой и вещами, окружавшими поэта. Поняв язык, вы лучше поймете и его самого, по-новому воспримите с детства знакомые стихи. И то, что казалось вам в них до этого несущественным и малозначимым, вдруг обернется значимым и существенным. Холмы, озера, перелески, на которых задерживался взгляд поэта, открывают свою тайну, зазвучат музыкальной пушкинской рифмы.

Нигде не встретите вы здесь назойливых телеграфных столбов, не говоря уже о прочих приметах современной цивилизации (чего стоило упрятать их подальше да поглубже!). Пешком, старой еловой аллеей Ганиболов, выйдете вы на взгорок к пушкинскому дому. Деревянный, оббитый тесом, длиною ровно в восемь саженей, по фасаду в четырнадцать окон, он в точности такой, что когда-то приютил Пушкина. В строгом порядке, далеком от наивного реализма, смотрят на вас предметы, как бы согретые его прикосновениями. Узенький французский бильярд в два шара, потертое кожаное кресло, помадная банка, заменившая ему чернильницу...

И стол с померкшую лампадой, И груда книг, и под окном Кровать, покрытая ковром, И вид в окно сквозь сумрак лунный, И этот бледный полусвет, И лорда Байрона портрет...

По дороге в Тригорское вам неизменно захочется спуститься к «мельнице крылатой» на берегу неслышно текущей подо льдом Сороти. И долго еще вы будете разглядывать трогательные вещицы в доме хозяев Тригорского, семейства Осиповых-Бульф, нежных друзей, скрашивавших Александру Сергеевичу дни его михайловского заточения. А потом вы погрузитесь в суровую атмосферу имени Ганиболов в Петровском, куда любил наезжать поэт и где

ему являлась воочию славная история его рода, история Петра... Всем своим строем, всей своей одухотворенной сущностью музей-заповедник доказывает, что пришедший сюда по зову сердца может встретиться с Пушкиным.

2

Многое переменилось в здешних краях. Время унесло неповторимые крупицы пушкинского мира. Произошла и смена пород деревьев. Перерождаются и, к сожалению, высыхают чудесные воды Михайловского — озера Маленец, Кучане, темные парковые пруды. Процесс этот начался давно. Еще в 1834 году родители Пушкина, жившие тогда в Михайловском, сообщали дочери в Баршаву: «Озера наши и река скоро станут твердой землей». И сякают пытающие их родники, наносится ил, ползет ряска, распахиваются близлежащие пойменные луга. Сегодня с помощью псковских мелиораторов начинается реставрация мемориальных водеомов — сложная, кропотливая работа.

Хрупок заповедный уголок, занимающий 25 квадратных километров, нелегко уберечь его. И все же он вечен, ибо Михайловское для нас не только прошлое. И не только настоящее. Михайловское для нас — еще и будущее. И еще Михайловское — это любовь и вера в идеал, во все лучшее и светлое в мире и в каждом из нас. Край, воспетый поэтом, место его высочайшего творческого взлета, но вместе с тем и место нравственного испытания, вынести которое, по словам Петра Андреевича Вяземского, мог лишь «богатырь духовный».

Тютчев говорил, что Пушкин, это наше все. И впрямь — все!.. Вот почему места, причастные к судьбе его, для нас неисчерпаемы и бесконечны. Они все в себя вмещают и многое готовы принять и вместить.

Немало претерпело на своем веку Михайловское. Вскоре после смерти Пушкина скромная обитель поэта дала временный приют его вдове и детям. Но дом был уже настолько ветхим, что жить в нем стало невозможно, и он окончательно опустел. Над камином в кабинете обосновалась сова. Она и сегодня, сто сорок пять лет спустя, пролетает каждую осень лунными ночами к дому, садится на конек кровли и громко плачет. Именно плачет, как писал еще Пушкин:

То был ли сон воображенья,
Иль плач совы...

В старину сову называли на Руси «сирин — птица вещая». Древние греки и римляне считали ее символом вечности. Что ж, вечность Михайловского восторжествовала, хотя и не сразу. Дом Пушкина был продан на слом. В Михайловском поселились чужие люди. В конце прошлого века там жил сын поэта, Григорий Александрович. Уезжая, он посадил в память отца вяз посередине Зеленого круга. Было это в

1899 году, в год 100-летия со дня рождения Пушкина. Кольцо молодых лип сомкнулось на кругу уже в 1937 году, к 100-летию со дня его смерти.

На рубеже XX века Михайловское было наконец приобретено в государственную собственность. Но лишь постановление Совнаркома от 17 марта 1922 года открыло путь к созданию уникального музеино-заповедного комплекса. В Михайловском очистили пруды, построили мостики, занялись аллеями, цветниками, садами, лугами. В возведенный на старом фундаменте Дом-музей поэта начали стекаться первые мемориальные вещи. Многие из них были переданы потомками владельцев бывшего имения Осиповых-Бульф, бережно хранившими пушкинские реликвии.

3

Война помешала восстановительным работам. Фашисты не пощадили нашей святыни. Они разобрали на дрова Домик няни, сожгли Михайловский музей, вывезли в Германию обстановку, личные вещи поэта, его близких. Они вырубали заповедные рощи, вырывали блиндаж под «дубом единенным» в Тригорском, а раскидистых его ветвях устроили наблюдательный пункт, изуродовали траншеями парки. Отступая, они начинили пушкинскую землю тоннами смерти, взорвали Свято-горский монастырь и заложили чудовищной силы заряд под могилу поэта...

Следом за крестьянами, потянувшимися на родные пепелища, вместе с саперами пришел сюда весной 45-го рядовой минометного расчета Семен Степанович Гейченко. Пришел, чтобы вернуть жизнь разоренной пушкинской земле. И остался тут навсегда. В первые послеоктябрьские годы он учился в Петроградском университете, работал главным хранителем Петергофских дворцов, затем в Пушкинском Доме (Институт русской литературы АН СССР). На фронте он был тяжело ранен, лишился руки и неоднократно еще рисковал жизнью рядом с саперами в Пушкинских Горах.

На этой земле ему до всего есть дело, его здесь волнует все: древние валуны с таинственными знаками и письменами, археологические находки на бывшем городище Воронич, звери и птицы... Зимой в Михайловском на каждом шагу попадаются сейчас зайцы, лоси, косули. Круглый год не умолкает в аллеях разноголосый птичий гомон. Аисты вьют гнезда над крышей Пушкинского Дома. «Заповедная, мемориальная природа должна полниться жизнью». Как во времена Пушкина, — говорит Семен Степанович. Он раскалывает у букинистов редчайшие руководства XVIII века по парковому искусству, вы-

водит сорта яблонь, что росли при Пушкине, сажает молодые деревья, лечит старые. Чтобы вновь одеть листвой умиравший уже от старости и ран знаменитый Тригорский дуб, под него уложили с десяток машин удобрений и поили из пожарных шлангов водой несколько дней кряду. И так во всем: неприметная постороннему глазу, будничная работа.

Конечно, Гейченко возродил Михайловское не в одиночку. Едва разминировали первые дорожки, в усадьбу начали приходить жители окрестных деревень, сами зачастую без крова над головой, предлагая свою помощь. Потом солдат, катившийся на запад, задерживался у порога Михайловского. Усталые бойцы спешили сделать что-нибудь для заповедника и двигались дальше, унося с собой образ Пушкина — образ Родины. Были и постоянные помощники-энтузиасты... Не искала забота государства. Но Семен Степанович оставался душою всего. Сколько создано им за тридцать шесть лет, сколько он еще собирается создать! Даже тот, кто никогда не бывал в Михайловском, прочитав увлекательные книги Гейченко, в особенности последнюю — великолепно изданное, красочное «Пушкиногорье», легко представит объем подвижнической деятельности этого беспокойного человека, столь необходимой нам, необходимой грядущим поколениям.

4

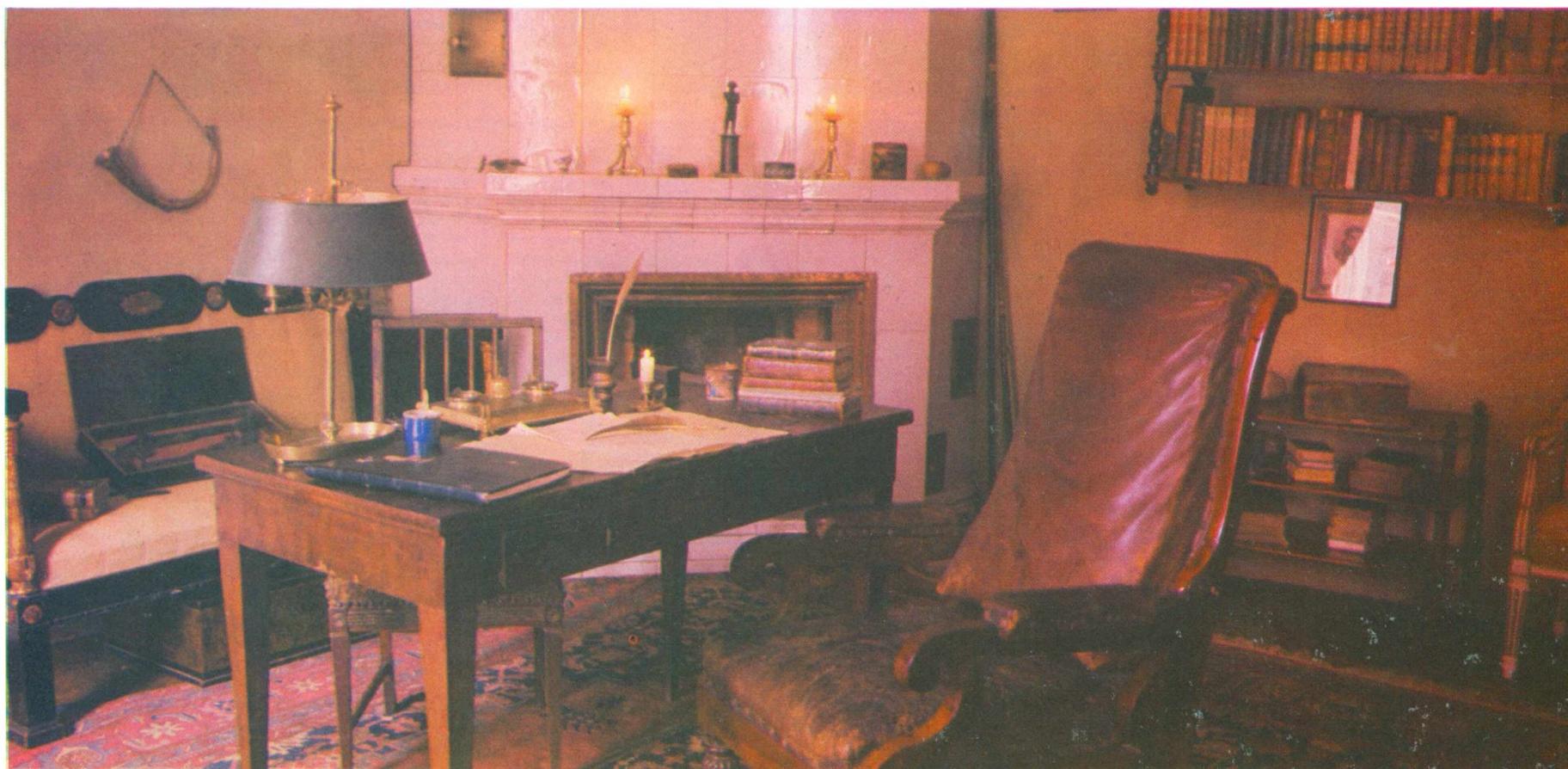
...Тягучий скрип колодезного ворота медленно истаял в морозном воздухе. Из-за заборов отозвались собаки. Захарово спокойно наблюдало за шумной гурьбой студентов, бродивших по одичалому парку, вдоль заросших прудов, споря, какие деревья могли помнить юного Пушкина. У невзрачного строения на месте бывшей усадьбы бабушки поэта Семен Степанович вздохнул: «Несправедливо держать все это в запустении, Пушкин Захарово очень любил».

Возможно, нынешним или будущим летом он все-таки приведет сюда ребят из стройотряда МГУ, которые ежегодно работают в заповеднике, как приводил их в Тригорское, Петровское...

Темнеет. В окнах михайловского дома зажигаются огни. Покрытые инеем розвальни огибают ограду Хозяйственного двора. Степенная смотрильщица в валенках обмазывает на каминной доске кабинета чугунную статуэтку Наполеона «с руками, скжатыми крестом». И восстановленная нить прошлого, нить времени уводит нас к тому далекому дню 1817 года, когда лицейским выпускником вбежал Пушкин под сумрачную сень еловой аллеи Ганиболов.

Где чувствовал он себя более одиноким — в великосветских салонах Петербурга, в гостеприимных московских гостиных, в тесной комнатушке убогого Кишинева, на бальном паркете одесского двора, на наместника или же в занесенном пургой Михайловском при не-

По дороге из Михайловского в Тригорское *
Кабинет А. С. Пушкина в Михайловском.

верном свете свечи над шатким столиком с рукописями? Если для биографов первая встреча поэта с его «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья» — эпизод, полный «белых пятен», то о втором их свидании мы знаем все или почти все. Но и первая встреча прочно отложилась в его и в нашей памяти.

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкорылые забавы
Столь быстро улетевших дней!...

И уже в этих строках, задолго до трагических событий 14 декабря, мы ощущаем ту легкую грусть, к которой позднее прибавятся горестная печаль и тяжкие разочарования.

Вторично мы видим Пушкина в Михайловском уже кумиром новой России, поэтом, чье имя было на устах не только столичной молодежи, но и всех, кто болел за судьбы отечественной культуры в самых отдаленных уголках огромной, готовящейся к социальным потрясениям страны.

Он прожил большую жизнь между первым и вторым приездом в Михайловское. Он стал знаменитым, он стал гонимым. Но главное — он успел заложить основы современной нашей словесности. Ко времени ссылки в Михайловское он сделал уже столько и так, что его сравнивали с поэтами несравненными, всемирно известными, однако по значению для своей родины, уступавшими ему.

Казалось, что мог бы он еще испытать, достигнув таких вершин, такого духовного напряжения? Он бросил вызов «милорду Уоронцову». Он преодолел карьерой, гневом царя, в каждый день своего пребывания на юге оставаясь самим собой. Заставить его жить не так, как он хотел, было невозможно. Это бесило недругов, которые не могли вынести его свободной человеческой простоты, его острого языка, политических выпадов, его всеохватывающей и всепроникающей мысли. И отторгнутый ими изгнаник приезжал в Михайловское, не уступив своим врагам ни пяди завоеванного, в ореоле поэтической славы, скорее им осознаваемой внутренне, подспудно. Он приезжал уставшим от бедности и скитаний, но не утратившим мужества, приезжал зрелым, готовым к борьбе. Нет, он не ожесточился. Его душа не угасла, не потеряла способности верить, надеяться, любить.

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан...
В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Михайловское окутало его тишиной, неоглядными далями, туманными влажными рассветами, непроницаемыми ночами и дрожащим сиянием луны, что висит тут прямо над подоконником. Он пишет с неистовой страстью, пишет много и разное, пишет вещи бесценные. Он продолжает начатое в Кишиневе, Одессе, и одиночество, непереносимое для других, отступает перед ним и даже де-

лается порой источником веселья, неотделимого, правда, от грусти и тоски.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.

И вместе с тем:

И первую полней, друзья,
Полней!
И всю до дна в честь нашего союза!..

Вот вам пример, когда противоречивые чувства сливаются в драгоценный поэтический сплав, который поистине можно назвать «михайловским».

5

Да и разве один был он здесь? Отторгнут от своей музы? Нет. Он наслаждается природой, изучает нравы онегинских соседей, засиживается в тригорской библиотеке, наблюдает быт крестьян и монахов, ходит по святогорским ярмаркам, прислушивается к мимолетному его сердцу говорку Арины Родионовны... Нет, он был здесь не один, а просто наедине с собой. И этот поразительный взлет, ведь здесь он создал своего Бориса, Бориса, который вывел его на простор общественного служения и высокого историзма, этот торжествующий пушкинский взлет позволил ему совладать с тем состоянием, которое могло бы надломить другой, менее мощный дух. Бесконечными зимними вечерами одиночество бежало от него еще и потому, что он знал: о нем думают, его помнят. «Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты», — пишет «великому Пушкину» в михайловскую глушь его «Дельвиг мильный». «...По данному мне полночию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе», — летят к нему в ноябре того же 1824 года горделивые слова Жуковского. «Ты около Пскова: там задушины последние вспышки русской свободы... и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы?», — требовательно спрашивал Рылеев.

И если звучное пушкинское словосочетание «Болдинская осень» символизирует не только расцвет его гения, но и умение подчинять своей воле удручающие житейские обстоятельства, то михайловский период есть целый пласт культурной жизни XIX века, центр, откуда исходило и куда стекалось все лучшее в нашей литературе.

Пусть этот заброшенный уголок не напоминал Веймар и Ясную Поляну — он значил не меньше! Пусть их было всего двое, навестивших его, но они принадлежали к лучшим людям своего времени. Иван Иванович Пущин, сознательный русской интеллигенции, сознательный декабрист, провел здесь счастливые часы, внимая голосу друга, читавшего отрывки новых пьес, диктовавшего начало «Цыган» для «Полярной звезды». И беспредельная доброта, душевное

благородство и ум Антона Антоновича Дельвига озарили на миг деревенскую келью поэта. Их было всего двое. Но каждое из этих посещений — эпоха.

Да, ему не удалось явиться на Сенатскую. Но стихи Пушкина, его тень незримо присутствовали там, заставляя следствие раз за разом допытываться у арестованных о ссылном поэте. И когда мы думаем о декабристах, мы вспоминаем не только чеканный слог послания в Сибирь, написанного позднее, уже в Москве, но и михайловский, на полях рукописи, рисунок виселицы с контурами птиц повешенных и оборванной строкой: «И я бы мог...»

Есть некий особый смысл в том, что Пушкин окончил «Бориса Годунова» осенью 1825-го, предшествовавшей восстанию на Сенатской. Есть некий особый смысл в этих грозных призывах: «Народ! народ! в Кремль! в царские палаты!» И есть некий особый смысл в том, что михайловские мужики, навеявшие Пушкину многие образы бессмертной драмы, спустя двенадцать лет бережно опустят его гроб в могилу.

Да, душою он был с восставшими и сказал о праве народа жить достойнее, чище за несколько месяцев до того, как российский трон закачался не под ночными ударами мятежных гвардейцев, а перед открытым выступлением общественной оппозиции.

Через восемь месяцев он покинет свой дом. Не вдохнет больше запах увядшей листвы на ступеньках веранды, не увидит петляющие в сугробах беличьи следы, не пойдет привычной дорогой к соседям в Тригорское и не услышит звенящий в саду девичий смех... Липовая аллея Керн, тенистая прохлада «дуба уединенного», волнистые пажити у Савкиной горки останутся без него. И хотя внешне все будет выглядеть так, как будто цари простили поэта, он возвратится в старую столицу непрощенным и несломленным. И долго еще будет светить ему в пути теплый огонек родного Михайловского, согревая в горестях и невзгодах последнего десятилетия.

Он вернется сюда скорбным для себя днем ранней весны 1836 года, когда привезет в Святые Горы гроб с телом матери. Минуя пустынные монастырские дворы, подымется по стертым каменной лестнице на вершину холма к стенам старинного собора. И закрепит за собой в тот день место на родовом кладбище. Предчувствие его, к несчастью, скоро сбудется. И здесь, в глухой народной стороне, в скучной песчаной почве, поросшей лебедой и крапивой, навечно упокоится его прах.

Вот почему — вечность Михайловского! И вот почему Михайловское неизменно притягивает нас мыслью и памятью.

6

...За Псковом пала одна из лождей. Пришло остановливаться в Острове. От мороза трещали стволы деревьев. Никита же, как встал на задок воза, припав головой к грому, так и застыл. «Шкуру сдеру, ежели что», — напутствовал жандарм ямщиков. Земля была как камень. Жгли костры, чтобы хоть немного отогреть. Перед тем как опускать гроб в могилу, трижды качнули его по старинному псковскому обычью в сторону отчего дома в Михай-

ловском. Насыпали холмик. Поставили сосновый крест. Кто-то из дворовых сказал Александру Ивановичу Тургеневу: «Надпись бы сделать...» Тот ответил: «Пусть черной краской выведут одно слово «Пушкин», больше ничего не надо...» Михайловская крестьянка принесла чашку с кутьей и поставила ее на край могилы. После панихиды Тургенев попросил Никиту Козлова набрать ему с могилы пригоршню земли. Плакали мужики, плакал Никита, плакал сорбийский колокол. Пушкин любил слушать его голос, и, бывало, сам, взобравшись на колокольню, устраивал такой трезон, что настоятель в отчаянии затыкал уши. Теперь колокол печально ударил к ранней обедне. Монастырь загнал своей обычной жизнью...

Колокол эти висели тут вплоть до Великой Отечественной войны. Они значились в особом государственном списке великих стран, подлежащих вечному хранению.

Более тридцати лет собирали С. С. Гейченко по всей округе колокола, звоны которых навевали бы мог слышать Пушкин. Их надо было подбирать не только по внешнему виду, но и по звучанию, комплектовать как музыкальный ансамбль. Удалось многое. Разыскали даже два подлинных святогорских «дисканта». Некоторые из найденных колоколов оказались глухие, с глубокими сквозными трещинами. Ученый-металлург профессор А. Ю. Поляков увез их к себе в Москву, сделал лабораторный анализ сплава, изготовил нужную присадку. Лицейщики проделали тончайшую реставрационную работу. И вот утром 2 мая 1978 года колокола подняли на звонницу, надели на них хомуты, подвесили языки. Раздалась команда: «Дать большой голос!» — и ребята из стройотряда осторожно принялись раскачивать веревку двухтонного колокола-баса. Густой певучий звук поплыл в небе...

* * *

В Пушкинских Горах за год обычно бывает свыше миллиона посетителей. На юньинские праздники поэзии в Михайловское приезжают гостей в пять-шесть раз больше, чем составляет все население района. Какое уж тут уединение... Несмотря на то, что железная дорога в этих местах не проходит и теперь уже никогда проходить не будет в целях упрощения заповедника и его охранной зоны, люди сюда едут и едут. Увы, не все они паломники, как величает их Гейченко. Для иных поездка в Михайловское — всего лишь отвлечение от городской суеты, дозированная духовная проприятивка к душевному комфорту. Разумеется, Пушкинский музей на природе — благо. И непомерные вереницы экскурсионных автобусов — тоже благо. Но надо думать и о потерях, издержках. Захоженность духовного святилища — вещь губительная. А в нынешних условиях она прямо-таки разрушительна. И комнатам и тропинкам необходимо периодически возвращать свежесть, чудодейственность. Чтобы посещение Михайловского не превратилось для людей в туристскую процедуру, обязанность.

О местах, связанных с жизнью Александра Сергеевича Пушкина, сказано немало прекрасных слов, немало хрестоматийных истин. Но ведь и хрестоматийным истинам не откажешь в праве на вечность.

60 лет — путь долгий. И каждое десятилетие подводит итоги прошедшего, намечает новые этапы. Юбилей Михайловского — праздник всенародный. Мы приходим к Пушкину, как к другу и нашему современному, подтверждая тем самым вывод Белинского: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества...»

И вот еще почему — вечность Михайловского!

Петровское. Дубовый стол в парадном зале усадьбы Ганибалов * Консоль XVIII века с саксонской вазой, принадлежавшей В. П. Ганибалу * Восстановленное имение Ганибалов в Петровском * Фамильный герб Ганибалов * Михайловское. Дом поэта. Уголок няни.

ИГЛА - РЕФЛЕКС -

Недавно вышла в свет книга «Руководство по иглорефлексотерапии» профессора Д. М. Табеевой. Дина Мухамедовна известна медикам как автор атласа по иглоукалыванию, изданного три года тому назад и ставшего сразу библиографической редкостью.

«Руководство по иглорефлексотерапии» — результат работы над докторской диссертацией. Д. М. Табеева возглавляет в Казани первую в стране кафедру, а также клинику рефлексотерапии при Институте усовершенствования врачей имени В. И. Ленина. Здесь проведены клинико-лабораторные исследования различных заболеваний — остеохондроза позвоночника, поражений периферических нервов, вегетативно-сосудистой дистонии, расстройства сна, гипертонической болезни... Положительный эффект применения разработанной Д. М. Табеевой методики получен у большинства больных. Результаты работы были доложены на международных конференциях во Франции, ФРГ, Японии.

На кафедре ведется подготовка высококвалифицированных специалистов по рефлексотерапии. Основная цель работы сотрудников кафедры и клиники — формирование и внедрение методологических принципов использования иглотерапии в неврологической клинике.

Д. М. Табеева — заслуженный врач ТАССР, член президиума правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров.

Наш корреспондент побывал в Казани, где встретился с доктором медицинских наук Д. М. ТАБЕЕВОЙ.

— Дина Мухамедовна, в нашей почте много писем с просьбой рассказать о методе лечения иглоукалыванием. В связи с этим хочется узнать, почему вы пользуетесь терминами «иглорефлексотерапия», «рефлексотерапия»?

— Рефлексотерапия, иглорефлексотерапия, или, как говорят, иглоукалывание, иглотерапия, акупунктура, чжэн-терапия, преследует цель воздействовать на точки иглоукалывания (активные, акупунктуры или микрозоны тела человека) металлическими иглами, полынными «сигарами», массажем, введением в них лекарственных препаратов. Сейчас стали применяться электрическое раздражение, воздействие лазером и другие.

В последние десятилетия различные способы рефлексотерапии более широко входят в практику здравоохранения многих стран с высоким уровнем медицинской науки. Это следует расценивать как признание того, что рефлекторный принцип воздействия на функции организма является одним из методов выбора при лечении больных с заболеваниями функционального, а порой и органического характера. Особенно эффективно иглоукалывание при

многих болевых синдромах, что используется в хирургической и неврологической клиниках. Акупунктурная анальгезия, или обезболивание, во время операции и в послеоперационном периоде позволяет ограничить использование сильно действующих обезболивающих препаратов. Она позволяет избегать так называемых лекарственных осложнений, составляющих сейчас важную и сложную проблему.

Опыт, накопленный как в нашей стране, так и за рубежом, доказал практическую эффективность и экономичность этого сравнительно безвредного метода в руках подготовленных — я подчеркиваю, подготовленных — специалистов.

— Лечиться иглотерапией можно всем?

— Вообще этот метод имеет широкие показания, хотя, конечно, не может быть панацеей от всех болезней. Есть у него и свои противопоказания, которые учитываются врачами, исходя из конкретной оценки индивидуальных особенностей больного. Одно несомненно — иглоукалывание может быть с успехом применено не

возникающие вследствие прихода возбуждения из раздражаемых воздействием периферических рецепторов. В отличие от местных механизмов, на этом уровне обеспечивается регуляция центральной нервной системой всех органов и тканей, иннервация которых происходит из возбуждаемых сегментов спинного мозга. И, наконец, наиболее важным компонентом действия рефлексотерапии является включение в этот процесс головного мозга. Определенные области коры мозга и подкорковых структур постоянно обеспечивают физиологическую регуляцию деятельности внутренних органов и целых систем — дыхательной, сердечно-сосудистой, пищеварительной и других. В центральную нервную систему приходит обратная импульсация из внутренних органов, и при нарушении их функций она также становится патологической, препятствуя нормальному регулярным процессам. Иглорефлексотерапия как бы блокирует эту патологическую импульсацию на разных «этажах» нервной системы, что вновь восстанавливает регуляцию деятельности внутренних органов со стороны центральной нервной системы. Подобным же образом действует рефлексотерапия на боль, препятствуя проведению болевых импульсов на уровне спинного мозга и коры. Все эти механизмы включаются практически одновременно, обеспечивая, таким образом, сложную комплексную реакцию нервной системы.

Очень важное значение имеют гормональные и другие биохимические процессы, активизируемые в головном мозге и периферических эндокринных железах организма. Эти гормоны повышают устойчивость организма к вредносным агентам и патологическим процессам, вместе с описанными физиологическими механиз-

СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАБИТА МУСРЕПОВА

«Каждый должен назначить себе высоту, которой он стремится достичь. Но даже если ты не достигнешь ее, все равно — пусть осенит тебя высшая цель!» Так говорит один из персонажей «Сказания об орлах». Эти слова, на мой взгляд, могут служить эпиграфом ко всему самобытному творчеству их автора, известного советского казахского писателя Габита Махмудовича Мусрепова.

Принадлежа к поколению художников, чьим творчеством начиналась новая казахская литература, Габит Мусрепов весь свой талант подчинил высшей цели — служению отчиму краю и родно-

му народу. Это отчетливо выявилось в первых его рассказах, написанных в конце двадцатых, тридцатых годов: «В пучине», «Кос-Шалкар», «Тупорылый», «Туннель», в замечательном цикле коротких рассказов «Сказание о матери»; в драматических произведениях «Кызы-Жибек», «Амангельды», «Козы-Корпеш и Баян-Слу», «Ахан-Сере Актотки», которые вошли в золотой фонд казахской литературы и театра. Творчество Г. Мусрепова привлекает страстным, активным желанием воздействовать на действительность, убеждает исторической достоверностью и детальным знанием жиз-

ни, что позволило писателю в судьбе отдельных людей разглядеть судьбу всего народа.

Успех его ранних произведений — в личной судьбе автора, который не только исполнял роль «секретаря» исторических событий, но и был непосредственным участником.

«В нашей многодетной семье никто не обрадовался моему рождению», — пишет в своем «Автобиографическом очерке» Габит Мусрепов. — Голод в образе живых скелетов с впалыми глазами и щеками занимал все четыре угла нашей землянки».

Первым учителем был аульный мулла, заставлявший его с помощью прута зубрить труднодоступный арабский алфавит. Лишь в четырнадцать лет сын скотовода-бедняка смог переступить порог двухклассной русской школы, а затем, уже в годы Советской власти, окончить оренбургский

ИСЦЕЛЕНИЕ

мами участвуют в нормализации деятельности внутренних органов, устранении боли.

В последнее время внимание исследователей многих специальностей привлечено к изучению опиатоподобных веществ, вырабатываемых в мозге — эндорфинов и энкефалинов. Эндорфины, к примеру, имеют в сто раз более сильный обезболивающий эффект, чем наркотические вещества, сходные с морфием. Важно и то, что они участвуют в регуляции эмоциональных состояний, сна и бодрствования, памяти и других мозговых процессов. Оказалось, что иглорефлексотерапия вызывает активацию подобных гормональных веществ.

Таким образом, видно, сколь сложен механизм действия иглорефлексотерапии. Более глубокое и детальное его исследование — путь к повышению эффективности лечения.

Известно, что этот метод очень древний. А каков подход к проведению иглорефлексотерапии сейчас?

Ключевым вопросом практической иглотерапии является сочетание точек воздействия, то есть составление акупунктурного рецепта. Здесь так же, как и при лекарственной терапии, необходимо помнить о совместности, взаимозаменяемости точек иглоукалывания и, кроме того, в необходимых случаях желательно учитывать биоритмологические особенности регуляции функций организма. Мы против «готовых» рецептов точек. И в иглотерапии необходимо придерживаться общепринятого положения: лечить не болезнь, а больного. Нами разработаны принципы сочетания точек воздействия с использованием индивидуального подхода. Важное значение имеет вопрос частоты сеансов и продолжительности курса рефлексотерапии. Решая этот вопрос, надо подходить

к больному опять-таки строго индивидуально, учитывая все показания и противопоказания.

— Дина Мухамедова, еще такой вопрос — что представляют из себя эти точки на коже? Их что, можно увидеть? И есть ли они вообще?

— Одной из основ этого метода является положение о точках воздействия. Точки акупунктуры обнаруживаются у человека с момента его рождения, у всех людей идентичные и имеют одну и ту же локализацию. На коже млекопитающих животных количество таких известных точек в 2–3 раза меньше, чем у человека.

По современным представлениям, точка акупунктуры представляет собой ограниченный участок максимальной концентрации рецепторов, заложенных в коже и подлежащих тканях, имеющий строго определенное анатомическое расположение и функциональное назначение. Площадь их проекции на коже колеблется от 1 до 10 квадратных миллиметров. Установлено, что для точек акупунктуры характерны по сравнению с соседними участками наружных покровов низкое сопротивление к постоянному электротоку, высокий электрический потенциал и температура, наличие аутотермостабилизации. Показано также, что электротепловые характеристики одинаковых точек акупунктуры у здорового человека отличаются от таковых у больного. Выделено наличие в структуре рыхлой соединительной ткани, что сопровождается значительным количеством нервных рецепторов, кровеносных и лимфатических сосудов. Гистологический анализ показал, что в области точек акупунктуры у человека и животных имеется истончение поверхностных слоев кожи и ряд особенностей строения сосудистой сети и нервных волокон.

Для тканей точек характерны такие физиологические особенности, как интенсивное крово- и лимфоснабжение, усиленное поглощение кислорода, повышенное содержание ацетилхолина, местный лейкоцитоз, иное протекание аллергических реакций, повышенная чувствительность к давлению и так далее. Показано, что уже через 5 минут после раздражения точки изменяется количество лейкоцитов в периферической крови и наблюдается перестройка внутриклеточного обмена веществ в ее тканях, что свидетельствует о возрастании функциональной активности.

Все эти данные дают возможность считать, что точки акупунктуры действительно существуют.

— Внедряется ли этот метод в лечебных учреждениях страны?

— Министерство здравоохранения СССР, ЦНИИ рефлексотерапии уделяют большое внимание разработке важнейших проблем этого метода. В стране функционирует ряд кафедр, научных и лечебных учреждений, значительно возросло число врачей, вовлеченных в круг практической работы, связанной с рефлексотерапией. Проделана определенная работа в упорядочении и создании во многих поликлиниках, больницах, медико-санитарных частях кабинетов рефлексотерапии.

Однако хотелось бы сказать, что сейчас представляется целесообразным создание стационаров рефлексотерапии. В них можно госпитализировать больных с тяжелыми болевыми синдромами и другими заболеваниями, при которых необходимо неоднократное проведение сеансов лечения в течение суток, повторные лабораторные исследования, как и при лекарственной терапии, а также использование метода с учетом биоритмов организма человека.

Беседу вел Ю. СУРХАЙХАНОВ.

рабфак и продолжить свое образование в сельскохозяйственной академии в Омске.

Габит Мусрепов был живым свидетелем унижения своего народа, когда, по его словам, «цизизм давил на правое плечо казахов, а национальное байство налевое...»

В пьесе «Амангельды» один из героев вспоминает об унижительном царском указе Николая II: «Сказано там, что нет у нас, казахов, отечества, что, веками живя на родной, на своей земле — мы чужие на ней, инородцы... Да и не люди мы для царя, а скот, как скотом решил распорядиться наими: гнать гуртом на самые черные работы. Не на фронт, не воевать — побоялся оружие нам дать. Еще бы! Ведь мы и-но-род-цы!..»

Да. Так было до Октября.

И совсем другим характером, частицей могучего многонационального советского народа предстает перед нами герой мусреповского романа «Солдат из Казахстана» Кайруш Сарталеев. Тяжкий 1941 год он встречает с оружием в руках, будучи бойцом пограничных войск, имея на своем

счету уже двух задержанных преступников. И если в пьесе «Амангельды» с горечью говорится о том, что у казахов в прошлом даже не было права защищать отечество, то права Кайруши завоеваны революцией, и в годы испытаний он наравне с другими выполняет свой гражданский долг — защищает с оружием в руках свою социалистическую Родину. «На земле нет края лучше того, где ты родился и вырос», — вспоминает Кайруш в конце романа, думая о своей невесте, которая нашла его на дорогах войны. — Я хочу, чтобы он был еще лучше для тех, кого ты сама вскориши грудью...»

В первые послевоенные годы Мусрепов создает самое значительное свое произведение — роман «Пробужденный край». Это эпическое полотно вышло на русском языке в 1953 году, когда уже становились известными и получали заслуженное признание критики и читателей такие книги казахских писателей, как «Абай» Мухтара Ауэзова, «Школа жизни» Сабита Муканова. И «Пробужденный край» по праву встал в один ряд с этими незаурядными

произведениями. Более того, «Пробужденный край» был первым столь глубоким художественным документом, изображающим жизнь общества в тот момент, когда в его недрах зарождается новая созидающая сила — казахский рабочий класс, способный изменить судьбу народа.

Сейчас Габит Мусрепов заканчивает работу над второй частью романа, и у читателей вскоре появится возможность проследить за дальнейшей судьбой героев «Пробужденного края».

Писатель-коммунист, Герой Социалистического Труда Г. М. Мусрепов много внимания и сил отдает общественной деятельности. Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета страны, председателем Верховного Совета и членом ЦК Компартии Казахстана.

Немало им сделано и делается в качестве секретаря Союза писателей СССР. Особенно это ощущают молодые писатели Казахстана, которым он оказывает постоянную творческую помощь и поддержку.

Николай ЛАЛАКИН

Наверное, вполне закономерно, что после таких широко известных книг Николая Камбулова о войне, как «Подземный гарнизон», «Разводящий еще не пришел», «Таврида в огне», «Ракетный гром», сегодня в творчестве писателя преобладает тема мирного труда. Многие героями последних произведений Камбулова, как и автор, родились в деревне, как и автор, прошли всю войну и ныне продолжают уже на мирных полях битву за землю, битву за хлеб.

Новый роман Камбулова «Всякому дню» — о жизни современного села, о его остройших социально-экономических проблемах, о поисках ученых-почвоведов, изобретателей, инженеров-мелиораторов и колхозников в борьбе за истинное плодородие земли. Но прежде всего это роман о людях, работающих на земле и глубоко убежденных том, что «корень урожая находится в нравственном отношении человека к земле. Как ты к земле, так и она к тебе». Недаром главный герой романа председатель колхоза Нил Дмитриевич Башкатов говорит: «Посевы наши — это не только зерно, мясо, овощи, но и борьба за человека».

Жизнь так устроена, рассуждает автор, что каждый в ней всегда — главное лицо, если только нашел он и занимает в ней свое определенное место, без которого распадалась бы цепь событий. А это ли не самое трудное и самое главное — найти себя! И писатель, когда с болью, когда с легким юмором, очень достоверно показывает нам, как порой нелегко и непросто находит свое место в жизни молодое поколение села Братушки. Бывает и такой долгий и труд-

НАИВЫСШАЯ ДОЛЖНОСТЬ

ный путь, какой проходит Яков Каравашка, прежде чем понимает, как по-разному прожили свои жизни на этой земле он и его сверстник Нил Башкатов. Одиночный, много поездив и повидав в вечной погоне за рублем, лишь на склоне лет нашел Каравашка в родном селе и тепло, и любовь, и уважение, почувствовал наконец радость работы с людьми и для людей, гордость за свой труд пахаря и селятеля. Писатель создал сложный, во многом противоречивый образ, в котором уживается психология накопителя, собственника, шабашника и психология крестьянина, умеющего и любящего работать, в котором любовь к земле, ко всему, что она родит, все-таки оказалась превыше всего. Думается, что образ Каравашки один из заметных образов, созданных за последние годы в литературе о деревне.

Но, пожалуй, самая яркая фигура в романе — Нил Башкатов, прошедший войну командиром полка. Он сразу после ранения возглавил братушинское хозяйство и поднял его вопреки ветрам и засухам, затяжным дождям и нежданным снегопадам... Это горячий, напористый, неугомонный человек, «вечный всадник», как зовут его в селе, он и умирает в пути — за рулем колхозной машины настиг его давний осколок вражеского снаряда. Да, хорошую, настоящую жизнь прожил коммунист Башкатов, если сын Егор, ставший после смерти отца председателем колхоза, и деревенский мальчишка, к которому в шутку за раннюю самостоятельность взрослые обращаются Пал Кузьмич и мастер-золоторукие руки Мишка Качелин сердцем поняли и на всю жизнь запомнили его слова: «Держись за землю крепче — не оторвут и не обессият... не забывай: пахарь и селятель — наивысшая должность. Росток к ростку, зерно к зерну, посев к посеву — оттого и жизнь продолжается». И каждый новый день этой жизни ставит перед нами новые задачи, приносит новые радости и хлопоты. Как говорят в народе, всяко дню своя забота. О заботах сегодняшнего дня и поведал нам Николай Камбулов в своем новом романе.

Марина СЕРГЕЕВА

Николай КАМБУЛОВ. Всякому дню. М., «Современник», 1981, 496 стр.

ОБРЕЧЕНА... НА УСПЕХ

Опубликованная в «Огоньке» № 28 за прошлый год беседа с педагогом-новатором из Донецка Виктором Федоровичем Шаталовым вызвала большую читательскую почту.

Хотя все мы: юные, взрослые, пожилые — в той или иной степени причастны к делу образования и воспитания, к школе, первое слово — учителям, потому что они и «судьи» и «испытатели» всего нового в педагогике.

«...Шаталов не методику создал, он создал новую педагогическую систему, включающую принципы, приемы, методы.

Я семь раз посетил Донецк, прослушал не менее 300 часов лекций Шаталова, испытал километры магнитофонной пленки.

Применяя педагогическую систему Шаталова в своей работе, чувствую (и мои ученики тоже) и необъятную ее силу и притягательность.

Если бы пять лет тому назад я не узнал бы Шаталова, в школе бы не остался. А теперь не мыслю себя вне школы. Это же счастье — так учить детей!

Л. Ф. Белов,
гор. Дубовка Волгоградской области.

«...Мне посчастливилось слушать его выступление в Ташкенте, в педагогическом институте. Три часа подряд слушали и не только не устали, а получили огромное удовольствие и прилив энергии.

Его методику я бы назвала методикой «системной доброты». А в современной школьной педагогике, к величайшему сожалению, так недостает доброжелательности. Нет эффективной системы обучения. Уж я-то знаю — работаю в школе 30 лет.

Методика Шаталова — методика большого оптимизма, основа для воспитания физических и нравственно здорового человека. То есть человека, который отвечает требованиям нашего, социалистического строя.

Слышала возражения, мол, схема (то есть опорные сигналы) не может заменить мысль. Верно, но на первый взгляд. Сколько мыслей содержится в краткой математической формуле!

Конечно, никакая схема не может заменить прелесть «Записок охотника». Наверное, и не надо. А вот когда, где жил Иван Сергеевич Тургенев, надо твердо знать всем, и этому хорошо поможет схема. Методика Шаталова не только не отрицает творчество, она создает благоприятные условия для творчества.

М. А. Алферова,
город Чирчик Узбекской ССР

«...В результате практической работы по новой системе пришел к выводам:

— она органично соединила обучение с воспитанием, устранив безделье, приспособленчество, обман учащихся, лицемерие, показуху;

— приучает к точности, исполнительности, самостоятельности,

— посильна для любого учителя и применима в преподавании любого предмета;

— кончает с процентоманией и «липовым» качеством знаний;

— нравится детям, родителям, учителям;

— переход на новую педагогическую систему не требует от государства никаких дополнитель-

ных средств, а, напротив, обещает большой экономический эффект.

В. В. Горелов,
ст. Летяжевка
Саратовской обл.».

«...Я работаю пятый год по методике Шаталова и считаю, что она настоящее и будущее советской школы. Пора поставить широкий эксперимент под руководством Академии педагогических наук СССР. Это думают не только я, но и десятки тысяч учителей-экспериментаторов, которые, несмотря на все трудности, пробивают дорогу новой, прогрессивной методике.

С. Мирзоев,
учитель математики,
гор. Дербент».

Таких писем от учителей десятки. Еще более убедительны письма, адресованные непосредственно Виктору Федоровичу. В них, кроме слов благодарности и восхищения новой системой, содержитя большой фактический материал. Писем этих уже не десятки, а сотни. В. Ф. Шаталов обрабатывает поступающую информацию и пакует письма в «брекеты» по триста — пятьсот штук в каждом. Его кабинет заставлен штабелями этих «брекетов». «Для будущих исследователей», — говорит полуночью хозяин.

«...В начале третьей четверти проходило открытое партийное собрание, на котором высоко отмечены успехи экспериментального класса.

«Методика эта хорошая, — сказала завуч, — и нам всем надо брать ее на вооружение».

Н. Г. Василенко,
гор. Севан».

«...Теперь в школе по новой методике работают восемь учителей. В ноябре была фронтальная проверка района. Нашли много положительного. Теперь по плану района на базе нашей школы запланирован семинар-практикум для учителей якутского языка по новой методике.

В. Е. Орлов,
директор Техтурской
средней школы.
Якутская АССР, с. Техтур».

«С опорными сигналами по математике начала не с первых дней учебного года, и все же теоретический материал завершили задолго до окончания первого полугодия. Практическую подготовку еще не закончили — контрольная задана из горюха! Признаюсь, очень боялась. Но на 38 учащихся 21 пятерка! Это несравненно больше, чем в двух других классах, работающих по традиционной методике. Вот как!

Е. М. Михайлова,
гор. Дмитров Московской области».

«...Закончились экзамены в группе мотористов-электриков, занимающихся по новой методике. 34 курсанта — 34 пятерки! У меня в душе все ликовало. А сколько новых идей начали выдавать курсанты! Игорь Кривенко сделал на базе электроники тренажер. Приходится переходить на новую систему дипломных работ: теперь каждая работа содержит в себе творческую составляющую — модели, макеты, тренажеры. Ведь стране нужны не только грамотные специалисты, но и рационализаторы,

изобретатели, новаторы и творцы. В этом я вижу теперь нашу главную задачу.

В. Л. Глушко, ПТУ № 7,
гор. Одесса».

«...Вот и первые итоги. Вчера группа IV курса сдавала экзамены по гармонии (устно и письменно). В результате всего четыре четверки, остальные — пятерки! Решили все совершенно самостоятельно. Не было ни малейших попыток списать. Честно говоря, я ждала высоких результатов, но эти ошеломили даже меня. Ведь речь идет о традиционно трудном учебном предмете в музыкальном образовании. Душевное Вам спасибо!

Е. П. Сидоренко,
гор. Артем, Артемовская музыкальная школа».

«...В этом году нам необычайно повезло: мы проходили педпрактику в 17-м медучилище Москвы у Ю. И. Турчаниновой и Н. С. Зубаревой, которые несколько лет преподают физику по новой методике. До этого мы прочитали книгу «Куда и как исчезли тройки», но как выяснилось, все понять и осознать можно только тогда, когда услышишь четкие и ясные ответы, когда увидишь горящие вниманием глаза ребят, когда у доски начинают прекрасно говорить те, кто раньше ходил в «молчунах».

Получилось так, что мы пришли не только и даже не столько проверить и приложить свои знания, полученные за три года учебы в институте, но учиться новой методике, учиться работать творчески. Мы увидели труд учителя в новом прекрасном свете и гордимся своей профессией. Поверьте, мы не могли не написать это письмо. Здоровья Вам, творческих успехов и счастья!

Студенты IV курса физического факультета Московского педагогического института имени В. И. Ленина».

«...Десятиклассники буквально заставили меня давать физику по опорным сигналам. Что началось! Самый слабый «немой» отвечал пять минут не умолкая, а когда я сказала «достаточно», обиделася и попросил выслушать до конца. Я была счастлива. А потом... горевала. Бедные дети, бедная я! Они только в десятом классе начинают учиться, начинают говорить! Приходится оставаться после уроков. А сразу же после первого листа по переменному току: «А почему раньше вы нас так не учили?» Что им ответить? Что я только нынешней зимой узнала о семинарах в Донецке? Разве это оправдание? «А может быть, мы раньше закончим материал и повторим все?» После первых же шагов в новую методику столько радости! Они даже уроки теперь начинают сами — так дорожат временем!

А. Аменицкая,
Мытищи-2,
Московская область».

«...Два года назад нас заслушали на зональном совещании семи областей Урала. Получилось хорошо. Сейчас готовлю методическую разработку по использованию Вашего метода в преподавании черчения по Министерству авиационной промышленности. Очень много преподавателей бывает на уроках.

С. В. Новикова,
заведующая учебной частью
Пермского авиационного
техникума».

«...От работы сейчас получаю такое удовольствие, какого не получала во все предшествующие двадцать лет, хотя никогда плохим учителем не считалася. А ведь Вы открыли тысячи учителей. Многие из них без Вас бросили бы учительское дело. Мы же теперь спокойно получаем заработную плату — она за честный труд. А что говорить о миллионах учеников, познавших счастье ученичества!..

Н. И. Арефьева,
Ирбитский мотоциклетный
техникум».

«...Только что прошел в нашей школе городской семинар-практикум учителей «О работе по методике Шаталова». На каждом уроке присутствовало от 40 до 50 человек, хотя школам было разрешено прислать только по одному представителю. Задача была перед нами сложнейшая — справились! Впервые на городском семинаре было столько вопросов, что отвечать на них пришлось больше двух часов. Массу вопросов задавали ученикам, и они вели себя отлично. Работа по новой методике сейчас проходит у нас в городе в трех школах.

Балтийский лед, кажется, тронулся...

Е. Ю. Антонова,
учитель средней школы № 66,
гор. Рига».

«...Решение совета рено. 22 января 1981 года, Архангельск.

— Начать работу по изучению основ методики донецкого учителя В. Ф. Шаталова и поручить директорам школ № 55 и № 58 разработать систему изучения этой методики с целью повышения эффективности каждого урока к 1 марта 1981 года».

Так голосует наше учительство за педагогику Виктора Федоровича Шаталова.

Есть в редакционной почте и письма от педагогов высших учебных заведений, от педагогов-ученых.

Из Могилева пришло не совсем обычное письмо. Преподаватель педагогического института из этого города М. П. Буловацкий прислал целый научный труд: реферативный обзор опыта работы учителей-шаталовцев под названием «Свободное домашнее задание по математике и его роль в коммунистическом воспитании» на 22 страницах.

«Ваша публикация нужная и своевременная, — пишет М. П. Буловацкий. — Хотелось бы, чтобы разговор об этом новом направлении в педагогике был продолжен на страницах «Огонька». Буду рад, если вы найдете возможным использовать что-нибудь из предложенного мною материала».

А вот интересное письмо-обращение «противника» шаталовской системы: «Уважаемые коллеги (на кафедрах, в деканате, в ректорате, в партийных и комсомольских организациях)!

Прошу поддерживать инициативу студентов и создавать условия для ее развертывания. Я сейчас веду речь о шаталовцах.

За пятнадцать лет работы в НГПИ я не видел в области самоорганизации студентов, в области

УИРС ничего подобного. За считанные недели, в условиях предсессионной лихорадки столько успеть сделать: прослушать курс (результат поездки И. Даниловой за свой счет в Донецк), сдать экзамены, пройти публичный самоконтроль по листу открытого самоконтроля в присутствии учителей, работающих по методу Шаталова, и гостей, в том числе антишаталовцев (вроде меня), изготавливать массу опорных конспектов, размножить многочисленные статьи и материалы. И все это в условиях, когда некоторые ретивые администраторы лишают студентов аудитории и грозят исключением из института за их инициативу.

Моя дискуссия с шаталовцами (ибо я скептически отношусь к реализации идеи Шаталова в преподавании философии) убедила меня в том, что передо мною не фанатики, а энтузиасты, действительно способные овладеть системой на практике и пойти дальше.

Лично я готов помочь шаталовцам консультациями по философским проблемам методики обучения, считаю делом своей совести привести в чувство тех, кто вместо поддержки инициативы глушит ее административными окриками.

В. Тищенко,
доцент кафедры общественных наук Новосибирского государственного педагогического института».

Очень много писем пришло в редакцию от людей, впервые узнавших из нашей публикации про многолетний подвижнический труд В. Ф. Шаталова.

«Пишет вам постоянный читатель вашего журнала военнослужащий Советской Армии Ю. П. Барaban.

...Хотел бы побольше узнать об этой новой методике. Дорогая редакция, я буду очень признателен, если вы мне окажете в этом помощь».

С аналогичной просьбой обратился в редакцию молодой офицер Н. Молоков, прямо указав, что хочет организовать занятия с солдатами по новой методике. Мы послали ему копию методической статьи одного из военных авторов.

«...Очень прошу вас помочь мне узнать побольше практически о новой методике. Я не учитель, а просто отец своей дочери (ученица 6-го класса). У нас в семье так заведено, что я много занимаюсь с ней и вижу, как хромает на обе ноги современная система среднего образования. Хочу организовать обучение по новой системе «на дому» для дочери.

В. А. Волков,
Баку.

Вот на такие письма отвечать всего труднее. По какой причине?

За последние восемь лет о педагогической системе В. Ф. Шаталова опубликовано около шестисот (!) статей в газетах и журналах Советского Союза. Только центральная пресса за это время рассказывала о Шаталове и шаталовцах в более чем ста пятидесяти публикациях. За последние годы издательство «Педагогика» выпустило в свет две книги В. Ф. Шаталова: «Куда и как исчезли тройки» и «Педагогическая проза». Так что нет никаких проблем для тех, кто желает ознакомиться с новой системой образования.

А на самом деле лучшей рекомендацией для таких людей остается та, которая неизменно в течение четверти века помогала приобщиться к новой системе: напишите или, еще лучше, по-

езжайте в Донецк, в Институт усовершенствования учителей. Виктор Федорович никогда никому не отказывает в совете, помощи, консультации.

В чем же дело, почему в наш век стремительного развития средств массовой информации такой средневековый способ?

В редакционной почте есть исчерпывающий ответ и на этот вопрос.

«...Хочу спросить через ваш журнал министра просвещения УССР тов. Фоменко,— пишет учитель из Краснодара Е. А. Бесплатный,— когда он:

1. Разрешит Шаталову широкий эксперимент в школе? (Учитель спрашивает, когда же наконец В. Ф. Шаталову будет выделена хоть одна школа, где вся его система будет задействована во всех классах с первого по десятый по всем предметам.— М. Б.)

2. Когда можно надеяться, что поездки в Донецк на семинары станут организованными поездками в служебные командировки на сборы? (А не «диких паломничествами за свой счет.— М. Б.)

3. Даст команда на издание всего, что накопил Шаталов за двадцать пять лет своей работы? (Учитель хочет сказать, что все шаталовцы, к сожалению, вынуждены пользоваться фрагментами системы, потому что В. Ф. Шаталов до сих пор не смог издать в полном объеме всю свою систему для тысяч и тысяч учителей-практиков. Его две книги тоже, к сожалению, фрагменты, и, кроме того, немедленно по выходе в свет они стали библиографической редкостью.— М. Б.)

К этому письму, в котором поставлены три основные проблемы, стоящие на пути широкого, массового распространения новой системы, можно было бы добавить, что и в кругах Академии педагогических наук СССР к Шаталову и его работе относятся весьма прохладно. Очень характерно, что во многих письмах учителей-шаталовцев об этом отношении «сверху» говорится почти одними словами: «...При молчаливом согласии администрации мы начали работу по новой методике».

Да, ознакомление с общим положением, в котором находится учительство всей страны в части работы по новой методике, производит по меньшей мере странное впечатление.

Никакой конфронтации по поводу применения новой методики между органами просвещения и педагогической науки, с одной стороны, и учителями — с другой, нет. Существует... молчаливое согласие. И, однако, двадцать пять лет фактически кустарного введения новой системы силами только учителей, без помощи администрации, при всей могучей жизненной силе системы, при всем высочайшем кпд превращают ее в некое усеченное подобие самой себя.

И мириться с этим дальше нельзя.

Внезапно и неожиданно, но крайне своевременно наука и практика образования и воспитания вышли на новую ступень, поднявшись на качественно более высокий уровень. Новая педагогическая система «обречена на успех», это бесспорно. Но вот можем ли мы позволить себе «черепаший ход» ее внедрения?

М. БАРИНОВ

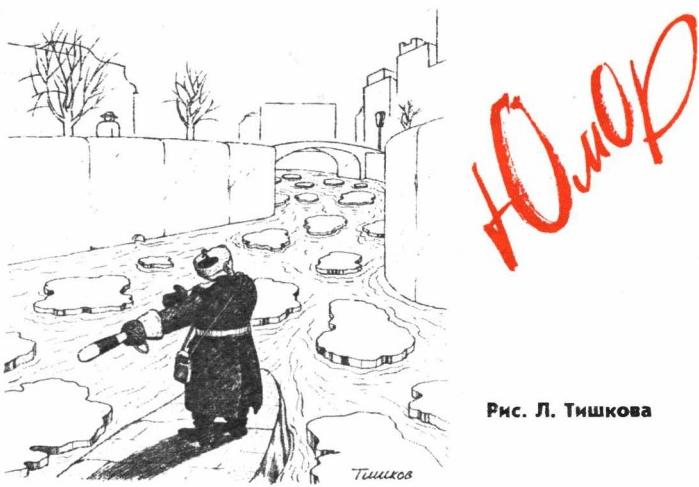

Рис. Л. Тишкива

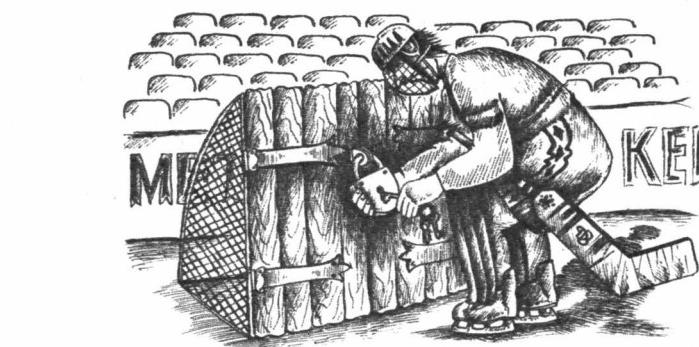

Рис. В. Дубова

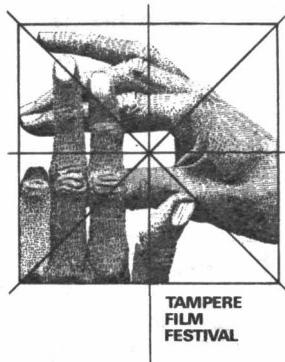

Рисунки А. Орехова

ЧЕМ ДЫШИТ ПЛ

Н. АЛЕКСЕЕВА,
специальный корреспондент
«Огонька»

Боязнь замкнутого пространства (или клаустрофия) — таково, очевидно, клиническое название болезни, всецело завладевшей жителями больших городов — центров буржуазной цивилизации. Именно к этой мысли приходишь после просмотра нескольких десятков документальных, короткометражных и мультипликационных фильмов, представленных на международном фестивале, который закончился недавно в финском городе Тампере.

И это замкнутое пространство создаю не только стены отдельной квартиры, но вообще стены небоскребов, неумолимо надвигающиеся на такого маленького, затерянного среди них человечка; слепящие огни рекламы, пестрым серпантином опутывающие свою жертву; бесконечный поток автомашин, пригвождающих к месту пешехода и одновременно как бы заключающих своих владельцев в цепкие, наглухо задраенные объятия. И человек во всем этом, как рыба в сети, ему неоткуда и не от кого ждать помощи, он одинок со своей болью, заботами, мыслями; его душа тоже становится герметично закупоренным сосудом, в котором, недоступно для постороннего взора, тихонько бурлят «страсти»...

Правда, время от времени они находят свой выход, как это случилось на наших глазах с молодым героем шведской игровой киноленты «Под кожей города», получившей Гран при фестиваля. А выход таков: в конце очередного бессмысленно проведенного дня парень берет в руки нечто очень тяжелое и начинает хладнокровно крушить все вокруг в своей холостяцкой квартирке. На этом, собственно говоря, и кончается фильм, но всем ясно: если бы он продолжился, то мы наверняка бы увидели повторение предыдущего дня героя, чья жизнь

давно идет по замкнутому кругу, вырваться из которого у него нет ни возможности, ни сил.

Так же, как и молодым героям финской ленты «Выигрыш», слоняющимся без работы и рассчитывающим только на выигрыш в игровом автомате. Так же, как и молодым героям датского фильма «Кусок банана и уголек»... И везде — одиночество. Эту же тему затрагивают сатирические мультфильмы «Небоскреб» (Югославия) и польский — «Танго», показывающие людей, далеких друг от друга и тогда, когда они отделены всего лишь тонкими перегородками крупнопанельного небоскреба; и даже в том случае, если наступают буквально соседу на пятки и никак вроде не должны, не могут разминуться в тесной комнатенке, но все равно друг друга не замечают («Танго» получило приз за лучший мультфильм фестиваля).

Вот тут-то и охватывает васnostальгия (еще один диагноз обществу безудержного потребления, поставленный в Тампере) по бескрайним зеленым просторам, уютным деревянным домикам, по старинным обрядам и праздникам, собиравшим людей всех вместе; по простым и добрым человеческим отношениям, по непосредственным контактам друг с другом. Для кинематографистов, снимающих подобные ленты, время будто остановилось, они внимательно и грустно рассматривают, кажется, совершенно незначительные детали давно ушедшего быта, любуются рассудительными морщинистыми стариками — живой укоризной и памятью «киных времен».

Что же касается документальных картин социалистических стран — таких, как «Бабка Калина и дед Стоян» (Болгария), «Традиции» (Венгрия) и других, — то они звучали в этом ряду кинолент, обращенных в прошлое, ярким оптимистичным аккордом, звучали они не как безнадежный плач по невозвратному, а призывом бережно хранить, из поколения в поколение передавать народные традиции и обычаи. Ибо человек, теряющий свои корни, теряет и самого себя.

Было бы неверно утверждать, что все содержание фестиваля (а на конкурсе тридцать стран показали более шестидесяти фильмов) исчерпалось вышеизложенными сюжетами. Сейчас в мировом кинематографе — особенно в документальном — огромное место занимает тема войны и мира, сохранения жизни на планете. И многое из того, что представляет непосредственную угрозу миру, стало предметом внимания прогрессивных кинематографистов.

В этой связи вспоминается документальный фильм «Они ничему не научились». Он рассказывает об открытии в Западном Берлине выставки профашистского скульптора Брекера, который по сию пору уверен, что при Гитлере

Германия была раем, и со временем третьего рейха по сей день продолжает любовно лепить портреты фюрера и прочих «арийцев», которые он и решил показать (в Западном Берлине). Этот весьма респектабельный, холеный старик, окруженный горсткой почитателей, журналистами, настойчиво повторяет им: «Я совершенно далек от политики, я лепил эти портреты для своего сада» (документалистам удалось заснять и тот момент, когда в разгар не очень-то приятного для скульптора интервью его тянет за собой некий «гражданин в штатском», приказывая не отвечать больше на вопросы и уйти в другую комнату). Но отчего же столь уверенному в себе «творцу» приходится оправдываться перед присутствующими? А дело в том, что выставочный зал окружен толпой демонстрантов, протестующих против проведения этой выставки. Эти люди с плакатами, люди, выкрикивающие антифашистские лозунги, окружены плотным кольцом полицейских. Но

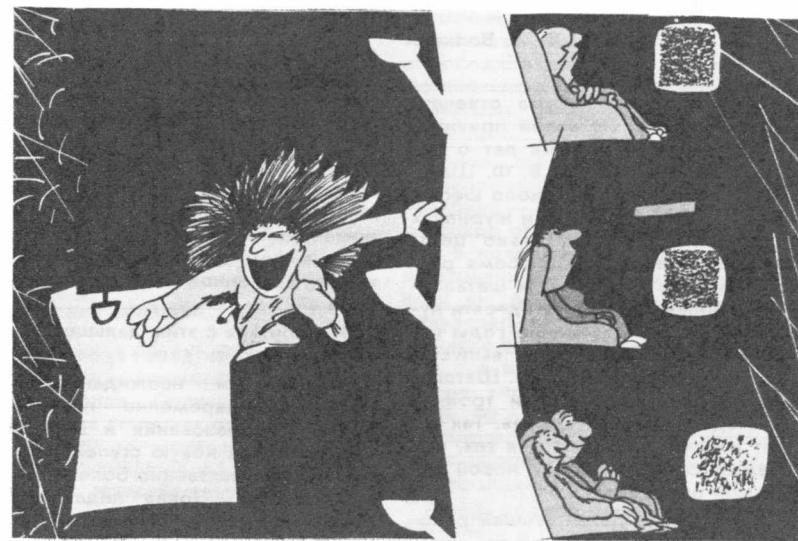
шум за окнами заглушает приветственные речи на церемонии открытия, крики протеста заставляют прислушаться к ним, к мнению народа. Правда, с мнением народа пока не привыкли считаться: выставка оставалась открытой около трех месяцев!

И потому, наверное, нет ничего удивительного в том, что в мире живут еще и такие «ожившие скульптуры» Брекера, с какой мы повстречались в другом фильме — «Адольф-II» (ГДР), вернее, это некий мистер Гей, всю жизнь, со временем второй мировой войны, добивающийся внешнего сходства с фюрером. Двойственное впечатление возникает на этом фильме. С одной стороны, вроде бы ты видишь типичного сумасшедшего, убеждающего всех, что он Адольф номер два, но... Он выходит на улицу, и ему встречаются люди, отдающие честь, приветствующие его на фашистский манер! Самодовольно улыбающийся маньяк, в любой момент готовый, как он сам уверяет,

«Они ничему не научились» [Западный Берлин].

«Небоскреб» [Югославия].

АННЕТА...

снова взять в руки оружие, продолжает свои ежедневные приятные прогулки по западногерманскому городу...

Всеми доступными им средствами прогрессивные мастера киноискусства пытаются предупредить мировую катастрофу, пытаются серьезно разобраться в причинах, способных привести человечество к страшной трагедии. К сожалению, не каждому художнику удается объективно подойти к этим вопросам, разобраться в них, найти верный ответ.

Так, создатели английского мультфильма «После Бердсли», в котором мы понапацу знакомимся с творчеством рано ушедшего из жизни талантливого 25-летнего художника Обри Бердсли, жившего в конце прошлого века,— его изящными, тонкими работами, насыщенными сказочными элементами,— переносят «душу» умирающего от чахотки Обри в наше время. Художник идет по земле и видит черные небоскребы, назойливые огни рекламы, видит проституток, наркоманов,— иначе говоря, весь тот арсенал средств, с помощью которых современное капиталистическое общество опустошает человеческие души. Но самым главным, самой последней каплей, заставляющей «оболочку» Бердсли вернуться к себе самому и срочно порвать все счеты с жизнью, становится то, что он увидел в нашем с вами ближайшем будущем. А выглядело это примерно так: некое жуткое существо на троне нажимает кнопки, и десятки ядерных ракет, между прочим, ярко-красного цвета, взлетают над миром. Атомное облако заполняет экран. Сразу обратив внимание на окраску ракет (ведь почти весь фильм был черно-белый), зритель внимательно всматривается... Ну, так и есть. Над троном «агрессора» начертаны серп и молот. Надо сказать, никакой иной реакции, кроме смеха в адрес режиссера, так легко погодившего на поводу у буржуазной пропаганды, этот «выпад против русских» у публики не вызвал.

В кулаурах фестиваля я встречалась и с председателем жюри, известнейшим румынским режиссером Ионом Попеску-Гопо и с советским членом жюри — кинодраматургом Александром Новогрудским. Оба положительно отзывались о гуманистической направленности фестиваля, о демократизме его программы, куда были отобраны также фильмы, рассказывающие о борьбе народов за свою свободу: «Фотография, обошедшая весь мир» (Куба), «Дядя Клодомиро и экономика» (Мексика)... Демонстрировалось немало кинолент, повествующих о мирном, восстановительном труде после войны; об условиях труда рабочего класса, его сложных взаимоотношениях с владельцами предприятий в разви-

тых капиталистических странах.

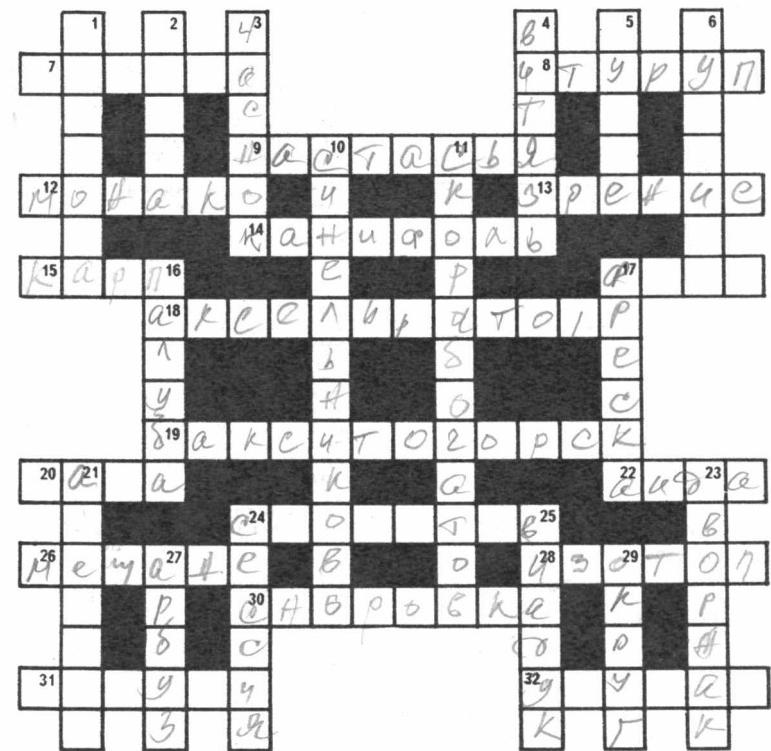
Перед глазами кинозрителя, без устали проводившего целые дни перед киноэкраном, мелькали самые пестрые картины сегодняшней жизни: тут и археологические раскопки, и рисунки детей, заклинатель змей и ловцы креветок, продавец газет из Испании и продавцы льда из Эквадора. Юмор, сатира, драма, трагедия... О чем бы и каким способом ни рассказывали нам постановщики кинолент, неизменным являлось вот что: фильм приковывал внимание зрителей к экрану только в том случае, если из массы фактов и жизненных впечатлений художник способен отобрать главные, если он честен и верит в то, о чем говорит и к чему призывает; если форма его произведения не довлеет над содержанием, чем, кстати сказать, очень грешили иные новаторы, порой совсем забывая о содержании. (Особым вниманием и зрителей и жюри на фестивале пользовались фильмы молодых режиссеров о молодежи, что вызвано естественным беспокойством как за будущее планеты, так и за будущее короткометражного кино.)

Тепло, доброжелательно была принята конкурсная программа Советского Союза, состоявшая из шести фильмов, а также ретроспектива короткометражных кинолент выпускников ВГИКа, среди которых — картины Шенгела, Шукшина, Михалкова, Шамшиева и других известных советских режиссеров. Специальный приз жюри получила наша картина «Неземная хроника» за правдивый, человеческий показ напряженного труда космонавтов во время длительного полета.

Жаль, но надо все-таки самим себе признаться, что на этот раз мы выступили на конкурсе не с самыми лучшими нашими фильмами, особенно это относится к документальным картинам, затянутым, чисто информативным, лишенным каких-либо художественных обобщений, образного, пластического осмысливания жизни. У нас в стране делается великое множество короткометражных фильмов, притом много по-настоящему хороших, но почему-то они на фестивале не попадают. Думается, компетентным лицам следует серьезнее и заинтересованнее подходить к отбору наших конкурсных программ.

...В день открытия кинофорума было зачитано приветствие президента Финляндии Мауно Койвисто кинематографистам, где он выразил надежду, что очередной, двенадцатый фестиваль пройдет на высоком профессиональном уровне и будет отвечать общечеловеческим интересам. Сейчас можно с уверенностью сказать, что в целом надежды организаторов фестиваля оправдались.

Тампере — Москва.

По горизонтали: 7. Рассказ А. П. Чехова. 8. Один из Курильских островов. 9. Действующее лицо в опере П. И. Чайковского «Чародейка». 12. Государство в Южной Европе. 13. Одно из пяти внешних чувств. 14. Смолистое вещество, применяемое для натирания смычков. 15. Рыба, разводимая в прудах. 17. Река на юге острова Новая Гвинея. 18. Прибор для измерения ускорений в летательных аппаратах, транспортных машинах. 19. Город в Ленинградской области. 20. Песня А. А. Алябьева на слова Н. П. Огарева. 22. Опера Д. Верди. 24. Русский ученый-физик XIX века. 26. Пьеса М. Горького. 28. Разновидность химического элемента. 30. Умение, ловкость, приобретенные практикой, опытом. 31. Азербайджанский поэт-лирик XVI века. 32. Горный массив в Казахстане.

По вертикали: 1. Чешская писательница XIX века. 2. Полезное насекомое. 3. Луковичное растение, овощ. 4. Научно-исследовательское судно Академии наук СССР. 5. Французский живописец, активный участник Парижской коммуны. 6. Меховой товар. 10. Город в Днепропетровской области. 11. Народный артист СССР. 16. Горизонтальное перекрытие в корпусе судна. 17. Живопись по сырой штукатурке. 21. Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 23. Чешский композитор и дирижер. 24. Периодические экзамены в вузах, техникумах. 25. Мост через горное ущелье, овраг. 27. Бахчевая культура. 29. Одна из форм советской автономии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 1. Водоспуск. 5. Интродукция. 9. Корпус. 11. Сапер. 13. Ерошка. 15. Жимолость. 16. Товаровед. 17. Пластилин. 19. Коробочка. 21. Гвидон. 22. Ялапа. 23. Фонтан. 24. Краснокамск. 27. Тимофеева.

По вертикали: 1. Вернисаж. 2. «Двор». 3. Урок. 4. Капитель. 6. Дупель. 7. Спартакиада. 8. Коэффициент. 10. Остроухов. 11. Симметрия. 12. «Русалочка». 14. «Курсистка». 18. Облако. 19. Контракт. 20. Арфистка. 25. Сейм. 26. Алле.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ф. Г. Исхаков — слесарь-инструментальщик Уфимского завода имени С. М. Кирова. (См. в номере материал «Четкий ритм».)

Фото Л. Шерстенникова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Могила А. С. Пушкина в Святоогорском монастыре. * Вид на Тригорский парк с венцом дома Осиповых-Вульф. * Восстановленная в 1979 году часовня на Поклонной горке в конце Еловой аллеи Михайловского парка. * Секретарь А. П. Ганибала в Петровском. * Любимые собаки семьи Пушкиных. Рисунок сестры поэта Ольги Сергеевны. 1833 год. (См. в номере материал «Вечность Михайловского».)

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.02.82. Подписано к печати 16.03.82. А 00335. Формат 70×108½. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 600. Заказ № 2019.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА,
специального
корреспондента
«Огонька»

17 марта в Красноярске торжественно закрылась V зимняя Спартакиада народов СССР. В течение двух недель лучшие спортсмены сборных команд союзных республик, городов Москвы и Ленинграда соревновались в девяти видах спорта.

Вспомним Олимпийские игры. Известно, что их проведение поручается, как правило, государствам с высокоразвитой экономикой. Это естественно: Олимпиада — технически и организационно — сложнейшее мероприятие. Финал Спартакиады народов СССР — это фактически наша всесоюзная Олимпиада. Сейчас она была впервые проведена в Сибири. Причем основная часть объектов, принимавших в эти дни участников финала, не сооружалась специально к Спартакиаде. Эти объекты возвели стремительное развитие спорта в Сибири. Например, в спартакиадном Дивногорске в прошлом году было проведено более ста различных физкультурно-массовых мероприятий, каждый четвертый житель города — спортсмен или физкультурник.

Спортсмены, тренеры, судьи, журналисты — все были единодушны: оборудование, оснащение, организация Спартакиады заслуживают самых высоких оценок. Отличные санные трассы, биатлонный стадион, трамплины для прыжков, спорткомплекс «Спутник», где соревновались конькобежцы, Дворец спорта «Енисей», принимавший фигуристов. Горнолыжные склоны оснащены не только буксировочными и канатно-кресельной дорогами, но и оборудованием для заливки трасс водой, что теперь является обязательным условием всех высококлассных соревнований. Спартакиада посетила и заполярный Норильск, где тоже есть Дворец спорта, там проводился хоккейный турнир юношей. В общем, Сибирь доказала, что является краем большого спорта.

* * *

Конькобежный лед бывает жестким, а бывает плотным. Это не одно и то же. Жесткий — при сильном морозе, а плотный — от мягкой воды. Популярную искусственную динамовскую дорожку в Москве заливают дистиллированной водой. В Дивногорске нужды в том нет. Там чистейшая, мягкая вода Красноярского моря. Это один из секретов высоких скоростей, показанных спортсменами. И все же причина эта не главная. На Спартакиаде не разыгрывалось многооборье. Здесь была узаконена олимпийская формула конькобежных соревнований. И вот Наталья Петрусева, одна из сильнейших в мире, смогла выиграть только две дистанции — 500 и 1500 метров. Результаты Ольги Плешковой в беге на 3 и 5 тысяч метров — 4 минуты 42,62 секунды и 7 минут 58,83 секунды, а также восемнадцатилетней Натальи Глебовой на тысяче метров — 1 минута 25,42 секунды — внушили уважение и надежды. Запомним же их имена, так веско прозвучавшие на Спартакиаде.

Что же касается мужчин-конькобежцев, то в сравнении с выдающимися результатами Дмитрия Бочкарева в беге на пять и десять километров достижения других можно назвать хорошими. Но более...

Как мы и ждали, Спартакиада помогла более четко очертить контуры главной команды нашей страны, которой предстоит выступать на Олимпийских играх в Сараево.

В лыжных гонках ситуация не простая. После своего олимпийского триумфа король лыж Николай Зимятов ушел в тень, долго болел, на недавнем чемпионате мира в Холмленколене не выступил, и оттуда наша команда привезла далеко не лучший набор медалей. Спартакиада назвала нового лидера. 22-летний Юрий Бурлаков из Хабаровска завоевал золотые медали в гонках на 15 и 30 километров и в эстафете 4 × 10 километров. Внушает оптимизм легкость, с которой он этого добился, а также огромное трудолюбие чемпиона и его неизменная уравновешенность. А что же все-таки Зимятов? Он был и есть. Бронзовая его медаль на 30-километровой дистанции стоит, быть может, иной золотой...

Не было в нашем лыжном спорте личности с таким обилием самых почетных побед, как у Галины Кулаковой, отдавшей гонкам более двух десятков лет. На Спартакиаде она выиграла 10-километровую дистанцию, это была ее 39-я золотая медаль чемпионки страны. И вот сорокалетняя Кулакова уходит...

Советский биатлон всегда был знаменит и почитаем во всех лыжных странах. Столько славных имен и побед хранят его летопись вплоть до последнего времени. И вдруг — стоп! Не тот бег и пули мимо цели на недавнем первенстве мира. Да и тому же на родной земле, в Белоруссии. Поэтому спартакиадные дела биатлонистов представляли особый интерес: в чем причина неудачи, лучшие ли в самом деле спортсмены страны выступали на мировом чемпионате? И вот гонка на 20 километров совершило неожиданно закончилась победой 27-летнего киевлянина Петра Бруенко, бежавшего далеко не быстрее всех, но зато ни разу в двадцати выстрелах не промахнувшегося. Бруенко в число лучших в последнее время не входил. Следующий вид биатлона — 10 километров. И здесь все стало на свои места: первые шесть мест заняли члены сборной страны. Победил олимпийский чемпион в эстафете сибиряк Владимир Барнашов.

Смело поспорили с членами сборной команды страны и горнолыжники. Если слалом и слалом-гигант у женщин выиграла Людмила Кедрина-Реус, участница чемпионата мира, то в скоростном спуске победила Наталья Перчаткина, которая вот уже нескользко лет не входит в состав сборной. Мужской слалом-гигант принес победу Михаилу Тимофееву. Но в слаломе и скоростном спуске победы достались членам сборной — В. Андрееву и В. Макееву. Увы, Спартакиада не выдвинула здесь новых имен.

Санный спорт — один из самых молодых олимпийских видов в стране, первые трассы у нас были построены лишь в 1968 году. Даже глядя на телевизионный экран, нетрудно понять, что санная трасса не прокладывается, а строится. Сложное сооружение и немалых денег стоит. Но обретенная искра разгорелась. Санний азарт волной пошел по стране. И вот уже в 1974 году сани помчались по трассам III Спартакиады народов СССР, а с 1978 года наши спортсмены начали завоевывать высшие награды на мировых чемпионатах и Олимпийских играх.

У мужчин, как и предполагалось, победил Сергей Данилин, у женщин — Елена Перминова. Важно и то, что средний возраст десяти лучших оказался значительно меньше, чем четыре года назад на предыдущей Спартакиаде.

Общекомандное первенство за-воевали спортсмены Москвы.

Отзвучали последние выстрелы, погасли электронные табло, разъехались по домам участники, но напутствие Спартакиады подхватили тысячи и тысячи лыжников, скороходов, саночников, хоккеистов, фигуристов — они продолжат свой путь к высотам мастерства.

В. ЛЕЙБОВСКИЙ

Стадион в Дивногорске.

Чемпионка Спартакиады Ольга Плешкова.

Сибирский мороз.

НАПУТСТ

На скоростном спуске Татьяна Великоредчанина.

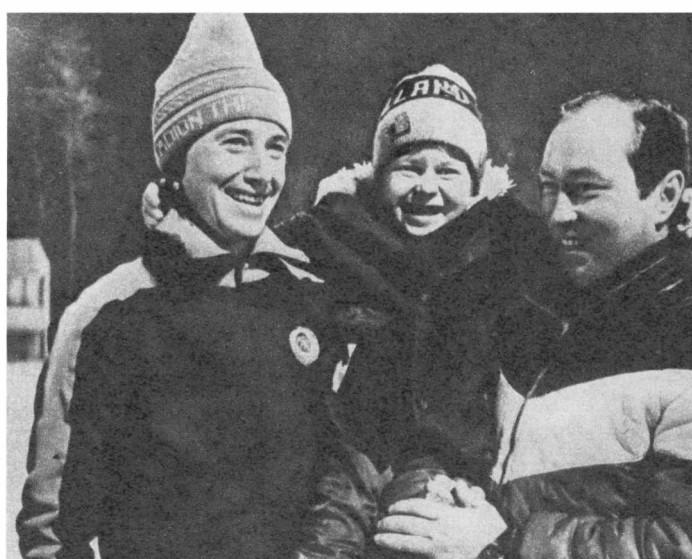

Николай Зимятов передает эстафету
Юрию Бурлакову.

На лыжном стадионе.

Семья Петрусевых.

ВУЕТ СПАРТАКИАДА

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

